4
K44 128

К 44 4/128
XV
№ 49588 – № 22/191

А. С. ПАНКРАТОВЪ

КРОВАВОЕ ЗАРЕВО

ОЧЕРКИ ВОЙНЫ

ст
К 44 4/128
I 1/10

А. С. ПАНКРАТОВЪ.

КРОВАВОЕ ЗАРЕВО.

ОЧЕРКИ ВОЙНЫ.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 27812
30-XI 1930 г.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ. 1915 Г.

ОТЪ АВТОРА.

Войну мнѣ пришлось наблюдать въ Галиціи. Вся исторія завоеванія этого края русскими и отходъ нашихъ войскъ изъ Галиціи прошли передъ моими глазами. Хотя край этотъ въ бóльшей своей части уже не нашъ, но то, что пережито и сдѣлано тамъ за девять съ половиной мѣсяцевъ, останется надолго въ памяти народа.

Галиція стала намъ болѣе родной послѣ войны, чѣмъ до нея: поля ея густо политы русской кровью и усѣяны нашими братскими могилами. Мы никогда не забудемъ это „русское кладбище" и будемъ всегда стремиться сдѣлать его своимъ. Уѣзжая 7 іюня изъ Львова, я простился съ этимъ городомъ на время:

— До свиданья, прекрасный городъ!

— До свиданья, Галиція!

Когда-нибудь, и, можетъ быть, очень скоро русскія войска снова и навсегда займутъ родную галиційскую землю.

Наконецъ, очерки галиційской кампаніи, которые я предлагаю вниманію читателя, разскажутъ имъ о войнѣ вообще; о ея ужасахъ и жестокостяхъ. И этимъ оправдаютъ свое появленіе въ свѣтъ.

А. Панкратовъ.

Москва, 1 іюля 1915 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Насадители порядка. Взорванная станція. По разоренной странѣ. Австріячка.

Былъ конецъ августа 1914 года. Нашъ поѣздъ шелъ около Жмеринки, когда въ наше купе вошли два чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ. Сѣли. Черезъ нѣсколько минутъ я съ верхней лавки услыхалъ ихъ разговоръ съ пассажиромъ:

— Куда направляетесь?

— Въ Збаражскій уѣздъ.

— Въ како-о-ой?

— Въ Збаражскій.

— Не слыхалъ.

Чиновники засмѣялись.

— Это въ Галиціи.

— А-а-а-а!..

— Въ Галичинѣ водворяется русскій законъ и порядокъ,—разсказывали чиновники.—Начали съ полиціи, чтобы, прежде всего, привести страну въ спокойное состояніе...

— Въ Тарнопольскую губернію,—сообщили они,—назначены наши черниговскіе исправники. Десять человѣкъ уже уѣхали туда.

Утромъ я познакомился съ пассажирами-чиновниками. Они сидѣли съ служащими другихъ вѣдомствъ. Тутъ были почтовый полевой надсмотрщикъ и ревизоръ кон-

трольной палаты. А въ сосѣднемъ вагонѣ—девять полицейскихъ и желѣзнодорожные служащіе. Въ купе перваго класса сидѣли гражданскіе и путейскіе инженеры.

Всѣ они ѣхали въ Галицію насаждать порядокъ и направлять разоренную войной страну на мирную дорогу. Тогда русская армія только что заняла Львовъ и билась подъ Городкомъ.

Говорили они, конечно, объ окладахъ, чинопроизводствѣ, дороговизнѣ квартиръ въ Галиціи...

Въ разговорахъ не замѣтили, какъ подъѣхали къ Волочиску. Поѣздъ двигался тихо и осторожно. Онъ проходилъ мимо нагроможденныхъ обломковъ досокъ, бревенъ и желѣзныхъ частей. По обѣ стороны дороги—картина разрушенія. Сгорѣли громадное депо и мастерскія. Остались желѣзныя балки, искривленныя и порыжѣвшія. Сгорѣла даже маленькая стрѣлочная будка, торчавшая между рельсовыхъ путей. Отъ нея остались фундаментъ и нѣсколько опаленныхъ досокъ.

Ближе къ станціи картина ярче. Сгорѣла водокачка. Огромный заржавленный водоемъ ея валяется на боку. Ѣхавшій съ нами здѣшній желѣзнодорожный служащій объяснилъ:

— Комендантъ ждалъ австрійцевъ и вынужденъ былъ сжечь....

Около станціи разбросаны ржавыя земледѣльческія орудія: паровыя молотилки, плуги и т. п. Сожженъ пакгаузъ съ невостребованными грузами. Отъ пакгауза остались однѣ нелѣпо торчащія желѣзныя балки. Служащій говорилъ, что пакгаузъ былъ полонъ цѣнныхъ грузовъ.

— Были австрійцы?—спрашиваю.

— Заходилъ небольшой отрядъ въ 80 человѣкъ, но былъ весь уничтоженъ казаками.

Пассажирское зданіе уцѣлѣло: динамитъ случайно не взорвался.

Поѣздъ остановился. Мы стали перетаскивать вещи на „австрійскую“ сторону станціи. Тамъ насъ ждали два маленькихъ дрянныхъ австрійскихъ вагона третьяго класса. Стекла въ нихъ почти всѣ перебиты. Двери плохо затворяются. Вагончики снаружи и внутри сѣрые, грязные, сорные.

Народу сѣло много. Военнымъ, понятно, предпочтеніе. Ихъ размѣстили прежде всѣхъ. Остальная публика стояла въ проходахъ, около горъ своего багажа. Я кое-какъ втиснулся. Внутри вагона уцѣлѣли австрійскія объявленія въ рамкахъ, на нѣмецкомъ, польскомъ и русинскомъ языкахъ, а также плакаты о вѣнскихъ гостиницахъ и австрійскихъ курортахъ.

Прицѣпили маленькій паровозъ, на которомъ было клеймо: „Berlin“. Онъ осторожно потащилъ насъ за собой. Сейчасъ же около вокзала на правой сторонѣ было пожарище. Австрійцы сожгли здѣсь русскія желѣзнодорожныя казармы и нѣсколько клуней.

На паровозъ нашего поѣзда прыгнулъ рабочій, у котораго на красной фуражкѣ написано: „проводникъ“. Онъ, какъ лоцманъ, проводящій пароходъ между минъ, направлялъ паровозъ черезъ опасный мостъ. Поѣздъ тихо двигался.

Мы проѣхали мостъ. Одна половина его (русская) была взорвана и безпомощно висѣла надъ рѣкой на громадной высотѣ. А другая (австрійская) цѣла. По ней мы и ѣхали.

— Осторожнѣе! —кричалъ проводникъ.

Я посмотрѣлъ внизъ. Рѣка шумѣла гдѣ-то далеко внизу. Многіе стали креститься—

— Пронеси Господи!..

Наконецъ, мы благополучно миновали мостъ и скоро очутились въ завоеванной странѣ.

У Подволочиска длинными рядами стоятъ на запасныхъ путяхъ товарные вагоны. Тутъ ихъ болѣе ста. Какихъ только надписей на нихъ нѣтъ! Всѣ желѣзнодорожные центры Австріи представлены здѣсь. Сѣренькіе вагончики—галиційскіе. На нихъ надписи: „Lwow", „Jaroslau" и т. п. Большіе красные вагоны—венгерскіе. На нихъ помѣтка: „M. A. V.". Есть даже прусскіе вагоны съ надписью: „Würtemberg".

Намъ достались сотни вагоновъ и болѣе 60-ти паровозовъ. Уже тысяча двадцать восемь верстъ желѣзнодорожнаго пути въ Галиціи и Буковинѣ принадлежатъ Россіи. Теперь даже больше, такъ какъ наша побѣдоносная армія, идущая въ Карпаты и къ Кракову, проходитъ вдоль желѣзнодорожныхъ путей. Каждый день поэтому даетъ намъ новыя пріобрѣтенія.

За товарными вагонами видны грандіозные элеваторы. Въ нихъ осталась австрійская мука. Часовые охраняютъ ее.

На путяхъ вездѣ мусоръ, тряпки, бумага, палки. Очищать станцію, видно, пока некогда. Поѣздъ прошелъ мимо большого и длиннаго угрюмаго зданія съ навѣсомъ. Это — вокзалъ. На перронѣ — два-три человѣка. Въ окнахъ — никого. Верхній этажъ зданія пустой. Вѣтеръ хлопаетъ открытыми окнами. Вся многочисленная австрійская желѣзнодорожная администрація убѣжала. На мѣстѣ ея теперь только 5—6 русскихъ служащихъ. Они ютятся въ четырехъ комнатахъ, оставляя огромное зданіе пустымъ.

Мѣстечко расположено кругомъ вокзала. Намъ изъ вагоновъ виденъ большой двухъэтажный домъ, весь изрѣшетенный пулями. Окна разбиты. Рядомъ съ нимъ домъ сожженъ. Торчатъ однѣ стѣны. Подволочискъ очень пострадалъ отъ мѣстныхъ мародеровъ въ тотъ періодъ, когда австрійская власть покинула мѣстечко, а русская власть еще не пришла.

Въ Подволочискѣ надо брать пропускъ у этапнаго коменданта или имѣть этотъ пропускъ изъ Россіи. Въ Галиціи еще не было общаго пассажирскаго сообщенія. Ѣздили военные и, какъ исключеніе, штатскіе.

Поѣздъ стоитъ мало. Къ двумъ нашимъ вагончикамъ прицѣпили длинный и тяжелый хвостъ товарныхъ вагоновъ съ мукой. Паровозъ, тяжело дыша, поплелся впередъ.

Мой пропускъ показался коменданту недостаточнымъ и я вынужденъ былъ вмѣсто пассажирскаго вагона сѣсть украдкой въ товарный. Студентъ, везущій желѣзнодорожные матеріалы во Львовъ, отодвинулъ краешекъ двери вагона и впустилъ меня. Тамъ уже сидѣли двое: русскій и русинъ. Они оказались привѣтливыми и разговорчивыми людьми. Въ особенности русинъ. Онъ усадилъ меня на солому, между двухъ бочекъ съ керосиномъ. Въ вагонѣ навалены ведра, лопаты, фонари, свѣчи, ящики со стекломъ. Мы, какъ мыши въ амбарѣ, сидѣли среди этихъ вещей.

Русинъ началъ сейчасъ же ругать австрійцевъ. Грабители и притѣснители. Всю Галицію разорили. Налоги брали большіе, а русинамъ ничѣмъ не помогали. Голодъ ли, наводненіе ли, — выкручивайся самъ. Слава Богу, теперь налогами не будутъ отягощать.

— Побрали всѣхъ на войну... Пашутъ подъ озимое десятилѣтніе мальчики...

— А вы почему не на войнѣ?

— Мое счастье.

Улыбается.

— Я служилъ во Львовѣ на желѣзнодорожной дорогѣ. У насъ желѣзнодорожныхъ берутъ на 40-й день мобилизаціи. Но день этотъ еще не наступилъ, какъ русскіе взяли Львовъ. Я и остался.

Поѣздъ шелъ такъ медленно, что можно было итти съ нимъ рядомъ.

Путь здѣсь одноколейный до самаго Тарнополя. Безлюдье кругомъ поражающее. Села попадаются часто. Видны чистые на видъ большіе дома, блещущіе бѣлизной штукатурки. Кругомъ—рощицы, аллеи. Бросаются въ глаза и зажиточность и высокая культура. Вьется лента прекраснаго шоссе съ приготовленными для ремонта кучками щебня. Но людей нѣтъ. Словно всѣ вымерли. Стоитъ лишь наша охрана у мостовъ и на путяхъ—ополченцы, да изрѣдка выскочатъ изъ-за насыпи ребята въ широкихъ шляпахъ, босикомъ, и закричатъ издали:

— Пане, киньте цукеру (сахару)!

— Киньте тютюну (табаку)!

Закричатъ и испугаются. И спрячутся за бугоръ. Подойти къ намъ боятся,—чужіе и страшные мы для нихъ. Каждый изъ дѣтей слышалъ въ своемъ селѣ или около села ружейные и пушечные выстрѣлы, хоронился вмѣстѣ съ взрослыми въ подполъ и теперь, вѣроятно, отождествляетъ насъ съ солдатами. Матери, вѣроятно, пугаютъ ихъ солдатами, когда шалуны долго не засыпаютъ:—спи, а то придетъ русскій солдатъ и съѣстъ тебя!

На этихъ „солдатъ“ смотрятъ теперь „звѣреныши“ изъ-за насыпи...

Проѣхали сожженный заводъ. Здѣсь пустынно и жутко. Уныло торчитъ уцѣлѣвшая труба.

Первая станція—„Богданівка“. Такъ написано надъ станціоннымъ навѣсомъ. Рядомъ — польское названіе станціи. Зданіе большое, помѣстительное. Казармы для служащихъ. Еще какіе-то дома, погреба. Но людей все нѣтъ. Дома пустые. Окна отворены, стекла разбиты. Изъ нихъ глядитъ тьма. Набросаны вороха бумаги, какіе-то письма и документы на нѣмецкомъ языкѣ. Это—станціонное дѣлопроизводство, разсѣянное по вѣтру, какъ ненужное.

Нашъ поѣздъ въ Богданівкѣ встрѣтили начальникъ станціи, жандармъ, телеграфистъ и стрѣлочникъ. Это—вся русская администрація. Они живутъ въ трехъ комнатахъ. Освѣщеніе у нихъ мрачное, и жизнь ихъ жуткая,—среди чужихъ и на чужой сторонѣ, вдали отъ семей.

Звонковъ на станціи нѣтъ. Поѣздъ тихо подошелъ, о чемъ-то подумалъ и такъ же тихо ушелъ. Пассажировъ новыхъ къ намъ не сѣло. Стрѣлочникъ повернулъ стрѣлку, и мы беззвучно поплелись къ слѣдующей станціи.

Изъ австрійцевъ на службѣ остались только переѣздные сторожа. Они въ синей австрійской формѣ, въ кепи съ австрійскимъ значкомъ. Когда проходитъ поѣздъ, эти сторожа стоятъ навытяжку рядомъ съ нашими солдатами.

Вторая станція—„Максимовка“. Вывѣска сдѣлана новая, по-русски. Но сбоку виденъ польскій текстъ. Здѣсь также пусто. Зданій больше, чѣмъ людей.

И всѣ станціи таковы. Безъ звонковъ, безъ буфетовъ. Безъ пассажировъ. Съ разбитыми окнами. Путь устланъ соромъ.

На мостахъ одинокіе часовые и воткнутыя въ землю длинныя палки (пикеты), обмотанныя соломой, которая полита смолой или керосиномъ. Тутъ же, въ сторонкѣ, ночевки солдатъ: шалаши или балаганы съ разбросанными кругомъ дровами и пепломъ отъ костра.

А по сторонамъ—молчаливыя, испуганныя села.

Мы ѣхали по разоренной войной странѣ...

Впрочемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ какъ-будто больше людей. Въ Боркахъ нашъ солдатъ любезничалъ въ группѣ русинскихъ женщинъ. Намъ слышны были ихъ хохотъ и слово „москаль“, которымъ именовали дѣвушки солдата.

Изъ-за забора выглянула голова человѣка. Я оклик-

нулъ его. Подошелъ, оглядываясь кругомъ, молодой человѣкъ въ крахмальной сорочкѣ и шляпѣ. Здѣшній крестьянинъ.

— Не продадите ли, панъ, тютюну?—обратился онъ ко мнѣ по-польски.

— Нѣтъ,—говорю,—не имѣю.

— Жалко... А то у насъ деньги есть, а тютюну нема. И достать негдѣ.

— Поѣхали бы въ Россію, тутъ близко.

— Была лошадь, угнали на войну. А по желѣзной дорогѣ ѣздить нельзя, насъ въ вагоны не пустятъ. Что слышно о войнѣ?

— Вы газетъ не получаете?

— Нѣтъ, живемъ точно на пустынномъ островѣ. Почты нѣтъ, телеграфа нѣтъ. Вся жизнь остановилась. И мы не знаемъ, когда воскреснемъ изъ мертвыхъ. У насъ папа римскій умеръ, такъ только третьяго дня узнали,—по рукамъ дошло до костела.

Въ мирное время онъ выписывалъ двѣ газеты: вѣнскую и львовскую. Привыкъ знать, что дѣлается на свѣтѣ. Теперь безъ газетъ скучаетъ.

— У меня братья на войнѣ. Сначала писали. А какъ прошли ваши, такъ и письма перестали доходить. Старуха-мать сокрушается... А у меня тютюну нѣтъ, тоже скучаю... Эхъ, поскорѣе бы кончилась война!

— Ну, хлѣбъ у васъ имѣется?—спрашиваю.

— Пока тянемъ.

— А войска проходили?

— Вотъ съ той горы даже стрѣляли. Такія страсти были!..

— Въ этомъ краю хлѣбъ еще остался. Я видѣлъ около домовъ одонья съ зерномъ. Австрійцы щадили крестьянъ, такъ какъ не предполагали, что разстанутся навсегда съ Галиціей. Они оставили даже желѣзнодорожный путь до Львова въ цѣлости. Ни одного моста

не взорвано. Проходя, говорили русинамъ: „До скораго свиданья“. Русскія же войска имѣли свой хлѣбъ въ запасѣ и не реквизировали у крестьянъ.

— Но фольварки у насъ опустошены.

— Почему?

— Паны-поляки и евреи поутикали. Никого не осталось. Начали всѣ брать... Суда у насъ нѣтъ, полиціи нѣтъ. Закона нѣтъ. Всѣ судьи и полицейскіе утикали. Тотъ правъ, кто взялъ. Жить страшно. Всѣхъ мы боимся. Иной разъ по ночамъ не спимъ, дома караулимъ, а отъ кого караулимъ—сами не знаемъ.

Поѣздъ неожиданно тронулся. Долго громыхалъ и кидалъ онъ насъ по соломѣ изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сжалившись, остановился. Я выглянулъ изъ двери и прочелъ надпись:

„Тарнополь“.

Мы въ „Тарнопольской губерніи“.

На штукатуркѣ тарнопольскаго вокзала видны слѣды пуль. Тутъ произошла схватка. Три австрійскихъ полка—15, 55, и 80 й—были разбиты около Тарнополя. Остатки въ паникѣ искали спасенія въ вагонахъ поѣзда. Русскіе обстрѣливали вагоны и попадали въ вокзалъ.

Тарнополь — чистый городокъ. Военная непогода здѣсь поулеглась. Городъ сталъ таковымъ. Открыты магазины. На улицѣ народъ. Но остались слѣды войны. Большой домъ еврейскаго госпиталя стоитъ разрушеннымъ австрійской гранатой. Разрушеніе только въ одномъ мѣстѣ, но домъ превращенъ въ нежилой. Разбиты окна, обваливается штукатурка. Нарядное зданіе банка испорчено тремя снарядами. Зіяютъ дыры. Остальные дома въ цѣлости. Лишь прошла глубокая борозда въ психикѣ жителей. Они до сихъ поръ со страхомъ вспоминаютъ пятичасовую перестрѣлку.

— Пули свистали по улицамъ, убили и ранили много цивильныхъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ еврей-торго-

вецъ.—Мы бросились въ погреба. Тамъ отсиживались. Человѣкъ пятнадцать съ ума сошли. До сихъ поръ больны. Да и мы всѣ долго были въ родѣ сумасшедшихъ. Виноваты во многомъ австрійскія войска. Они увѣрили, что не допустятъ русскихъ до города. Мы и остались...

На окраинѣ, гдѣ была самая жаркая схватка, никакихъ слѣдовъ ея нѣтъ. Словно ничего и не было. Въ полѣ—черная гладь пашни. Лишь двѣ братскихъ могилы напоминаютъ о недавнемъ быломъ.

Мы вернулись обратно на вокзалъ. Буфетъ вокзальный уже въ рукахъ русскаго. Прислуга русская. Мы почувствовали себя въ Россіи. Накормили насъ, конечно, борщомъ.

Когда я вернулся въ свой товарный вагонъ, тамъ были уже новые обитатели. На нашей соломѣ невозмутимо сидѣли два еврея, а въ углу стояла женщина въ синемъ костюмѣ. Но пришелъ кондукторъ и евреевъ высадилъ. Они долго упирались и клялись, что будутъ сидѣть такъ смирно, что панъ начальникъ ихъ не замѣтитъ. Но кондукторъ хладнокровно выбросилъ ихъ вещи и они быстро побѣжали въ слѣдующій вагонъ. Женщина подошла къ кондуктору и стала лепетать:

— Панъ добрій... панъ добрій...

Кондукторъ оглядѣлъ ее, засмѣялся и ушелъ. Женщина обратилась за поддержкой къ намъ. Она раскрыла свой ридикюль и, доставъ бумагу, подала мнѣ.

— Я русская,—сказала она по-польски,—жила въ Россіи.

Бумага оказалась документомъ. Въ родѣ метрики. Тамъ, въ одной изъ графъ, стояло слово „Russland". Затѣмъ она мнѣ дала другую бумагу—свой акушерскій дипломъ, выданный изъ львовскаго университета.

Все это она дѣлала нервно, испуганно: Глаза ея выражали мольбу. Мы всѣ успокаивали ее, какъ могли.

Она сѣла, наконецъ, на боченокъ и стала говорить, что ея мужъ въ австрійской арміи. Показала намъ его открытки съ позицій. Такія открытки въ изобиліи у каждаго австрійскаго солдата.

— Но какъ только ваши взяли Львовъ, письма прекратились. Некуда стало ему писать. Что съ нимъ,—не знаю... Ѣду во Львовъ узнать...

— Что же онъ вамъ писалъ?

— Скоро хотѣлъ пріѣхать. Я его ждала...

Поѣздъ пошелъ быстрѣе. Попрежнему мы тихо подходили къ станціи, тихо и уходили. Въ одномъ мѣстѣ, около полотна дороги, мелькнули двѣ братскихъ могилы и скрылись.

На станціи „Озерица"—картина полнаго разрушенія. Это—единственная станція по пути до Львова, уничтоженная австрійцами. Но не войсками. Войска все надѣялись вернуться. Станція разрушена начальникомъ станціи. Въ немъ одномъ явилось сомнѣніе въ возвратѣ. Онъ поджегъ зданія. Говорятъ, русскіе застали его за „исполненіемъ долга"...

Разрушены казармы, товарный складъ. Торчатъ желѣзныя балки. Сожжены стрѣлочныя будки. Отъ пассажирскаго зданія остались однѣ стѣны. Навѣсъ надъ платформой тяжко свисъ и готовъ обрушиться. На немъ навалены камни.

Все-таки осталась небольшая казарма. Въ ней и пріютились наши желѣзнодорожники.

Въ Красномъ (Красне)—яркіе слѣды недавняго тутъ жаркаго боя. Нѣсколько крестовъ на свѣже-засыпанныхъ могилахъ. Кресты ставили наспѣхъ. Нашли доски,—дѣлали крестъ изъ досокъ. Не нашли,—срывали вѣтки дерева, и изъ нихъ сплетали крестъ. Есть могилы и безъ крестовъ,—только холмики.

Около Краснаго произошелъ первый бой, показавшій обѣ стороны въ ихъ дѣйствительномъ видѣ: рус-

скихъ—въ ореолѣ храбрости, а австрійцевъ—въ совершенствѣ военной техники.

Я вышелъ съ вокзала и пошелъ по ровному полю. Прошелъ дождь, и было грязно. Впереди что-то чернѣло. Смотрю,—яма или, вѣрнѣе, коридорчикъ въ землѣ, на одномъ концѣ котораго углубленіе и навѣсъ надъ углубленіемъ.

Правильный рядъ такихъ ямъ уходилъ къ горизонту. Это—австрійскіе окопы. Верхъ саперной техники. Навѣсъ какъ-будто каменный и покрытъ землей. Онъ изъ цемента. Этотъ навѣсъ предохранялъ солдата отъ снарядовъ. Поверхъ навѣса—ложбинка для ружья. Навѣсъ длиной съ ружье безъ штыка. Въ такомъ окопѣ солдатъ свободно стоялъ и видѣлъ непріятеля, самъ не будучи замѣтенъ.

Вспоминаю разсказъ одного солдата, участника боя подъ Краснымъ.

— Послѣ Тарнополя непріятель пропалъ изъ виду. Ищемъ его, — нѣтъ. Идемъ впередъ. Расположились однажды на полѣ обѣдать. Кто уже взялъ себѣ похлебки, кто еще нѣтъ. Вдругъ легкій выстрѣлъ. И по полю показались дымки. Мы оказались подъ выстрѣлами. Австрійцы стрѣляли изъ окоповъ, Мы ихъ не видимъ, а они по насъ жарятъ. Окопались и мы. Но не достанемъ ихъ винтовкой, да и только. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ они тамъ! Видны одни штыки. По штыку и палили. Но съ фланговъ къ нимъ зашла наша артиллерія и давай ихъ угощать гостинцами. И мы стали напирать. Подошли вплотную. Людей потеряли, а подошли. Выскочили они изъ окоповъ, а мы ихъ пулеметами. Они во вторые окопы и снова исчезли. Опять мы на нихъ навалились. Выскочили они и бѣжать. А пулеметы имъ взадъ. Сколько ихъ тутъ погибло! Все поле было усѣяно тѣлами...

За первымъ рядомъ окоповъ второй такой же рядъ.

Валяются тряпки, грязные бинты. На днѣ окоповъ обоймы отъ патроновъ. Деревянное ложе ружья. Сломанное колесо отъ зарядного ящика, и тутъ же самъ пустой ящикъ на боку въ лужѣ грязи.

Дождь и время уже засыпаютъ окопы. Возвращаются испуганные жители и на крови мирно сѣютъ хлѣбъ. Есть окопы уже засыпанные. Плугъ прошелъ по нимъ и сравнялъ. Вдали холмъ, какъ-будто зеленый. На немъ большой деревянный крестъ. Братская могила.

Миромъ и покоемъ обвѣяно кровавое поле...

Когда я пришелъ въ свой вагонъ, мои товарищи по путешествію спали на соломѣ. Не спала лишь наша „австріячка". Она сидѣла на боченкѣ и, обхвативъ голову руками, о чемъ-то думала. Увидала меня и стала говорить объ австрійцахъ. Какіе они плохіе люди! И было видно, что говорила она это потому, что боялась меня, спавшихъ въ углу людей и сумерекъ, которыя спустились на землю. Она не вѣрила въ наше миролюбіе и видѣла въ насъ побѣдителей. О побѣдителяхъ она имѣла самое мрачное представленіе.

Я не зналъ, какъ успокоить ее. Все равно, она ничему не повѣритъ. Легъ на солому, подложилъ подъ себя озябшія ноги и притворился спящимъ. Она замолчала.

Прошло минутъ пять. Вдругъ я слышу,—она тихо запѣла. Прислушиваюсь. Тоскующая малороссійская пѣсня. И языкъ малороссійскій. Сразу исчезло все: и громыхающій поѣздъ съ холоднымъ вагономъ, и война съ ея ужасами. Открылось южное теплое небо...

О, зрада, зрада,
Кари очи, зрада...

Можетъ-быть, эта пѣсня осталась у нея отъ дѣтства, проведеннаго гдѣ-то въ Россіи.

Ой, зійдешь, зійдешь
Русску Украину...

И вотъ, эту хорошую минуту я испортилъ самымъ глупѣйшимъ образомъ. Пѣсня понравилась, и я, по привычкѣ все записывать, захотѣлъ ее записать. Вынулъ блокъ-нотъ и сѣлъ съ „австріячкой" рядомъ. Она повторила слова пѣсни, но уже холодными губами. И я видѣлъ, какъ глаза ея испуганно метнулись.

Я записалъ и спряталъ книжку. Она молчала.

— Прошу пана, можетъ, я чего дурне співала?— обратилась она вдругъ ко мнѣ.

— Ничего дурного. Хорошая пѣсня,—не понялъ я ея настроеніе.

— Нѣтъ, пане... Я дурне співала... Это нельзя співать.

Глаза ея наполнились слезами. Она поблѣднѣла и плачущимъ голосомъ повторяла:

— Дурне... Ахъ, я...

И вдругъ зарыдала истерическими слезами. Проснулись мои спутники. Втроемъ мы стали ее утѣшать и какъ-будто успокоили.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я русина, который говорилъ съ ней по-польски.

— Испугалась баба.

— Чего?

— Вы въ книжку записали, а она думала, что теперь ее за пѣсню поведутъ къ разстрѣлу... Австріячка она, а вы русскій!

— Боже мой!..

— Время теперь военное. А они напуганы австрійскими войсками. Тѣ, уходя, говорили, что русскіе рѣжутъ дѣтей и женщинъ.

„Австріячка" молча слѣдила за моими движеніями. Если бы я сидѣлъ спокойно,—успокоилась бы и она. Но я на станціи сошелъ на платформу.

Когда вернулся,—ея уже не было. Русинъ разсказывалъ, что она, какъ только я ушелъ, съ крикомъ и слезами спрыгнула на землю и скрылась въ темнотѣ. Она думала, что я пошелъ привести свой планъ въ исполненіе.

Я прошелъ по вагонамъ. Ея не было нигдѣ.

На душѣ у меня было тяжело...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Львовъ и львовская жизнь въ первые дни по завоеваніи города. Львовъ въ послѣдніе дни русскаго владѣнія.

Передовыя части—русскихъ войскъ вошли во Львовъ 21 августа.

Въ серединѣ сентября (15-го числа) я пріѣхалъ изъ Волочиска въ завоеванный городъ. Нашъ поѣздъ пришелъ во Львовъ поздно ночью. Вышли мы на станціи Львовъ-Подзамочье. На платформѣ встрѣтили насъ одни солдаты съ ружьями въ рукахъ. Я отворилъ двери вокзала, думая пройти въ залъ, но услыхалъ голосъ:

— Сюда нельзя.

Стоитъ часовой съ ружьемъ. Весь залъ наполненъ солдатами. Ружья въ козлахъ.

Я пошелъ къ другой двери. Тотъ же результатъ. Вокзалъ занятъ войскомъ.

— Гдѣ же можно пройти?

— Вотъ комната.

Указываютъ на одно, свободное отъ солдатъ, помѣщеніе. Вхожу, это „первый классъ". Тамъ уже расположились тарнопольскіе евреи, пріѣхавшіе со мной, двѣ польскихъ семьи и нѣсколько военныхъ врачей, ѣдущихъ въ полевые госпитали.

— Можно достать извозчика?—спрашиваю у жандарма.

— Нѣтъ. Да васъ и не выпустятъ съ вокзала до утра.

— Почему?

— Такое распоряженіе.

Оказалось, что мы попали во Львовъ въ самую тяжелую минуту его новой жизни.

— Стрѣляютъ изъ оконъ въ нашихъ солдатъ,—объяснилъ толпѣ пассажировъ комендантъ.

Спросили:

— Кто?

Комендантъ пожалъ плечами, какъ бы говоря, что вопросъ наивный. Изъ офицеровъ одинъ объяснилъ такъ:

— Евреи.

Но черезъ минуту на вокзалѣ появился военный врачъ и объявилъ со словъ какихъ-то офицеровъ:

— Польскіе соколы шалятъ...

Позднѣе я слышалъ уже другія версіи и новыя объясненія.

Кто бы тамъ не стрѣлялъ, но намъ, пріѣхавшимъ во Львовъ, пришлось туго. Насъ окружили и потребовали пропуски этапныхъ комендантовъ. Потомъ оффиціально заявили, что до утра не выпустятъ. Это была вполнѣ разумная мѣра, такъ какъ итти или ѣхать ночью по городу, въ которомъ идетъ стрѣльба, опасно.

Напротивъ вокзала вывѣска отеля. Очень хотѣлось спать и я прошелъ къ выходу, думая, не пустятъ ли солдаты. Послѣдовалъ категорическій отвѣтъ:

— Нѣтъ.

Еще когда мы только что вошли въ отведенную намъ комнату, послышался гдѣ-то недавно винтовочный выстрѣлъ. У вокзала растетъ роща. Въ ней гулко отдался этотъ звукъ.

Потомъ стрѣляли еще и еще. Всѣ выстрѣлы были одиночные.

Разсвѣло. Но пустынная улица долго не подавала голоса жизни. Лишь изъ дальняго двора выѣзжали одинъ за другимъ казаки и пропадали за угломъ. Намъ можно было итти, но извозчиковъ нѣтъ.

— Ихъ и не будетъ,—объявилъ жандармъ.

— Почему?

— Извозчики здѣсь по большей части евреи, а они теперь носу не высунутъ.

Что было дѣлать? Комендантъ объявилъ, что сейчасъ будетъ поѣздъ, который отвезетъ всѣхъ на центральный вокзалъ. А тамъ, дескать, будутъ извозчики. Я услыхалъ объ этомъ уже въ дверяхъ. Багажъ мой легкій и я пошелъ по городу пѣшкомъ, не пожелавъ ожидать поѣзда.

Первая короткая улица была совершенно пустынная. Въ окнахъ ни одной фигуры. Но когда присмотришься къ окну, особенно къ окну верхняго этажа, то видишь, какъ занавѣски тихо раздвигаются и кто-то незамѣтно глядитъ на васъ. Вторая улица уже съ народомъ. Но опять больше всего солдатъ. Это патрули. Они ѣздили и шли одинъ за другимъ. Тутъ и ополченцы и солдаты дѣйствительной службы. Всѣ съ ружьями. Глаза ихъ безпокойно бѣгали по окнамъ верхнихъ этажей.

Всѣ, кто попадались на пути, подвергались обыску: нѣтъ ли оружія? Обыскиваемые поднимали руки вверхъ и держали ихъ такъ, пока солдатъ осматривалъ карманы. Я вспомнилъ вооруженное возстаніе въ Москвѣ. Картина была однородная.

Гдѣ-то недалеко раздался винтовочный выстрѣлъ. Изъ воротъ, изъ лавокъ выглядывали кучками испуганные люди. Больше всего женщины. Онѣ тоже, какъ и солдаты, смотрѣли въ окна верхнихъ этажей и даже показывали туда пальцами. Я поднялъ голову и уви-

далъ, что верхніе этажи изрѣшетены пулями. Одинъ домъ, другой, третій... вся лѣвая (правая не тронута) сторона обстрѣляна. Кое-гдѣ разбиты стекла. Но, больше всего, пули оставляли на стеклахъ и на штукатуркѣ дырочки.

Повертываю на другую улицу—та же картина. Патрули и изрѣшетенные этажи. Въ пробитыхъ окнахъ, конечно, безлюдье и мракъ. Откуда-то вынырнулъ человѣкъ и подойдя ко мнѣ, сказалъ, снявъ шапку:

— Пане, дозвольте помочь!

И, не дожидаясь позволенія, взялъ у меня изъ рукъ чемоданъ.

На правой рукѣ его была цвѣтная перевязь. На перевязи серебряная пуговица и буквы „M. S. O.“.

— Кто вы такой?

— Добровольная полиція. Мы безплатно помогаемъ русскимъ.

А у самаго глаза безпокойно, испуганно бѣгаютъ по сторонамъ. Вижу, не въ помощи тутъ дѣло. Человѣку хочется пройти, но онъ боится патрулей. Съ русскимъ человѣкомъ, одѣтымъ въ военную форму, пройти безопаснѣе.

Идемъ съ нимъ по узкой улицѣ. Налѣво дворикъ. Отворены ворота. Около стѣны дома стоятъ полукругомъ нѣсколько человѣкъ и глядятъ на землю. Меня заинтересовало. Подхожу и вижу двухъ убитыхъ людей, по костюму и виду евреевъ.

— Когда убили?—спрашиваю.

— Вчера.

Это—случайныя жертвы перестрѣлки. Ихъ почему-то еще не прибрали. Ждутъ родственниковъ.

Вчера (14-го сентября) произошла здѣсь такая исторія. Изъ верхнихъ этажей домовъ, расположенныхъ около ратуши, грянули неожиданно выстрѣлы, повидимому, въ нашихъ солдатъ. Стрѣляли изъ револьверовъ. Подня-

лась паника. Въ одномъ мѣстѣ публика сгрудилась около трамвая. Истерическіе крики женщинъ сливались съ выстрѣлами.

Одинъ изъ русскихъ чиновниковъ, очевидецъ происшедшаго, разсказывалъ:

— Я видѣлъ, какъ изъ отвореннаго окна чья-то злодѣйская рука, не цѣлясь, стрѣляла въ толпу. Но никто не былъ ни убитъ, ни раненъ. Словно негодяй стрѣлялъ холостыми зарядами.

Сейчасъ же были приняты военныя мѣры. Вызвали войска. Началась стрѣльба. Бросились въ дома, откуда были выстрѣлы. У кого-то нашли оружіе, человѣкъ пять были преданы военному суду...

Когда паника улеглась, стали подводить итоги Два солдата убиты и трое ранены. Изъ жителей пострадали человѣкъ семьдесятъ... Преимущественно евреевъ.

Львовъ, доселѣ спокойный, заволновался. Всѣхъ интересовалъ вопросъ:

— Кто стрѣлялъ?

Я говорилъ уже, что рѣшали по разному, ловя налету сплетню и злой навѣтъ. Поляки говорили, что стрѣляли евреи. Евреи, что польскіе соколы.

Но, вѣроятно, ни то, ни другое не вѣрно. Одиночные выстрѣлы въ городѣ, переполненномъ русскими солдатами, безсмысленны. Единственная цѣль ихъ—вызвать суровыя мѣры со стороны русскихъ военныхъ властей.

Ясна австрійская провокація. Людьми какой націи она выполнена,—неважно.

Въ завоеванномъ городѣ это не новое явленіе, а просто продолженіе войны.

Провокація имѣетъ такое объясненіе. Львовъ взятъ безъ выстрѣла, цѣлымъ и невредимымъ. Разсказы австрійцевъ о жестокости русскихъ оказались сказками. Городъ зажилъ спокойной,—насколько возможно спокойствіе въ военное время,—жизнью.

Австріи надо было создать поводъ для разрушенія города русскими гранатами. Выстрѣлы австрійскихъ провокаторовъ и стремились создать этотъ поводъ. Но русская власть не пошла на эту удочку...

Напряженность момента отозвалась, конечно, на физіономіи города. На улицахъ было мало народа. Евреевъ почти не видать. Нѣкоторые магазины запирались въ два-три часа дня.

Но прошелъ день-два, и о выстрѣлахъ забыли. Городъ сталъ обычнымъ; живымъ и нарядным. Камло пронзительно выкрикивали названія газетъ. Все въ движеніи. Лишь темныя окна разстрѣлянныхъ домовъ долго напоминали о днѣ 14-го сентября.

Это нарушеніе правильной жизни было единственнымъ. Оно болѣе не повторялось. Даже когда русскіе оставляли Львовъ, жители не сдѣлали на нихъ никакихъ покушеній.

* * *

Самый лучшій вокзалъ въ Россіи былъ безусловно Львовскій.

Поѣздъ входитъ подъ грандіозный стеклянный навѣсъ галлереи. Съ верха этого навѣса сняли сдѣланные изъ чугуна иниціалы Франца-Іосифа. Они валялись на перронѣ. На платформѣ въ первые дни львовской жизни всегда было пустынно. Стояли лишь три-четыре солдата съ ружьями. Бродилъ одиноко жандармъ. Не было ни носильщиковъ, ни обычной на вокзалахъ встрѣчающей публики. Чтобы попасть въ залы, надо спуститься въ первый этажъ. Поѣздъ стоитъ какъ бы на второмъ этажѣ. Тутъ солдаты, солдаты и солдаты.

Второй залъ—залъ кассъ. Слѣдующіе два зала рядомъ— „почекальни“ (ожидальни)—такъ написано на дверяхъ по-русински. Въ нихъ расположились наши се-

стры милосердія. Тутъ перевязочный пунктъ. На цыновкахъ лежатъ раненые изъ-подъ Перемышля.

Огромный залъ—первый классъ. Два большія зеркала въ стѣнахъ. Часы остановившіеся на двѣнадцати. Некому ихъ завести. Около стѣнъ съ десятокъ гробовъ, въ которыхъ лежали тѣла умершихъ офицеровъ. Около гробовъ сидѣли печальныя, траурныя вдовы. Они пріѣхали въ Галицію, чтобы отвезти прахъ убитыхъ мужей домой.

Буфетъ отвратительный. Полки шкафа пустыя, на стойкѣ также пусто. Прежній буфетчикъ убѣжалъ. Временно кое-какъ содержитъ буфетъ какой-то полякъ. Ждали русскаго. Офиціанты уже русскіе. Спрашиваю одного:

— Какимъ образомъ вы здѣсь?

— Пришелъ счастья искать. Служилъ въ Москвѣ, въ „Эрмитажѣ“, потомъ въ Кіевѣ. Прочелъ въ газетахъ, что русскіе завоевали Львовъ, и думаю: тамъ въ нашемъ братѣ будутъ нуждаться. И пріѣхалъ. Да нашихъ здѣсь уже не мало.

Это піонеры русскаго порядка жизни...

Я вышелъ на улицу. Около вокзала цѣлый привокзальный городокъ. Огромныя мастерскія, въ которыхъ работало до 8 тысячъ человѣкъ. Работа производилась электричествомъ. Въ моментъ занятія города русскими въ мастерскихъ и депо находились 28 паровозовъ.

Большіе склады дровъ, которые караулили наши часовые. Я видѣлъ тамъ уже русскія надписи: „Курить строго воспрещается“.

Два съ половиной милліона пудовъ каменнаго угля досталось русскимъ. Матеріальный складъ, вещами котораго можно оборудовать всѣ галиційскія дороги. Въ складахъ оказалась масса форменнаго платья. Синія куртки роздали нашимъ сторожамъ. Они оторвали только

блестящія пуговицы и щеголяли въ австрійской формѣ. Магазины съ мукой.

Словомъ, большое богатство.

* * *

При вокзалѣ, въ одной изъ казармъ, расположился нашъ „Красный Крестъ". Однимъ изъ уполномоченныхъ этого отряда „Краснаго Креста" состоялъ графъ И. Л. Толстой.

Я думалъ встрѣтить графа въ походной обстановкѣ, гдѣ-нибудь въ вагонѣ или въ номерѣ гостиницы, а нашелъ въ квартирѣ изъ пяти комнатъ, комфортабельно обставленной.

На звонокъ вышла женщина, видимо, прислуга:

— Пана графа нема.

Обжитая квартира: мягкая мебель, рояль, трюмо, буфетъ съ посудой, электрическое освѣщеніе, картины, пуховики на постеляхъ.

Пришелъ хозяинъ,

— Это ваша квартира?—спрашиваю.

— Моя,—смѣется графъ.

На двери прибита изящная дощечка съ именемъ инженера Вронскаго. За ней заткнута карточка графа И. Л. Толстого.

— Вронскій—милый человѣкъ,—сказалъ графъ.— Онъ оставилъ все: не только обстановку, но даже и свою кухарку, которая теперь готовитъ мнѣ.

Оставлена связка ключей отъ разныхъ амбаровъ и чулановъ. Я слышалъ, какъ наша сестра милосердія, завѣдующая хозяйствомъ, строила вслухъ догадки:

— Отъ чего этотъ ключъ?

Этажомъ выше—квартира другого инженера, обставленная еще комфортабельнѣе. Тамъ жили сестры милосердія. Весь огромный домъ состоялъ изъ такихъ

квартиръ, оставленныхъ „на милость побѣдителя“. Люди же убѣжали.

И вотъ, я ходилъ по этой „нашей“ и въ тоже время „чужой“ квартирѣ и по предметамъ изучалъ ея владѣльцевъ и ихъ жизнь.

Портретъ Мицкевича и томикъ его стиховъ. Рядъ картинъ. Кухарка говоритъ, что ихъ рисовала дочь Вронскаго. Которая? Ихъ нѣсколько на фотографіяхъ. Маленькая ли улыбающаяся блондинка, или брюнетка съ крупными и острыми чертами лица? Вѣроятно, блондинка, такъ какъ темы картинъ наивныя.

Портретъ самого Вронскаго. Типичный полякъ. Въ котелкѣ. Видъ щегольской. Рядомъ—жена его, полная дама, въ черномъ платьѣ.

Незапертый рояль. Вѣроятно, около него произошелъ споръ. Жена настаивала запереть. „Варвары будутъ бить по клавишамъ кулаками и разобьютъ“. А мужъ разумно разсудилъ: „Если запереть, варвары оторвутъ крышку“. И оставили рояль отпертымъ.

— Скоро вернемся. Можетъ быть, не успѣютъ сломать.

Въ гостиной, около низенькаго трюмо, на креслѣ, брошена какая-то синяя матерія. Развертываю,—самые обычные штанишки пятилѣтняго ребенка, вытертыя и прорванныя назади.

Мать сѣла, чтобы заштопать штанишки. Но взволнованный мужъ пришелъ и объявилъ: „Русскіе близко. Немедленно собирайся въ путь!“ И штанишки были забыты около трюмо.

Жена со слезами прощалась съ уютомъ, ею созданнымъ. Просила съ собой взять то и это. А мужъ, скрывая положеніе, торопилъ: „Не надо. Черезъ нѣсколько дней наши прогонятъ русскихъ, и мы вернемся“.

А самъ думалъ:

— Вернемся, но не найдемъ ничего. Варвары разграбятъ.

А „варваръ“, т.-е. графъ И. Л. Толстой, каждый день оглядывалъ комнаты: „Цѣлы ли вещи: все ли на своемъ мѣстѣ?“ Это его забота.

— Пропадетъ что-нибудь,—скажутъ, что русскіе—грабители. А узнаютъ, что я тутъ жилъ,—на весь міръ прославятъ: „сынъ Толстого разграбилъ квартиру“...

Онъ уѣзжалъ изъ Львова и думаетъ составить списокъ вещей, какъ онъ ихъ нашелъ въ квартирѣ и какъ оставилъ, засвидѣтельствовать у нотаріуса и передать г. Вронскому черезъ кухарку. Копію оставить, на всякій случай, у себя.

— Кстати поблагодарю хозяина за радушный пріемъ.

Такихъ обжитыхъ и оставленныхъ квартиръ масса во Львовѣ. Люди поспѣшно бѣжали въ Вѣну отъ „варварства“ русскихъ. Квартиры эти были потомъ приведены въ извѣстность, всѣ вещи, находящіяся въ нихъ, переписаны и, насколько можно, охранялись. Они отдавались для жительства русскимъ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Вечеромъ въ столовой квартиры Вронскаго, гдѣ мы сидѣли, загорѣлось электричество. Но погорѣло немного, замигало и потухло. Въ окно глядѣлъ огромный вокзальный дворъ съ множествомъ путей. Тамъ была тьма.

Гдѣ-то близко прозвучалъ винтовочный выстрѣлъ. Это наши часовые охраняютъ дрова, уголь и склады съ вещами. Выстрѣлами они пугаютъ воровъ.

— Вчера человѣка убили,—сказалъ графъ.

— Какъ такъ?

— За дровами полѣзъ. Во Львовѣ нѣтъ дровъ.

Жутко въ чужомъ мѣстѣ...

* * *

Солдатъ подошелъ къ почтовому ящику и, посмотрѣвъ, по русскому обычаю, въ щель его, даже просу-

нувъ въ нее руку, опустилъ письмо. Лети, письмо, на далекую родину, къ милымъ, близкимъ людямъ!

Около ящика стоялъ „австріякъ", съ красно-синей перевязью на рукѣ. Онъ взялъ солдата за руку и сказалъ, указывая на ящикъ:

— Нельзя сюда...

— Почему?—удивился солдатъ.

— Нашъ ящикъ... не пойдетъ письмо.

Солдату разъяснили:

Это—ящикъ австрійцевъ. Съ момента взятія Львова въ него никто не заглядывалъ. Русскія письма опускаются только въ зданіи почтамта.

— Какъ же быть?

— Не знаемъ.

Солдатъ опять полѣзъ въ щель рукой, попробовалъ было отломить дверку. Но ящикъ былъ крѣпкій. Тогда солдатъ густо выругался и началъ снимать ящикъ. Но и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Пришлось итти писать новое письмо.

Ящикъ висѣлъ молчаливый, загадочный. На немъ стояло время: 4 часа 30 мин. Всѣ ящики Львова остановились на этомъ времени. Такъ австрійскій почтальонъ и не пришелъ въ 4 часа 30 мин. вынуть письма. И, вѣроятно, много въ этихъ ящикахъ лежало надеждъ, просьбъ, благодарностей, страховъ и поцѣлуевъ. Пришли русскіе,—и ихъ не успѣли доставить адресатамъ. Какъ странно!

Вся львовская жизнь такая странная, необычайная, Наружно, внѣшне—цѣльная. А внутри—щели. Жизнь не остановилась: горитъ электричество, звенятъ трамваи, торгуютъ магазины, ходятъ во множествѣ по проспекту „милыя созданія", клянчатъ нищіе, даже играетъ откуда-то появившаяся шарманка. Но идетъ эта жизнь съ перебоями...

На телеграфѣ нельзя подать телеграммы въ Россію. Ее примутъ, но отошлютъ почтой до Кіева.

— Почему—спрашиваю.

— Злоумышленныя поврежденія линіи. Наши надсмотрщики постоянно въ разъѣздѣ.

Линія всего въ 75 верстъ.

Генералъ-губернаторъ объявилъ смертную казнь за поврежденіе телеграфной проволоки и сдѣлалъ отвѣтственными за поврежденія владѣльцевъ земли, по которой идетъ телеграфъ. И все-таки постоянная порча на земляхъ убѣжавшихъ пановъ.

— Да и некому передавать телеграмму...

Нѣтъ чиновниковъ. Ихъ въ началѣ было всего семь.

Письма не разносятся по городу. Некому разносить. Всѣ, кому надо, приходятъ въ контору и сами роются въ корреспонденціи. Утромъ въ вестибюлѣ почтамта собиралась большая толпа мѣстныхъ жителей. Кто-нибудь изъ нихъ бралъ связку писемъ и начиналъ выкрикивать адреса.

Это толпа жадно ждала писемъ отъ плѣнныхъ изъ Россіи; получали ихъ на десятый, двадцатый день. Тутъ и радостныя, улыбающіяся лица,—этимъ пишутъ, что въ Россіи живется хорошо, а здоровье возстановляется. Тутъ и печальныя женскія фигуры въ траурѣ, которымъ уже не отъ кого ждать писемъ, но онѣ все надѣются: „А вдругъ ошибка! Вдругъ живъ, въ плѣну!“...

Я ждалъ телеграммы изъ Россіи и спросилъ чиновника: нѣтъ ли? Онъ показалъ на кучу телеграммъ.

— Тутъ 1.200 депешъ. Только что получили почтой изъ Кіева. Поройтесь!

Я махнулъ рукой. Богъ съ ней, съ телеграммой.

Такъ все съ перебоями. Еще не наладилось. Трамваи ходятъ, ходятъ—и остановятся. Электричество освѣщаетъ, освѣщаетъ, — и вдругъ замигаетъ. Телефоны молчатъ. Магазины черезъ каждые два часа дня въ третій закрыты. Да и открытые часовъ въ 12 дня иногда закрываются.

Появилась „вольная“ торговля. Идетъ по улицѣ человѣкъ и предлагаетъ купить колбасы. Вынимаетъ ее изъ кармана и даетъ.

Въ магазинахъ такія картины:

— Сколько стоитъ эта вещь?

— Сейчасъ.

Приказчикъ беретъ „цѣнникъ“, на которомъ напечатано сравненіе денегъ австрійскихъ и русскихъ, и пускается съ карандашомъ въ длиннѣйшія математическія изысканія. Надоѣдаетъ ждать. Когда нужна сдача, часто приходится слышать отвѣтъ:

— Нѣтъ!

— Дайте австрійскими!

— Нѣтъ ни нашихъ, ни вашихъ мелкихъ денегъ.

Австрійскія увезены банками въ Вѣну, а русскихъ прилило пока мало, такъ какъ правильныя торговыя сношенія не наладились. Ждали, что откроется русскій банкъ. Но пока онъ не открылся.

Возстановленъ одинъ кинематографъ, но въ немъ всѣмъ надоѣвшія „похожденія Пинкертона“ и „Танго танецъ“. Свѣжихъ лентъ взять неоткуда.

Огромные заборы, на которыхъ наклеиваются рекламы, имѣли любопытный видъ. Объявленія кино, магазиновъ, театровъ заклеены бѣлыми простынями военныхъ приказовъ и обязательныхъ постановленій на польскомъ и русскомъ языкахъ:

„Къ жителямъ города Львова!

Приглашаю жителей при вступленіи въ городъ россійской арміи сохранять полное спокойствіе.

Военный губернаторъ

полковникъ Сергѣй Шереметьевъ“.

„Приказъ!

Всѣ ослушники закона и порядка, а также воры, грабители будутъ наказываться по законамъ военнаго времени.

Военный губернаторъ Шереметьевъ".

И т. п.

Были частныя предостереженія „украинцамъ гор. Львова":

„...Просимо, взимаемо всѣхъ задержати повний супокой і достоинство. Перестерігаемо всіхъ рішучо, щобы, оборони Боже, никто не поважився виступати вороже проти россійскихъ жовніровъ..."

Не было еще надлежащей полиціи. Нашихъ полицейскихъ почти совсѣмъ не видать.

На постахъ стоятъ странныя опереточныя фигуры. Котелокъ, порыжѣвшее штатское пальто, изъ кармана котораго выглядываетъ эфесъ австрійской полицейской сабли. На груди бляха съ номеромъ, а на рукавѣ перевязь русской національной ленты.

Мнѣ нужно было найти градоначальство. Спрашиваю такого „австрійскаго" городового:

— Гдѣ градоначальство?

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ невозмутимо.

Много „добровольной" полиціи, которая была организована магистратомъ въ первые дни, когда коронные полицейскіе разбѣжались. Осталась эта полиція и до сихъ поръ.

Одинъ изъ такихъ добровольцевъ все приставалъ ко мнѣ:

— Панъ хочетъ купить платье подешевле. Пойдемте со мной!

И повелъ меня въ дрянной магазинъ, гдѣ крона равнялась нашему рублю...

Такъ все пока во Львовѣ идетъ черезъ пень-колоду. Жизнь вышла изъ своихъ рамокъ и не можетъ пока войти.

* * *

Каждый день мнѣ приходилось проходить отъ улицы Карла-Людовика до вокзала. Это—„большая дорога".

По ней бѣжали австрійскія войска и шла русская армія. И каждый день, сколько бы разъ я ни проходилъ, я видѣлъ одну и ту же картину.

Нескончаемой вереницей тянется обозъ. Въ телѣгѣ—солдатъ или куча солдатъ съ ружьями; лошадью правитъ длинноволосый угрюмый русинъ съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ. Слышенъ однообразный, заглушающій рѣчь, грохотъ.

Соскакиваетъ на ходу съ подводы солдатъ и спрашиваетъ перваго встрѣчнаго:

— Гдѣ тутъ пекарня?

Ему указываютъ на вывѣску: „Piecarnia". Онъ бѣжитъ туда. Но пекарня заперта, а около нея большой хвостъ народа, большею частью женщинъ. Солдатъ пробуетъ зайти воротами, но и тамъ заперто. Хозяинъ пекарни забаррикадированъ.

— Отчего такъ?—удивляется солдатъ.

Онъ только-что пріѣхалъ изъ подъ Перемышля и не знаетъ, что хлѣбъ во Львовѣ—рѣдкость.

Женщины недружелюбно смотрятъ на солдата, словно онъ пришелъ отнять что-нибудь у ихъ дѣтей. Но говорятъ ему, какъ побѣдителю, мягко:

— У васъ свои пекарни, а это для жителей города...

— Да я только фунтъ,—оправдывается солдатъ.— Наши пекарни на позиціяхъ...

У дверей запертой пекарни постоянное дежурство, очередь. Словно у кассы московскаго Большого театра. И хлѣбецъ въ кило вѣсомъ во Львовѣ получить было труднѣе, чѣмъ билетъ на Шаляпина. Люди стоятъ густой толпой на тротуарахъ, ссорятся между собой, бранятся.

Никто не знаетъ ни дня, ни часа, когда откроется пекарня. Она открывается утромъ, ночью, въ полдень. Открывается только на полчаса. И люди дежурятъ ночами и днями. Постоитъ мать часа три, потомъ ее смѣ-

няетъ дочь, а дочь смѣняетъ сынъ. Такъ и мѣняются круглыя сутки. И все-таки дождутся, что завѣтныя двери откроются, и пекарня объявитъ:

— Подходи по очереди! Не торопись!

За двадцать копеекъ каждый получаетъ хлѣбецъ (фунтъ стоитъ копеекъ 9—10) и, счастливый, идетъ домой. Больше одного хлѣбца одному не даютъ.

Въ четверть часа расхватаютъ всѣ хлѣбцы, и двери пекарни снова запираются на замокъ. Снова томительное ожиданіе.

— Что за несчастіе!—жаловался мнѣ одинъ,—кончили продажу передо мной. Передъ носомъ дверь закрыли. Просилъ, просилъ пекаря,—не далъ. А меня дома семья ждетъ...

Магистратъ давалъ муку частнымъ пекарямъ. Тѣ пекли и продавали жителямъ. Цѣна положена минимальная. Но у магистрата муки было мало. Продастъ пекарь хлѣбцы и ждетъ, когда ему снова пришлютъ муки. Ждетъ иногда день, два.

Въ толпѣ ожидающихъ я встрѣтилъ однажды одну хорошо одѣтую даму. На ней шляпа съ „эспри“ и золотой медальонъ.

— Я два дня уже дежурю,—говорила она. —Рада отдать рубль за кило печенаго хлѣба, но нѣтъ.

— Пекли бы дома. Развѣ муки нѣтъ?

— И муки нѣтъ. Но, главное, нѣтъ дровъ. Квартира не топлена.

— Какъ же варите кушанье?

— Ѣдимъ кое-какъ въ сухомятку. Домъ у насъ, къ сожалѣнію, каменный, и ничего не оторвешь отъ него для печки.

Я видѣлъ, съ какой радостью на лицѣ женщина съ двумя дѣтьми тащила въ хорошемъ кожаномъ чемоданѣ кусокъ антрацита. Подняла, а можетъ-быть, и стащила около вокзала. Ее встрѣчали знакомые и спрашивали:

„гдѣ взяла?“ Она не отвѣчала и бѣжала, бѣжала. А въ другой разъ видѣлъ гимназиста лѣтъ 16-ти въ формѣ, который несъ по главной улицѣ, тоже отъ вокзала, одно большое полѣно. Наконецъ, въ центрѣ города однажды я видѣлъ гимназиста, который везъ кусокъ дерева на велосипедѣ...

Около поѣздовъ, останавливавшихся у семафоровъ, всегда собиралась толпа женщинъ, которыя умоляли машиниста:—Киньте, пане, кусочекъ каменнаго угля!

Сцены у пекаренъ повторялись и у дверей молочныхъ, гдѣ магистратъ продавалъ молоко, сахаръ, соль. Все, конечно, въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Напримѣръ, не болѣе полфунта сахару на семью. Покупатели уже сами зорко слѣдили, чтобы въ очереди не стояли по два члена семьи.

Такъ въ завоеванномъ городѣ передъ лицомъ нужды сравнены богатые и бѣдные. Крестьянское населеніе, питавшее Львовъ, совершенно разорено. Оно бродитъ голодными толпами около нашихъ интендантскихъ пекаренъ и Христомъ Богомъ умоляетъ дать кусокъ хлѣба.

Я былъ въ Равѣ-Русской. Тысячи двѣ голодныхъ русинъ скопились тамъ у солдатскихъ пекаренъ. Ищутъ корокъ, просятъ, плачутъ. За щепотку соли предлагаютъ два десятка яйцъ.

Подвозъ изъ Россіи еще не наладился. Желѣзная дорога занята самыми необходимыми грузами—военными.

Громадный, цвѣтущій, полный богатствъ городъ не имѣетъ предметовъ, которые въ мирное время стоятъ дешевле всего. Въ Галиціи собственныя соляныя копи, и соль здѣсь дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Но копи въ огнѣ войны, и подвозъ соли теперь невозможенъ.

Бѣдные... Въ оригинальномъ городѣ и бѣдные оригинальные. Только въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ этотъ городъ, могутъ быть такіе бѣдные.

Львовскіе „бѣдные“ имѣютъ вклады въ банкахъ. Еще передъ занятіемъ города русскими вклады выдавались въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, и все время сѣялся слухъ, что русскихъ „ни за что не пустятъ“ во Львовъ, а оффиціальныя телеграммы говорили только о побѣдахъ австрійцевъ. Когда же русскіе подошли къ городу, банки внезапно уѣхали и увезли съ собой деньги.

Совершилось государственное жульничество.

Одинъ богатый полякъ жаловался мнѣ:

— Австрійское правительство насъ просто ограбило. Онъ думаетъ, что Австрія уже не вернетъ вкладовъ.

— Край теперь русскій. Населеніе—подданные Россіи. А Австрія такъ обнищала...

Во Львовѣ было до десяти тысячъ чиновниковъ, служащихъ, которые жили только на жалованье. Когда русскіе овладѣли городомъ, часть этихъ чиновниковъ убѣжала въ Вѣну, оставивъ семьи во Львовѣ. Только немногіе могли взять съ собой и семьи. Другая часть осталась, но потеряла службу.

Только единицы пристроились на русской службѣ. Я встрѣтилъ австрійскаго „профессора“ (учителя гимназіи) въ роли маленькаго служащаго въ „Красномъ Крестѣ“. Онъ и этому мѣсту радъ.

Таковы „бѣдные“.

Чиновники и семьи чиновниковъ, ограбленные вкладчики банковъ и дѣйствительная городская голь образовали огромную армію нуждающихся въ простомъ кускѣ хлѣба.

Эта армія бросилась въ магистратъ:

— Дайте хлѣба!

Я часто ходилъ въ ратушу и тамъ, въ длинныхъ казарменныхъ корридорахъ ея и просторныхъ залахъ, наблюдалъ, какъ изящные котелки, модныя шляпки и

засаленный еврейскій картузъ стояли вмѣстѣ и умоляли президента:

— Накормите!

Женщины приводили дѣтей и плакали вмѣстѣ съ ними.

А магистратъ не зналъ, какъ потушить это городское горе. Его деньги и цѣнныя бумаги также увезены банками въ Вѣну. У него на рукахъ семьи австрійскихъ солдатъ.

На почвѣ голода развилась проституція. Жены и многочисленныя любовницы австрійскихъ чиновниковъ и офицеровъ, оставленныя ими на произволъ судьбы, были вынуждены выйти на улицу, чтобы прокормить себя и дѣтей...

Страшную зиму,—въ особенности, первые мѣсяцы зимы, провели львовскіе жители. Голодъ и холодъ царили въ ихъ домахъ....

О продовольствіи заботилась русская власть. Разрѣшенъ былъ пропускъ по желѣзной дорогѣ нѣсколькихъ вагоновъ въ день съ предметами первой необходимости. Львовскіе жители стали понемногу ѣсть русскую муку...

* * *

Не только во время войны, но и до войны въ Австріи подозрѣвали въ „руссофильствѣ“ всякаго русина и всякаго угрорусса, подозрѣвали по ничтожному поводу и безъ всякаго повода. По подозрѣнію ссылали внутрь страны, гноили въ тюрьмахъ и даже убивали. Во Львовѣ, передъ занятіемъ города русскими, подозрѣваемыхъ въ москвофильствѣ русинъ арестовывали и черезъ весь городъ вели къ коммиссару. Уличная толпа била ихъ по чемъ попало до крови, рвала сѣдыя бороды стариковъ и если бы не полиція, убила бы ихъ. Таково было „патріотическое“ настроеніе.

Во Львовѣ я случайно нашелъ „австрійскій застѣнокъ"—дѣлопроизводство военнаго суда.

Нѣкоторые наши дворянскіе санитарные поѣзда занимали огромный домъ на улицѣ Охронекъ, 4. Тамъ при австрійцахъ помѣщался штабъ ландверкомандо. Въ одной изъ комнатъ были шкапы съ дѣлами и вещественными доказательствами военнаго суда.

Австрійцы очищали Львовъ спѣшно и забыли вывести архивъ и дѣлопроизводство многихъ правительственныхъ учрежденій.

Въ домахъ, гдѣ помѣщались эти учрежденія, русскіе нашли канцеляріи въ образцовомъ „нѣмецкомъ" порядкѣ. Нашли „дѣла" въ синихъ папкахъ и шкапы, наполненные бумагами.

Когда я бывалъ въ этихъ домахъ, то часто видѣлъ, какъ наши санитары и служители носили австрійскія „дѣла" ворохами въ печь.

— Ими хорошо подтапливать,—говорятъ они.

Конечно, многое изъ произведеній австрійскихъ чиновниковъ надо было, дѣйствительно, выкинуть за ненадобностью, но часть необходимо было сохранить, какъ прекрасный матеріалъ для характеристики австрійскаго владычества въ Галиціи.

О „дѣлахъ" военнаго суда мнѣ сообщилъ старшій врачъ одного дворянскаго поѣзда. Онъ жилъ въ той комнатѣ, гдѣ стоялъ шкапъ съ „дѣлами".

Часть этихъ дѣлъ составляютъ обвиненія въ шпіонствѣ.

Конечно, обвиняли только русинъ.

— Разъ русинъ (не украинецъ, а москвофилъ), то онъ шпіонъ...

Вотъ одно такое дѣло. Взялъ его изъ папки.

Русинка Чебатникъ (изъ Черновицъ), по какимъ-то свѣдѣніямъ, ходила на границу и разговаривала тамъ съ русскими солдатами.

Свидѣтелей этого разговора не было, но... все-таки „она могла разсказать о продвиженіи войскъ“.

Мудрый прокуроръ положилъ такую резолюцію:

„Какъ живущая на границѣ, Чебатникъ можетъ быть опасной“...

Наказаніе: арестъ и высылка во внутреннія области Австріи.

Но особенно много дѣлъ по обвиненію русинъ въ „москвофильствѣ“ или „руссофильствѣ“.

Нѣкій Онуфрій Л. (изъ-подъ Черновицъ) былъ обвиненъ шпіонами въ томъ, что пріѣзжалъ въ областной городъ и бесѣдовалъ съ руссофилами.

Онъ—школьный учитель, а извѣстно, что русинская интеллигенція тяготѣла къ Россіи.

Бѣдному школьному учителю пришлось сдѣлать не имовѣрныя усилія, чтобы ослабить впечатлѣніе шпіонскаго доноса.

Вотъ его показаніе:

„Я отрицаю всякую руссофильскую пропаганду и объясняю, что я—хорошій австро-венгерскій патріотъ. Въ Черновицахъ я былъ лишь съ одной цѣлью—размѣнять свое жалованье. Съ руссофилами я не сходился и не бесѣдовалъ“.

Несмотря на то, что г. Л. называлъ себя „хорошимъ австро-венгерскимъ патріотомъ“, ему не повѣрили и, послѣ ареста, сослали вглубь страны.

Много такихъ и подобныхъ этому дѣлъ.

Шкапъ съ вещественными доказательствами былъ чрезвычайно разнообразенъ и любопытенъ. У меня не было времени просмотрѣть его во всемъ объемѣ. На это надо мѣсяцъ усидчивой работы.

Изъ того, что мнѣ попалось подъ руку въ шкапу съ вещественными доказательствами, выдѣляю сочиненія Пушкина и Лермонтова на русскомъ языкѣ.

Боже, избави читать этихъ поэтовъ въ подлинникѣ!

Нельзя было читать вообще книгъ на русскомъ языкѣ. Въ шкапу много разныхъ безобидныхъ книгъ, приложенныхъ къ „дѣламъ“.

„Разговоръ кума Григорія съ кумомъ Максимомъ“.

„О комасаціи грунтовъ и облегченіяхъ въ грунтовомъ податку“.

„Руководства для театральныхъ дружинъ“.

„Руководства по пожаротушенію“.

„Иллюстрированный календарь“.

„Исторіи политической экономіи Чупрова и Желѣзнова“.

Не рекомендовался и малорусскій языкъ. Въ архивѣ много книгъ на этомъ языкѣ.

Особенно богатый для себя матеріалъ австрійская слѣдственная власть находила въ русскихъ газетахъ, описывающихъ извѣстные мармарошскій и львовскій процессы.

Въ шкапу находились кипы русскихъ газетъ съ этими описаніями и много портретовъ героевъ этихъ процессовъ.

Открытка „Гости изъ державной Руси“, на которой подъ-руку съ русинскими дѣятелями гг. Марковымъ и Дудкевичемъ снятъ гр. В. А. Бобринскій.

Очень подозрительны казались открытки съ видами Россіи и съ картинами московской старины.

Въ массѣ слѣдственнаго матеріала попадаются отиски пальцевъ обвиняемыхъ и частныя письма.

Среди послѣднихъ были интимныя. Одно начиналось.

— Дорогенькая Славусю.

Письмо нѣжное и совсѣмъ не политическое.

Попалась мнѣ подъ-руку открытка нѣкоего г. Курдыдика. Онъ писалъ:

„По пути въ Москву чрезъ мало-русскія губерніи тебя ласкаютъ названія станцій „Боярка“ и „Конотопъ“...

Есть карточки эмигрантовъ русинъ, русскіе заграничные паспорта и т. п.

Все тащили въ застѣнокъ. Все годилось для того, чтобы имѣть хоть призракъ основанія бросить человѣка въ тюрьму, сослать, повѣсить его или разстрѣлять.

* * *

Львовъ былъ занятъ русскими войсками въ августѣ. Но до начала марта 1915 г., до паденія Перемышля, не было увѣренности въ томъ, что онъ останется въ рукахъ русскихъ. Сами русскіе были увѣрены въ этомъ. Они учитывали свою силу и слабость австрійцевъ и не сомнѣвались, что не только Львовъ, но и вся Галиція останется за Россіей. Сомнѣвались не всѣ львовскіе жители, а та часть ихъ, которая имѣла основаніе желать возвращенія австрійцевъ. Она прямо была увѣрена, что господство русскихъ непрочно и временно. Поэтому ко Львову постоянно доходили слухи:

— Австрійцы прорвались...

— Они уже подъ Львовомъ...

Забродили эти слухи съ самыхъ первыхъ дней завоеванія.

Послѣ битвы подъ Краснымъ русскіе думали, что имъ придется выбивать австрійцевъ изъ Львова. Львовъ окруженъ укрѣпленіями. На 15 верстъ отъ города тянутся проволочныя загражденія и волчьи ямы. Ясно было, что здѣсь предстоитъ битва.

Когда австрійцы скрылись въ городѣ, русскіе осторожно подошли къ нему и окопались. Но скоро выяснилось, что австрійскихъ войскъ въ городѣ нѣтъ. Неужели такой огромный центръ они сдали безъ боя? Не вѣрилось. Но разъѣзды одинъ за другимъ доносили, что непріятеля впереди нѣтъ. И вотъ, 21-го августа разъѣздъ изъ офицера и четырехъ солдатъ рискнулъ войти въ городъ и пройти по нему до центральной улицы. Мирные жители толпились по тротуарамъ, а войскъ не было.

Тогда генералъ фонъ-Роде, (убитый черезъ нѣсколько дней подъ Городкомъ) вошелъ въ городъ съ полкомъ и принялъ хлѣбъ-соль отъ вице президента Рутковскаго (президентъ города Нейманъ бѣжалъ). Жители были въ страхѣ. Австрійскія войска шли черезъ Львовъ пять дней и все время сѣяли слухъ, что русскіе, по приходѣ, будутъ разстрѣливать, рѣзать и грабить. Но фонъ-Роде успокоилъ населеніе особымъ приказомъ, напечатаннымъ на польскомъ языкѣ. Жители увидали, что русскія войска по вступленіи не рѣзали и не грабили. И мало-по-малу успокоились.

Австрійскія войска говорили горожанамъ, что они оставляютъ городъ на-время и скоро прогонятъ русскихъ. Австрійцы, вѣроятно, вѣрили этому сами. Этимъ объясняется, что городъ сданъ безъ выстрѣла, безъ разрушенія и полнымъ богатствъ. Жителей тоже это успокаивало. Они прощались съ своими квартирами и домами на нѣсколько дней и не брали оттуда ничего:

— Вернемся.

И былъ тогда одинъ моментъ, когда львовскіе жители имѣли основаніе ждать возвращенія австрійскихъ войскъ. Битва подъ Городкомъ (18 в. за Львовомъ) была жестокая. Австрійцы заняли возвышенности, оставивъ намъ болота и лѣсъ. Они употребили всѣ свои силы, чтобы остановить лавину русскихъ войскъ и прорвали наше лѣвое крыло. Уже австрійскіе авіаторы летали надъ городомъ и разбрасывали прокламаціи, что, молъ, ждите: завтра, въ полдень, возвращаемся. На русскихъ въ Львовѣ стали смотрѣть насмѣшливо и враждебно, а русскія деньги встрѣчали при размѣнѣ заминку... Но могучій натискъ корпуса генерала Радко Димитріева снова рѣшилъ дѣло въ пользу русскихъ. Австрійцы бѣжали.

Но сомнѣніе не уничтожилось.

Австрійцы черезъ своихъ агентовъ распускали

слухъ,—а львовскіе жители охотно ему вѣрили,—что Львовъ скоро—скоро будетъ отнятъ у русскихъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда австрійское войско прорвалось черезъ Карпаты и дошло до Самбора, въ Львовѣ говорили, что на дняхъ русскіе покинутъ городъ.

Указывали въ подтвержденіе слуха, что съ „холма славы", гдѣ хоронятъ жертвъ войны, слышна канонада.

Я ежедневно наблюдалъ такія картины:

На улицѣ Карла-Людовика собирались группы въ 3—4 человѣка и горячо обсуждали „послѣднія вѣсти".

Если мимо такой группы проходилъ русскій, то слышалъ въ разговорѣ слово „пруссакъ"... Пришелъ, дескать, германецъ и будетъ гнать русскихъ...

Если бесѣдующіе замѣчали русскаго, то оживленный говоръ сразу же смѣнялся осторожнымъ шопотомъ.

Иногда такія группы стояли и подолгу, молча глядѣли на небо:

— Не летятъ ли австрійскіе аэропланы?

Въ разговорѣ поляки спрашиваютъ русскихъ:

— А что, панъ, не будутъ русскіе жечь Львовъ, когда уйдутъ изъ города?

Имъ отвѣчаютъ:

— Гдѣ же русскіе жгли города, когда мирное населеніе вело себя спокойно?

— Да, все-таки...

Всѣ эти слухи оставляли и въ душѣ львовскаго жителя скверный осадокъ. Даже русины, люди близкіе намъ,—и тѣ, какъ выразился мнѣ одинъ, „по ночамъ не спятъ".

Нѣкоторые серьезно раздумывали надъ вопросомъ:

— По какой желѣзнодорожной линіи безопаснѣе будетъ бѣжать въ Россію?

Пришелъ октябрь, австрійцы были снова прогнаны за Карпаты, но слухи все-таки не уничтожились, хотя и ослабѣли.

Назначили другой срокъ:

— Весной отнимутъ у русскихъ Львовъ...

Пришла весна. Стали говорить опредѣленно:

— Въ мартѣ Львовъ будетъ опять австрійскимъ...

Австро-германскія колонны войскъ въ февралѣ мѣсяцѣ, дѣйствительно, начали сильное наступленіе, прорвались и пошли на Станиславовъ. Взяли его и быстро направились къ Галичу.

— Скоро! скоро!—говорили львовскіе евреи.

Но австро-германское войско не дошло шести верстъ до Галича и подъ напоромъ русскихъ вынуждено было отступить и сдать Станиславовъ. Казалось бы, теперь потеряна всякая надежда. Но стали говорить:

— Австрійцы явятся черезъ Стрый...

Когда я начиналъ доказывать нелѣпость подобныхъ упованій, то получалъ въ отвѣтъ:

— А Перемышль?

Перемышль, дѣйствительно, былъ вѣчной угрозой.

Когда онъ палъ, рушилась надежда людей, ожидавшихъ австрійцевъ и слухи на время замолкли.

Печаль нѣкоторыхъ была такъ велика, что 9 марта, въ день сдачи Перемышля, они открыто плакали на улицѣ около своихъ магазиновъ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Подъ Ярославомъ. У Сана. Военный эпизодъ. „Гуси".

— Это и есть рѣка Санъ?—удивился я.

— Какая же эта рѣка?—пренебрежительно отвѣтилъ солдатъ.—Рѣчка...

Передъ нами разрушенный взрывомъ мостъ. Двѣ желѣзныя фермы силой удара отброшены на нѣсколько саженей въ воду и лежали на боку.

Медленно погасало солнце. По берегу, между кучами разбросанныхъ бревенъ, горѣли костры, и группами сидѣли и лежали солдаты. Снизу неслись къ намъ громкій хохотъ и веселая брань. Мычалъ быкъ, обреченный стать ужиномъ солдатъ и привязанный къ изломанному зарядному ящику. Въ полѣ, между ямами, взрытыми артиллерійскими снарядами, бродили крестьяне. Они перекапывали землю, тщетно ища картофеля. Картина сельская, мирная. Между тѣмъ, два дня назадъ здѣсь жужжали пули, а немного ранѣе артиллерійскіе снаряды рвали на части грудь земли.

Тутъ каждая пядь густо полита русской кровью. Дважды полита...

Земля взрыта на протяженіи многихъ верстъ,—отъ села Скурахова до Сана и далѣе, за Саномъ. На поблекшей зелени луга чернѣли, какъ могилы, ямы. Это рвались снаряды и въ злобѣ бороздили землю. Висѣла оборванная телеграфная проволока, валялись телеграфные столбы. Около желѣзнодорожной насыпи навалены цѣлыми ящяками обоймы съ патронами. Тутъ же осколки снарядовъ. Нашъ шрапнельный стаканъ съ развороченными краями, мѣдные австрійскіе стаканы, коробки отъ консервовъ, рваные австрійскіе башмаки, ранцы изъ телячьей кожи, клочки бумаги изъ какого-то разбитаго австрійскаго архива. По полю разбросаны сломанные и увязшіе въ грязи зарядные ящики.

У маленькой разбитой станціи гора ржавыхъ винтовокъ, подобранныхъ на полѣ сраженія, и куча шрапнельныхъ стакановъ. Стоятъ открытые ящики съ австрійскими шрапнелями. Группа сестеръ милосердія осматриваетъ ихъ. Кому-то изъ нихъ приходитъ въ голову сняться съ шрапнелями въ рукахъ. Онѣ осторожно, съ опаской, берутъ тяжелые снаряды въ руки и становятся въ позу. Но увидѣлъ сѣдой полковникъ, начальникъ санитарнаго поѣзда, и закричалъ на сестеръ:

— Шрапнель безъ предохранителей! Малѣйшая неосторожность...

Рядомъ—разбитая повозка, и въ ней два двѣнадцатидюймовыхъ снаряда. Шрапнели хоть чистенькія, аккуратныя, блестящія, радуютъ глазъ, а эти угрюмые источники смерти—ржавые и такіе огромные, что сестрамъ становится страшно. Онѣ издалека обходятъ ихъ.

Здѣсь еще осталась смерть.

Около Радымно взорвался скрытый австрійцами фугасъ подъ извощикомъ и убилъ его. Два раза изъ осажденнаго Перемышля приплывали къ мосту мины, но ихъ замѣчали и обезвреживали.

Отъ насыпи по обѣ стороны разбѣгаются окопы, извиваясь по полю змѣей. Бугры насыпаны огромные, и ямы большія.

Я прошелъ вдоль окоповъ. Здѣсь за каждымъ бугромъ сидѣли недавно люди. Видны ложбинки на днѣ окоповъ,—тутъ лежали солдаты. Набросана солома,—на ней они спали въ тѣ короткіе четыре-пять часовъ, когда непріятель уставалъ стрѣлять. Подъ соломой стоитъ вода. Въ водѣ люди жили долгими днями, не видя ничего, кромѣ сѣрой земли, и не слыша ничего, кромѣ воя шрапнели и жужжанія пуль.

У австрійцевъ окопы глубокіе, съ блиндажами, соединенные между собой подземными коридорчиками. Въ двухъ ихъ окопахъ я встрѣтилъ даже переносныя печи. Около печей они грѣлись и сушились. Въ нихъ варили кушанье.

Чѣмъ ближе къ Сану, тѣмъ окоповъ было больше, а разстояніе между ними меньше. На семьдесятъ шаговъ подходили наши солдаты къ австрійцамъ и кричали:

— Сдавайся! Все равно выбьемъ!

Но съ австрійской стороны отвѣчали:

— Когда снарядовъ не будетъ, тогда сдадимся.

Наши солдаты не одинъ разъ видѣли, какъ задніе ряды австрійцевъ разстрѣливали въ спину свои передніе ряды, пожелавшіе сдаться, и не вѣрили „храброму“ отвѣту австрійцевъ.

Иногда враги весело перекликались:

— Кончай стрѣлять,—пора обѣдать!

— Кончайте вы первые,—отвѣчали австрійцы.

И стрѣляли до изнеможенія.

На берегу Сана окопы громоздились надъ окопами. Тутъ черезъ рѣку шла адская перестрѣлка. На томъ берегу, въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ, лежали австрійцы и стрѣляли на выборъ по наступавшимъ русскимъ. Но ничто не могло задержать нашихъ солдатъ...

Въ сторонѣ высились два полевыхъ форта. Отсюда австрійцы обстрѣливали русскихъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Форты перерыты и исковерканы русской артиллеріей.

Мы спустились внизъ, подъ мостъ, и по доскѣ прошли на ярославскій берегъ Сана. Гранитные мостовые быки, опиравшіеся на берегъ, изсѣчены пулями. Валялась на берегу австрійская лопатка для рытья окоповъ, съ зазубреннымъ краемъ. Я взялъ ее себѣ на память.

Весь берегъ отъ желѣзнодорожной насыпи и далеко по рѣкѣ былъ опутанъ проволочными загражденіями. Проволока была изорвана и собрана въ рядъ какихъ-то комковъ. Около насыпи, по полю, разбросаны ружья цѣльныя и сломанныя. Два солдата собирали ихъ и бросали въ одну кучу.

На насыпи, около рельсовъ,—пожарище. Сгорѣла будка. Къ печной трубѣ прислонена австрійская винтовка. Внизу—могила съ деревяннымъ крестомъ, и рядомъ—двѣ свѣже-вырытыя ямы, ожидающія труповъ.

Снова длинные, разбѣгающіеся въ обѣ стороны окопы. Прыгаю въ яму и вижу отверстіе. Австрійцы, чтобы имѣть сообщеніе съ окопами, находящимися по

ту сторону насыпи, прорыли въ насыпи большой коридоръ.

Въ уголкѣ одного окопа—могила и крестъ изъ двухъ досокъ. На немъ написано карандашомъ: „Karl Krënz", и дата смерти. Въ землю врытъ букетъ цвѣтовъ, еще не успѣвшій пожелтѣть...

Перелѣзаю изъ одного окопа въ другой и натыкаюсь неожиданно на человѣка. Я думалъ въ ту минуту о Карлѣ Кренцѣ и вздрогнулъ.

— Что здѣсь дѣлаешь?—спрашиваю человѣка.

— Покойниковъ собираю...

Онъ возился надъ трупомъ австрійскаго солдата, зарытаго обвалившейся землей. Откапывалъ его лопатой и тянулъ кверху за голову. Кое-какъ вытащилъ и поволокъ къ телѣгѣ.

У мертвеца было черное лицо, полуоткрытые глаза и оскаленные зубы...

* * *

Станція Сурахово расположена недалеко отъ рѣки. Нашъ поѣздъ стоитъ здѣсь уже часовъ десять, и нѣтъ надежды, что его до вечера переправятъ на ту сторону.

Начальнику станціи мы надоѣли вопросами. Сначала онъ старался насъ убѣдить доводами:

— Идутъ эшелоны. Имъ надо спѣшить...

Потомъ онъ началъ отвѣчать лаконически:

— Путь занятъ.

Въ концѣ-концовъ просто отмахивался отъ насъ, какъ отъ мухъ.

Тогда мы выслали къ нему для разговоровъ сестеръ милосердія дворянскаго санитарнаго поѣзда, также застрявшаго на этой станціи. Но отъ этого нашего лукавства результата не получилось. Начальникъ станціи оставался непреклоненъ. Мы стояли и съ грустью го-

товились заночевать на пустынной, разбитой станціи гдѣ не было даже воды.

Сестры ушли въ лѣсъ и стали тамъ пѣть. Онѣ пѣли, по военному времени, о поручикѣ, который „меня плѣнилъ“. А кто-то громко декламировалъ „свѣжіе“ стихи.

Полюбить я могу только воина—
Свою душу ему я отдамъ...

Наша группа, какъ солидная, обсуждала послѣднія передвиженія воюющихъ армій. Вдругъ одинъ офицеръ, повернувшись въ сторону, вскрикнулъ:

— Смотрите, господа!

— Что такое? Гдѣ?

— Во-о-нъ около того большого облака!

Мы всмотрѣлись и отчетливо увидали, что съ сѣвера на югъ летятъ на большой высотѣ одиннадцать черныхъ „палочекъ“ одна за другой.

— Не гуси ли? возникъ у кого-то вопросъ.

— Эти гуси съ домъ величиной...

Дѣйствительно, „гуси“, которые летѣли мимо насъ, должны были быть не менѣе германскихъ „Цеппелиновъ“.

Сначала „гуси“ летѣли прямо на югъ, потомъ повернули къ востоку, въ нашу сторону, и на минуту слились въ точку. Затѣмъ, снова построились въ кильватеръ и быстро продолжали свой путь на югъ. Вотъ они соскользнули съ темнаго фона свинцоваго облака и попали въ полосу розоватаго заката, стали оттого рельефнѣе и какъ-будто ближе. Потомъ снова закутались въ тряпки чернаго облака и исчезли изъ глазъ.

Еще раньше, чѣмъ показались „гуси“, мы услыхали далекое уханье пушекъ, похожее на то, будто грузно захлапывалась крышка сундука. Съ момента появленія „гусей“ крышка стала хлопаться чаще и громче. Потомъ прилетѣло къ намъ съ попутнымъ вѣтромъ вин-

товочное щелканье. Звуки слились, смѣшались. Подъ этотъ торжественный аккомпаниментъ летѣли „гуси“.

Изъ дверей вокзала выскочилъ испуганный начальникъ станціи.

— Господа, въ вагоны!—закричалъ онъ намъ.

— Уже улетѣли,—говоримъ мы.

— Все-таки въ вагоны.

— Вы откуда увидали?—спрашиваемъ.

— Дали знать по линіи.

Онъ побѣжалъ отъ насъ и закричалъ:

— Гасите всѣ огни!

Черезъ минуту вокзалъ, пути и вагоны погрузились во мракъ. Лишь въ деревнѣ, лежавшей въ полуверстѣ, мерцалъ одинокій огонекъ Мы подошли къ своему вагону и остановились. Не хотѣлось уходить, да и опасности, повидимому, нѣтъ. Уханье пушекъ, и щелканье ружей продолжалось, хотя „гусей“ уже давно намъ не было видно.

Такъ въ тревожномъ мракѣ прошло полчаса. Изъ лѣса донеслось жалобное ауканье. Сестры потеряли станцію и отъ пѣсенъ перешли къ слезамъ.

Мы все стояли и время-отъ-времени смотрѣли туда, куда скрылись „гуси“. И вотъ, на югѣ мы увидали любопытное зрѣлище. Тамъ зажгли гигантскій крѣпостной прожекторъ, и темныя облака стали купаться въ волнахъ бѣлаго свѣта. Прожекторъ пронизывалъ ихъ насквозь. Онъ что-то искалъ, нащупывалъ и безпокойно передвигался съ мѣсто на мѣсто.

Вдругъ вѣеръ прожектора широкимъ концомъ сталъ перпендикуляромъ къ небу, и мы ясно различили въ бѣломъ снопѣ одиннадцать красныхъ лампадъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ. Это распластались и замерли въ воздухѣ „гуси“. Черезъ пять минутъ прожекторъ опять наклонился къ землѣ и продолжалъ свои поиски.

— Какъ красиво!—сказалъ кто-то.

Подошли сестры и стали разсказывать о своемъ испугѣ. Ихъ вывелъ изъ лѣса какой-то русинъ.

— Неужели насъ сегодня не пустятъ?—спрашиваютъ онѣ.

— Возможно.

Начальникъ станціи объяснилъ, почему насъ могутъ не пустить:

— Вездѣ тревога.

— Да уже улетѣли,—старается убѣдить его сестра.

— Могутъ прилетѣть. Что имъ стоитъ? Для нихъ нѣтъ пространства...

— Вы думаете, они на нашъ разрушенный вокзалъ будутъ покушаться? Больно имъ надо!..

Сестра въ досадѣ начинаетъ язвить начальника, но онъ уже исчезъ въ темнотѣ.

Простояли еще часа четыре. Выяснилось, что насъ все-таки пустятъ. Поѣздъ медленно, осторожно поползъ впередъ. Мы радовались, предвкушая удовольствіе двигаться далѣе. Но скоро почувствовали, что твердо стоимъ на мѣстѣ. Выскочили изъ вагона посмотрѣть.

Было очень холодно и вѣтрено. Насквозь пронизывала сырость. Бурлила и билась о что-то вода. Ничего не видать въ двухъ шагахъ,—такая тьма.

Вдругъ затрещали винтовки. На этотъ разъ совсѣмъ недалеко, какъ-будто около нашего паровоза. Казалось, что идетъ перестрѣлка.

— Что такое?—отовсюду слышались вопросы.

— Вѣроятно, вблизи непріятель.

— Не „гуси“ ли опять?

— Изъ вагоновъ не выходить!—послышалась начальническая команда.

Но моментъ былъ такъ тревожно-любопытенъ, что загнать насъ въ вагоны не удалось бы даже самому строгому начальнику. Мы продолжали стоять по склону насыпи и всматривались въ темноту.

Вдругъ до моего уха донесся знакомый звукъ пропеллера.

— Господа, аэропланъ!—закричалъ я.

— Гдѣ, гдѣ?

— Самъ не знаю.

Прошла томительная минута. Уже стали сомнѣваться въ моемъ предположеніи, какъ вдругъ между деревьями замелькалъ огонекъ. Онъ метался надъ рѣкой, то взмывая высоко вверхъ, то опускаясь внизъ.

— Вотъ онъ!—указалъ я.

Огонекъ взлетѣлъ вверхъ, выше деревьевъ, и намъ стало ясно, что надъ рѣкой дѣйствительно кружится аэропланъ. Онъ камнемъ ринулся внизъ и скрылся на секунду. Выстрѣлы крѣпчали и усиливались, словно отражали яростную атаку противника.

Опять замелькалъ между деревьевъ зловѣщій огонекъ. Прорвались сквозь выстрѣлы глухіе крики. Огонекъ взвился высоко-высоко и исчезъ въ облакѣ, направляясь на сѣверъ.

— Бросилъ? – спросилъ кто-то.

— Не слыхать было взрыва.

Выстрѣлы стали замолкать. Послышались голоса. Это шли отъ рѣки солдаты. Мы быстро соскочили съ насыпи и спросили:

— Кинули бомбу?

— Такъ точно.

— Попали?

— Нѣтъ. Угодили въ воду.

Мы прошли къ берегу. Внизу, у воды, шли оживленные разговоры. Обсуждали событіе. Подошелъ солдатъ съ ружьемъ. Онъ оказался толковымъ и подробно разсказалъ, какъ было дѣло.

— Недѣлю назадъ они бросили бомбу. И тоже попали въ воду. Не везетъ имъ...

Только ночью насъ пропустили на тотъ берегъ. Слѣ-

дующая станція стояла въ полномъ мракѣ. Поѣздъ шелъ ощупью, не были освѣщены даже стрѣлки.

Намъ разсказали, что два аэроплана противника кружились вчера надъ путями и вокзаломъ. Съ нихъ выпустили бомбу, но она попала въ... навозную кучу, лежавшую около вокзала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Одичавшій городъ.

Было семь часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ Ярославъ. На вокзалѣ свѣтились кое-гдѣ огоньки, но пути стояли во мракѣ. Сцѣпщики, кондуктора, машинисты, солдаты и пассажиры ходили между вагонами, рискуя сломать себѣ ногу, разбить голову, попасть подъ поѣздъ.

Я спросилъ:

— Почему нѣтъ огней?

— Газовое освѣщеніе сломано, не дѣйствуетъ. Электричество тоже. Свѣчокъ и фонарей нѣтъ. Городъ совсѣмъ дикій...

На путяхъ я разыскалъ нужный мнѣ складъ „Краснаго Креста". Когда шелъ туда, то натыкался на столбы и упалъ въ неглубокую яму. Тамъ солдатъ зажегъ мнѣ спичку, и я прочиталъ на двери адресъ завѣдующаго складомъ. Онъ живетъ гдѣ-то въ городѣ. Побрелъ его отыскивать.

Выхожу на площадь. Ни одного фонаря. Городъ въ полномъ мракѣ. На жидкую, блестящую уличную грязь падаетъ изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ блѣдный свѣтъ. Этотъ свѣтъ помогъ мнѣ найти тротуаръ.

Мимо мчались толпой и въ одиночку солдаты, пріѣхавшіе въ одномъ со мной поѣздѣ. Они искали хлѣба.

Но лавки были всѣ заперты. Да и есть ли тутъ какія-нибудь лавки? Все мертво, пусто, голо.

Въ одномъ мѣстѣ стояла толпа. Я различалъ полотняную вывѣску: „Русская торговля“. Но хозяинъ не отпираетъ дверей. Говорятъ:

— „Хлѣба нѣтъ“.

Я уже отчаялся отыскать завѣдующаго складомъ. Хотѣлось только найти ночлегъ.

Отъ патруля я узналъ, что гостиница есть, но номера не топлены.

— Почему?

— Некому топить. Хозяинъ убѣжалъ.

Показали мнѣ эту гостиницу. У дверей ея я встрѣтилъ австрійскаго солдата. Онъ удержалъ меня рукой и попросилъ хлѣба.

— Нѣтъ у меня,—отвѣтилъ я.

Но австріецъ не вѣрилъ и просилъ. Лицо его обросло рыжеватой бородой, глаза горѣли. Настоящій волкъ—голодный и страшный...

Долго я ходилъ по темному двору, пока не нашелъ входа въ номера. Все отворено. Ни одного человѣка. Вошелъ въ пустой, холодный и грязный номеръ съ кроватью и тюфякомъ, носящимъ слѣды сапогъ. Пришла откуда-то дѣвушка-прислуга. Я попросилъ у нея кипятку.

— Нема,—отвѣчаетъ.

— А хлѣбъ?

— Хлібъ есть.

Принесла кусокъ ситнаго и ушла. Я стоялъ и разглядывалъ какую-то картину на стѣнѣ. Вдругъ услыхалъ шорохъ. Обернулся и увидалъ того австрійскаго солдата, котораго встрѣтилъ у подъѣзда. Онъ воспользовался отпертой дверью, вошелъ и молча протянулъ руку къ ситному.

— Чего тебѣ?—окрикнулъ я его строго.

— Хліба...

Глаза его попрежнему горѣли волчьимъ огнемъ.

— Возьми!

Онъ схватилъ весь кусокъ и краемъ сунулъ его въ ротъ. Потомъ мгновенно исчезъ.

Утромъ я захотѣлъ расплатиться. Пришла дѣвушка.

— Сколько?

— Двадцать копеекъ.

Это за кусокъ хлѣба. За номеръ здѣсь не платятъ. Некому платить,—хозяина нѣтъ.

Такое отсутствіе хозяевъ даетъ просторъ людямъ недобросовѣстнымъ. Былъ такой случай. Послѣ второго занятія города русскими, къ запертому, брошенному хозяиномъ кафе подошелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, разбилъ замки, открылъ кафе, оборудовалъ его посудой изъ частныхъ квартиръ и сталъ торговать.

— Мой кафе,—говорилъ онъ всѣмъ.

Никому не было дѣла до того, дѣйствительно-ли это было его кафе или нѣтъ.

Я очень удивился, когда увидѣлъ Ярославъ днемъ. Это большой европейскій городъ, красивый и чистый, съ громадными „доходными“ домами, прекрасными тротуарами и мостовой. Но красоту его убила война. На тротуарахъ и мостовой грязь, дома стоятъ мертвые, пустые. На еврейскомъ базарѣ еще торгуютъ остатками: бѣднота покупаетъ у бѣдноты. А большіе магазины забиты.

Почтовые ящики разбиты. Съ нихъ сняли крышки. Я заглянулъ въ одинъ ящикъ и увидалъ на днѣ письмо; оно осталось отъ австрійскаго періода,—адресовано въ Вѣну. Дойдетъ послѣ войны.

На рекламныхъ стѣнахъ цѣлыя напластованія: приказы двухъ русскихъ и двухъ австріискихъ періодовъ висятъ рядомъ. На кончикѣ огромнаго плаката польскаго „народнаго комитета“, собиравшаго пожертвова-

нія на войну съ Россіей, прилѣплено воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго русскими войсками къ полякамъ. Все перемѣшалось: собственность, симпатіи, государственность. Мирный житель переходилъ изъ рукъ въ руки, мѣнялъ власть и государство.

Въ дорогѣ я познакомился съ чиновникомъ одного госпиталя. Ему надо было найти квартиру для госпиталя. Мы пошли съ нимъ искать вмѣстѣ.

Попался намъ человѣкъ съ красно-синей перевязкой, знаменующій собой какую-то власть. Мы захватили его и еще солдата и въ такомъ составѣ отправились по квартирамъ.

Выборъ огромный. Квартиры барскія. Платить за квартиру ничего не надо.

Вотъ пятиэтажный домъ. Внизу большая квартира со спущенными занавѣсками на окнахъ.

Въ передней поваленъ шкапъ. Изъ него видно платье. Въ залѣ на диванахъ и стульяхъ разбросано бѣлье. Кто-то словно сортировалъ и выбиралъ. На полу бархатная кофта съ отрѣзанными рукавами. Золоченая рама съ вырѣзанной картиной, разбитые дорогіе часы на полу. Мы шагали черезъ вещи въ жуткомъ молчаніи.

— Здѣсь уже побывали,—нарушилъ тишину чиновникъ.

Вторая квартира—этажомъ выше. Она отперта. Когда мы вошли, въ дальнихъ комнатахъ что-то упало и разбилось. Мы вздрогнули. Послышались шорохъ и шаги.

— Кто тутъ?

Молчаніе.

Мы вынули револьверы и пошли впередъ. Въ комнатахъ хаосъ. Отворили кухню. У порога стоятъ двѣ человѣческія фигуры: мужчина въ штатскомъ и женщина. Мѣстные жители. Около женщины на полу узелъ съ добромъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Мѣшкаемъ (ночуемъ).

— Развѣ это ваша квартира?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы мѣшкаете въ чужой квартирѣ?

— Нашъ домъ сожгли. Намъ негдѣ мѣшкать.

— А зачѣмъ вы уносите вещи?

— Намъ надо. Эти вещи никому не принадлежатъ.

Чиновникъ оказался человѣкомъ вспыльчивымъ. Онъ отворилъ дверь и вытолкалъ мародеровъ въ шею. Они загремѣли по черной крутой лѣстницѣ.

Перешли въ слѣдующій домъ. Вездѣ хаосъ разгрома. Наконецъ, чиновнику удалось найти особнякъ. Въ немъ оказалась прислуга старушка. Вещи на своемъ мѣстѣ.

На стѣнахъ я увидалъ виды Москвы, Кіева. Прислуга объяснила, что старая пани—русская, въ первомъ бракѣ была въ Россіи, а второй разъ вышла за австрійскаго врача. Отъ перваго брака у нея сынъ—офицеръ русской арміи. Онъ былъ въ войскахъ, которыя бомбардировали городъ.

— Заходилъ къ намъ панъ молодой,—разсказывала старуха,—думалъ мать увидать...

— А зачѣмъ пани уѣхала?

— Ей не хотѣлось. Она говорила, что русскіе вреда ей не сдѣлаютъ. Но наши всѣхъ выгоняли. Панъ увезъ пани въ Вѣну.

Оставаться ей было опасно. Можно навлечь подозрѣніе въ руссофильствѣ, а это каралось тюрьмой и смертной казнью. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ стояла австрійская висѣлица. Она была поставлена послѣ очищенія города русскими, для тѣхъ, кого агенты австрійскаго правительства обвиняли въ симпатіяхъ къ русскимъ. Симпатіи эти часто ограничивались тѣмъ, что въ квартирѣ человѣка жили русскіе офицеры... Не было ничего легче, какъ попасть на австрійскую висѣлицу. Легче, чѣмъ персу на колъ.

— Мы занимаемъ вашу квартиру,—объявилъ старушкѣ чиновникъ.

Она покорно склонила голову.

Пошли искать обѣда. На углу стояла толпа народа, въ большинствѣ женщинъ. Всѣ смотрѣли вдоль улицы. Оказывается, гнали плѣнныхъ австріицевъ изъ Тарнова. Шла огромная партія, заливъ собой мостовую и тротуары. Болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Худые, грязные, по-лѣтнему одѣтые, обросшіе волосами, синіе отъ холода, съ больнымъ, уставшимъ взоромъ, австрійцы символизировали собою австрійскую армію, разбитую, голодную, больную...

— Откуда?—спрашиваютъ изъ толпы.

— Изъ-подъ Кракова —отвѣчаетъ одинъ.

— До Кракова далеко,—поясняетъ другой.

Ихъ гонятъ пѣшими. Пѣшкомъ они проходятъ всю „свою“ Галицію, вплоть до Радзивилова и даже дальше. Пути забиты, и вагоновъ для нихъ негдѣ взять.

Изъ толпы плѣнныхъ слышались просьбы:

— Хліба!

— Тютюну!

Но никто изъ жителей имъ ничего не давалъ. У самихъ не было. Только въ одномъ мѣстѣ нашъ солдатъ, добрая душа, вынесъ коровай и, разламывая по кусочку, раздавалъ. Австрійцы, какъ нищіе на паперти, толкались, ругались и тянулись за кускомъ.

Женщины, стоявшія на углу, смотрѣли, нѣтъ ли среди плѣнныхъ ихъ мужей и сыновей. Одна нашла, стала обнимать его и прямо изъ толпы повела-было домой. Но конвойный остановилъ:

— Къ этапному сначала... Успѣешь...

Женщина испугалась: неужели опять разлучатъ? Мужъ объяснилъ ей, и она, боясь оставить его одного, пошла за нимъ. У этапнаго коменданта плѣнные пробыли нѣсколько минутъ. Ихъ не считали.

— Развѣ ихъ сочтешь?—говорилъ мнѣ солдатъ.

— А если кто убѣжалъ?

— Не можетъ этого быть. Ихъ ведутъ тысячу, а приводятъ тысячу сто. Всегда нагаръ бываетъ.

— Откуда же?

— По дорогѣ пристаютъ.

Трехтысячная толпа плѣнныхъ разбрелась по городу...

Многострадальный Ярославъ два раза видѣлъ ожесточенные бои. Послѣдній бой на Санѣ продолжался двадцать одинъ день. Изъ-за Сана русская артиллерія стрѣляла по городу, потому что австрійцы стрѣляли по русскимъ изъ города. Мы обошли разрушенные дома, и я лишній разъ убѣдился въ джентльменствѣ русской артиллеріи.

Познакомились съ полякомъ докторомъ госпиталя. Онъ показалъ намъ всѣ разрушенія. Раненыхъ унесли изъ палатъ и положили въ коридорѣ, но пули пробивали стекло, дверь и ударялись въ другую стѣну коридора. Легко раненые прятались за домъ, за каменные выступы. Пятерыхъ убили гранатой въ домѣ. Докторъ оперировалъ, когда пуля пробила окно, просвистала надъ его головой и разбила зеркало. Онъ продолжалъ оперировать.

Я слушаю его и всматриваюсь въ окружающую мѣстность. Гопиталь стоитъ на горѣ, весь какъ на ладони.

— А наблюдательнаго поста на госпиталѣ не было?—спрашиваю.

— Нѣтъ.

— А это что за ямы передъ госпиталемъ на площадкѣ.

— Это... это тутъ стояли австрійскія пушки.

— Пушки?! Вотъ вамъ и разгадка!

Подъ окномъ госпиталя была расположена батарея, которая палила въ русскихъ, прикрывшись „Краснымъ Крестомъ“. Самый разбойничій пріемъ. Понятно, что и

русскіе палили въ батарею и попадали, такимъ образомъ, въ госпиталь.

Я обошелъ зданіе кругомъ. Съ боку его, по оврагу, вырыты громадные ложементы, въ которыхъ стояли орудія.

Мы перешли въ костелъ св. Варвары. Онъ также весь изрѣшетенъ русскими пулями. Я уже не вѣрю и ищу австрійской провокаціи. Дѣйствительно, костелъ стоитъ на дворѣ артиллерійскихъ казармъ, а кругомъ его окопы. Наконецъ, что особенно интересно, сами австрійцы превратили древнѣйшій костелъ въ артиллерійскій магазинъ. Вверху остались лики святыхъ, а внизу стояли прилавки и ниши для товара.

Указали мнѣ еще на одинъ разбитый домъ. Тамъ помѣщался какой-то банкъ.

— Это почему?

Оказалось, что наверху былъ устроенъ наблюдательный пунктъ.

Разбитыхъ домовъ такъ мало, что они не даютъ картины. Ярославъ цѣлехонекъ.

Уже стемнѣло, когда мы окончили осматривать разрушенія. Офицеръ вдругъ сказалъ:

— Хотите посмотрѣть самое интересное?

— Конечно, хотимъ!

— Идите за мной!

Мы попросили объясненія, но онъ уклонился:

— Сами увидите!

Пришли къ уніатскому собору. Офицеръ нашелъ въ темнотѣ сторожа, который отперъ намъ колокольню. Мы взошли наверхъ. Надъ городомъ висѣлъ мракъ.

— Что же тутъ интереснаго?

— А вотъ смотрите сюда!

Смотримъ и видимъ тотъ же мракъ.

— Подождите!

Ждемъ долго, съ полчаса. У офицера уже зародилось сомнѣніе.

— Можетъ, сегодня и не будетъ!—сказалъ онъ.

Вдругъ на горизонтѣ загорѣлся молочный свѣтъ.

— Это прожекторъ?

— Да.

Свѣтъ щупалъ окрестность, искалъ кого-то и, видимо, нашелъ. Въ снопѣ показался на секунду красный огонекъ, и до насъ докатилось далекое уханье пушки.

— Нашелъ и послалъ, вѣроятно, шрапнель.

— Что же тамъ?

— Перемышль.

Это дѣйствительно самое интересное и красивое. Прожекторъ, какъ гигантскій глазъ, отъ котораго никуда не скроешься, проникалъ въ нѣдра. Намъ казалось, что вотъ повернется онъ и увидитъ насъ на колокольнѣ,—такъ это близко. Между тѣмъ до Перемышля не менѣе 35 верстъ.

Когда мы сошли внизъ, городъ погрузился въ полный мракъ. Мы были вынуждены взяться за руки и не итти, а осторожно, понемногу продвигаться.

Дома стояли, какъ гробы. Въ нихъ по роскошнымъ квартирамъ ползаютъ могильные черви, ища добычи...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

По Галиціи на фурѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Страхи и надежды. Фольваркъ Бадени. Покинутые госпитали. Разсказъ раненаго.

— Слышите? Слышите?

Слышу далекіе пушечные выстрѣлы. То размѣренные и увѣренные, то частые, безпорядочные, словно вдогонку убѣгающему врагу.

И вчера я слышалъ выстрѣлы, но не обратилъ на нихъ вниманія. Въ сумеркахъ мы заѣхали ночевать въ

разоренную корчму. Уныло глядѣли на насъ разбитыя окна, заставленныя досками и заткнутыя тряпьемъ. Стойка лежала сломанной, полки подъ ударами обвисли, боченки разбиты. Обычно въ разрушенныхъ корчмахъ нѣтъ жизни. Корчмари убѣжали. Но въ этой корчмѣ свѣтится огонекъ. Толкнули мы запертую дверь и испугали еврейскую семью. За дверью послышались шорохъ убѣгающихъ людей и тревожный шопотъ. Выросъ изъ земли мальчишка и бойко объявилъ:

— Они боятся...

Но дверь все-таки намъ отворили. Черезъ пять минутъ мы съ ямщикомъ сидѣли за чаемъ, а кругомъ насъ на лавкахъ, на разбитыхъ боченкахъ, на окнахъ и просто на полу расположились курчавыя головки дѣтей. Они смотрѣли намъ въ ротъ и блестѣли глазенками. Старый еврей, только что пришедшій изъ синагоги, сидѣлъ противъ меня и осторожно спрашивалъ: откуда, куда?

— Прошу пана, гдѣ стрѣляютъ?

— Не знаю.

— Пять дней... Что будетъ?

На лицѣ написана тревога. Но вслѣдъ за ней засвѣтилась улыбка. „Знаешь, да не скажешь“,—говорили его лукавые, заросшіе густыми бровями глаза.

Снова цѣлый день на фурѣ. А вечеромъ ночевка въ маленькомъ галиційскомъ селѣ.

— Ѣзжайте къ пану профессору,—позвалъ насъ встрѣтившійся русинъ.

„Панъ профессоръ“ — просто сельскій учитель. У него въ маленькой школѣ тепло и уютно, только ничего нѣтъ, кромѣ хербаты (чая).

— Прошу пана,—встрѣтилъ онъ меня.—Не знаете, гдѣ стрѣляютъ?

— Теряюсь, панъ, въ догадкахъ.

Около школы собрались крестьяне. Пришелъ уніат-

скій попъ, молодой и молчаливый. Всей толпой мы направились въ сосновую рощу. Оттуда слышнѣе. Когда вошли подъ темный сводъ, притихли.

— Слышите? Слышите?—шепталъ мнѣ учитель.

— Ясно слышу...

— И день, и ночь, нѣсколько дней... Гдѣ это?

И вдругъ на лицѣ его я увидѣлъ ту самую улыбку, которую я вчера замѣтилъ у стараго еврея.

„Панъ профессоръ“ искренній человѣкъ. Во мнѣ онъ увидалъ русскаго интеллигента и весь вечеръ откровенничалъ.

— Какъ полякъ, я—вашъ. Но какъ учитель... Кто мнѣ будетъ платить жалованье?

Онъ второй мѣсяцъ безъ денегъ и голодаетъ.

— Еще мѣсяцъ войны, и у меня не будетъ даже хлѣба.

Шестнадцать тысячъ народныхъ учителей Галиціи голодаютъ. Занятія въ школахъ заброшены. Не до занятій, когда пушки около бесѣдуютъ.

— Вы сколько получали?

— 158 кронъ въ мѣсяцъ. Дастъ мнѣ россійскій жондъ (правительство) такія деньги?

— Почему же не дастъ?

— Нѣтъ, не дастъ. У васъ нѣтъ такой „пенсіи“ для учителей.

Я успокаивалъ его.

— А знаете, гдѣ стрѣляютъ?—спросилъ онъ вдругъ меня,—Наши близко...

— Австрійцы?

— Да. Возвращаются. Вмѣстѣ съ германцами.

Я невольно засмѣялся.

— Гдѣ же, по вашему, идетъ бой?

— У Каменки, у Равы-Русской, у Сокаля...

— Этого же быть не можетъ. Русскія войска стоятъ у Перемышля.

Онъ ядовито улыбнулся.

— Сражаются и въ другомъ мѣстѣ около Бережанъ.

— Ну знаете,—говорю я ему,—у васъ, дѣйствительно, богатая фантазія... Бережаны сзади, около Тарнополя, и я недавно былъ въ этомъ городѣ.

Но „профессоръ“ искренно вѣрилъ въ свою выдумку. Газетъ въ Галиціи теперь не получаютъ, и всѣ питаются слухами и своимъ воображеніемъ, выдавая ихъ за факты. Пушечные выстрѣлы разогрѣваютъ нелѣпые слухи. Черная молва ползетъ, какъ ядовитый туманъ...

Учитель раскрылъ передо мною „австрійскіе планы“, Онъ обосновывалъ ими свою выдумку.

— Вы австрійской арміи еще не видали.

— А кого же наши били въ Галиціи?

— То только два корпуса.

— Нѣтъ, пане,—говорю,—вы плохо считаете.

— Наша четырехмилліонная армія стоитъ въ Венгріи. И двумя колоннами идетъ теперь въ Галицію. Одна, двухмилліонная, прошла Карпаты у Станиславова и бьется съ русскими войсками у Бережанъ и Злочева. Другая изъ Венгріи направилась ко Львову...

— Даже ко Львову?

— Да.

— Но развѣ вы не понимаете,—говорю,—что если бы были бои у Злочева или Львова, Львовская желѣзная дорога не функціонировала бы, а около вашего села стояли бы русскія войска!

Но онъ не хотѣлъ ничего понимать и только говорилъ:

— Откуда же выстрѣлы?

Или:

— А зачѣмъ же изъ Адамова ваши солдаты ушли?

— Пане ксендзъ, какъ вы думаете?—обращаюсь къ молчаливому священнику.

— Я не вѣмъ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить и скромно опустилъ глаза.

Утромъ была „служба Божія“ въ уніатской церкви. Я пошелъ послушать Въ маленькомъ ветхомъ храмѣ стояла толпа русинъ съ набожными лицами и истово молилась. Священникъ вычитывалъ молитвы и произнесъ:

— Благослови, Боже... архіерея... Бенедикта Пятнадцатаго и Императора нашего Николая Втораго...

А потомъ:

— Митрополита Андрея...

— Пане ксендзъ,—сказалъ я послѣ священнику,— Андрей Шептицкій уже не правитъ галиційской митрополіей.

— Распоряженія не было. Не вѣмъ, кто правитъ теперь...

У школы насъ ждали русины. Стояла моя фура. Надо было ѣхать дальше. Вижу, что русины хотятъ со мной говорить. Отстаю отъ учителя и иду къ нимъ. Выдѣляется старикъ, съ красными глазами, подходитъ и говоритъ:

— Не маемъ покоя... Чи мы будемъ завтра жить, чи нѣтъ.

— Отчего такъ?

— Стрѣляютъ... Прошу пана, кто?

Я пошелъ къ нему въ хату. Теплая, чистая, вся увѣшанная священными картинами комната.

— Слава Богу!—привѣтствуютъ меня славянскимъ привѣтствіемъ.

— Славу Богу!—отвѣчаю.

У порога два бѣленькихъ мальчика и ихъ мать, молодая женщина съ грустными глазами.

Посадили меня за столъ, поставили жбанъ теплаго молока и положили свѣжаго хлѣба. Радушно угощаютъ.

Спрашиваю:

— Ваша дочь замужемъ?

Сразу насупился старикъ. Показываетъ:

— Это вотъ ея дѣти.

— А мужъ?

Услыхала она мой вопросъ и прибѣжала изъ кухни Глаза въ слезахъ, взволнованная. Дѣти испуганно кинулись къ ней, закричали, а старикъ часто-часто заморгалъ глазами.

— Забилы...—плачетъ женщина.

— Мужа убили?

— Можетъ, и не убили,—говоритъ старикъ.

— Нѣтъ, забилы, забилы...

Мужа ея угнали австрійцы. Или уже разстрѣляли, или держатъ въ тюрьмѣ.

— За что же?

— Русскимъ себя называлъ.

Въ томъ лѣсу, гдѣ мы слушали выстрѣлы, разстрѣляли ихъ старика ксендза. Увели куда-то десять селянъ. Все за то, что русскими себя считали.

Разстрѣляли, повѣсили, угнали... Въ каждомъ селѣ драма. Тысячи русскихъ людей поплатились жизнью за смѣлость называть себя русскими.

Это была страшная „Варѳоломеевская ночь".

Въ сосѣднемъ селѣ одинъ юноша разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣдѣ:

— Ему было восемьдесятъ лѣтъ. Но старика не пожалѣли. Жилъ онъ тогда во Львовѣ. Явились и взяли И когда вели ихъ по городу, то толпа била несчастныхъ ногами. Окровавленныхъ подвели къ комиссаріату. Комиссаръ сначала давалъ каждому двѣ пощечины, а потомъ уже приступалъ къ составленію протокола...

— Гдѣ же теперь вашъ дѣдъ?

— Должно-быть, убитъ.

— Ужасно.

— Въ Австріи это обычное явленіе.

Во Львовѣ пропало безъ вѣсти нѣсколько русинскихъ журналистовъ. Вѣроятно, разстрѣляны.

Около Равы-Русской есть небольшое селеніе. Туда австрійцы пригнали шестьсотъ арестованныхъ русинъ и заперли въ церкви. Несчастные сидѣли пять дней безъ пищи. Потомъ ихъ погнали дальше, а отставшихъ убили.

Сидя въ русинской хатѣ, среди горя и слезъ, ясно понимаешь великое значеніе происходящей войны.

Война эта о с в о б о д и т е л ь н а я.

Русская кровь лилась когда-то на поляхъ Болгаріи. Тамъ дикіе турки разоряли и рѣзали беззащитныхъ славянъ. Теперь эта кровь льется на поляхъ Галиціи, гдѣ не менѣе дикіе австрійцы убивали русскихъ людей.

Цѣной своихъ жертвъ мы даемъ угнетенному народу элементарное право на жизнь.

Старикъ вышелъ меня проводить. А дочь дожидалась въ сѣняхъ, чтобы поцѣловать пану руку. Рабскій обычай, пышнымъ цвѣткомъ распустившійся въ свободной Австріи. Когда я отстранился и пожалъ ей руку, женщина удивилась и смутилась. Панъ,—и кланяется. рабынѣ!..

— А выстрѣловъ,—говорю я,—вы не пугайтесь! Не вѣрьте слухамъ! Австрійцамъ не дадутъ вернуться назадъ!

— Если, пане, они вернутся,—тихо и многозначительно сказалъ старикъ,—намъ конецъ. Всѣхъ перевѣшаютъ.

Я ѣхалъ на выстрѣлы. А они отъ меня удалялись. Въ Каменкѣ меня тревожно спрашивали:

— Правда, что въ Сокалѣ бой?

Въ Сокалѣ допытывались:

— Вѣрно ли, что подъ Равой сраженіе?

А въ Равѣ увѣряли, что около Львова пятый день кровопролитіе. На этомъ основаніи обманывали простодушныхъ русинъ: за крону брали сорокъ восемь копѣекъ...

Темная молва росла, ширилась, пугала и безъ того напуганное населеніе.

А бои шли тамъ, гдѣ имъ и должно итти,—около Сандоміра и Перемышля. Наша армія по всему фронту снова перешла въ наступленіе. Гулко на десятки верстъ раздавалась канонада. Вся Галиція была наводнена ею. И тамъ, гдѣ русины знали правду, они крестились широкимъ крестомъ и говорили:

— Слава Богу!

* * *

Ѣду по шоссе, которое такъ разбито, что перестало походить на австрійское. Словно въ нашемъ родномъ Пошехоньѣ. Мы кое-гдѣ объѣзжаемъ его по мягкой пашнѣ.

Вдали, на горѣ, блеснула крыша дома.

— Фольваркъ?—спрашиваю ямщика.

— Да, графскій.

Тутъ богатое помѣстье теперь умершаго австрійскаго министра графа Бадени.

Но до помѣстья еще далеко. Надо проѣхать большимъ мѣстечкомъ Бускомъ. Картина открывается корчмой. Стоитъ она нѣмая, съ выбитыми ставнями. Внутри все разбито и разломано. На крышу упала оборванная телеграфная проволока, а около—хаосъ разрушенія: валяются какіе-то исписанные листы бумаги, жестянныя коробки, тряпки...

Оборванъ и второй пролетъ телеграфной проволоки. И третій. Здѣсь, несомнѣнно, былъ бой. Я уже привыкъ по разорванной проволокѣ заключать о сраженіи.

— Былъ бой?—спрашиваю ямщика.

— Да еще какой! Земля дрожала...

Сейчасъ же за корчмой—небольшое поле, которое тянется до мѣстечка. Мы сразу въѣхали въ линію окоповъ. Окопы русскіе, съ землей, отброшенной въ сторону непріятеля, спѣшные и безпорядочные. Видно, что

пришлось окапываться подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Вотъ вторая линія окоповъ, третья, четвертая... Окопы неглубокіе,—только лечь человѣку. Теперь въ этихъ ямкахъ попадаются однѣ тряпки да ржавыя обоймы. Кругомъ окоповъ ровныя, аккуратныя полосы свѣжей запашки. Нѣкоторые окопы уже засыпаны и сравнены съ землей

Но по шоссе и около него еще замѣтенъ недавній бой. Глубокія выбоины,—тутъ стояли, видимо, наши пушки. Рваная телеграфная проволока, волочащаяся по землѣ. И кучи боевого мусора: сломанныя колеса, разбитые ящики, тряпки...

Посрединѣ шоссе, у перекрестка двухъ дорогъ,—два большихъ холма, неровно обложенныхъ зеленымъ дерномъ. На первомъ—простой сосновый крестъ, обтесанный топоромъ и сбитый однимъ гвоздемъ. На крестѣ повисло завязанное узломъ русское деревенское полотенце, съ красной вышивкой по концамъ. И прибитъ маленькій образокъ св. Серафима Саровскаго.

Разбираю неровную, сдѣланную карандашомъ надпись: „Братская могила".

Черезъ дорогу—другой могильный холмъ, на которомъ стоитъ сосновый крестъ, а у подножья креста бѣлый камень. Сбоку—одинокая могила. Хоронили наспѣхъ и кого-то забыли положить въ братской могилѣ. Схоронили отдѣльно. Отъ могилъ въ обѣ стороны по полю разбѣгаются окопы.

У самаго мѣстечка остатки грандіозныхъ окоповъ, обращенныхъ лицомъ къ намъ,—значитъ, австрійскіе. Они глубоки и расположены правильными рядами. Тутъ работали не спѣша, примѣривали и обдумывали.

Я иду по гребню ихъ и смотрю внизъ.

Окопы прерываются большими ямами съ обвалившейся землей и землянками, съ земляной крышей на

деревянныхъ сваяхъ и оконнымъ отверстіемъ. Здѣсь, въ ямахъ, стояла австрійская артиллерія, а въ землянкахъ были устроены ея наблюдательные посты. Въ нихъ сидѣли съ телефонной трубкой офицеры, регулирующіе стрѣльбу. Нѣкоторые изъ нихъ залѣзали на деревья, растущія вдоль домовъ, и на крыши и чердаки этихъ домовъ. Слуховыя окна сломаны,—видимо, расширяли отверстія. Тамъ стояли пулеметы.

Любимыя мѣста австрійскихъ пулеметчиковъ—чердакъ и колокольня...

Иду вдоль линіи домовъ. Всѣ они изрѣшетены пулями. Стекла въ окнахъ по большей части разбиты, дома пусты. Пули, какъ мухи, облѣпили деревья, крыши, балконы. На деревьяхъ я встрѣчалъ большія свинцовыя мѣста,—тутъ сидѣли пуля на пулѣ.

Битва была жаркая. Длилась съ двухъ часовъ дня. до слѣдующаго дня. Три раза австрійцы обманывали русскихъ бѣлыми флагами. Къ нимъ подходили съ тѣмъ, чтобы взять въ плѣнъ, а они въ упоръ стрѣляли. Одного прапорщика подняли пятью штыками на воздухъ. Наконецъ, русскіе перестали вѣрить ихъ знакамъ сдачи...

Въѣзжаемъ въ мѣстечко. Первые дома сохранились, хотя и разстрѣляны пулями. Но дальше—картина полнаго разрушенія. Тутъ поработала артиллерія. Австрійцевъ выбивали изъ домовъ. Кровью поливали каждый вершокъ земли. Ночью австрійцы объявили оставшимся жителямъ, чтобы тѣ немедленно покинули дома. Жители въ ужасѣ бросились въ разныя стороны.

Мы тихо ѣдемъ среди развалинъ. Выгорѣли цѣлыя улицы. Можно сказать, сгорѣло все мѣстечко. На мѣстѣ дома—груда камня, покрытая съежившимся листомъ желѣзной крыши, и столбъ печной трубы,—такой лишній и никому не нужный. Больше ничего! Такъ по ту и другую сторону.

Опаленныя и сгорѣвшія деревья. Одинокія фигуры

людей, тѣнями бродящія по пожарищу. Увидятъ нашу фуру, всмотрятся въ наши лица и быстро скроются за трубой. И какъ-будто никого нѣтъ. А, между тѣмъ, ясно чувствуется, что вблизи стучитъ испуганное человѣческое сердце...

Мы выѣхали на торговую улицу. Та же печальная картина войны. Но дома здѣсь были богаче и крѣпче. Безпощадный огонь, уничтожтвъ все, оставилъ каменныя, безмолвныя стѣны. Массивные магазинные затворы, которыхъ не могъ побороть огонь, висятъ въ безобразномъ клубкѣ.

Въ окнахъ домовъ, въ которыхъ чудомъ уцѣлѣли части, видны клочья гардинъ, а вмѣсто стеколъ стоятъ доски. Вездѣ, по всѣмъ направленіямъ, скользятъ силуэты людей. Покажутся и быстро исчезнутъ.

Наконецъ, мы выбрались изъ пожарища. Но простора все нѣтъ, и грудь стѣснена. За холмикомъ, на полугорѣ, прилѣпились жалкіе остатки мѣстечка. Шрапнель пощадила эти дома. Тутъ больше людей и больше грязи. Дальше еще холмъ, а на немъ стоитъ дворецъ. Послѣ мѣстечковыхъ домиковъ и кучъ камней онъ выросъ для насъ въ грандіозное зданіе и стоитъ, роскошный, нарядный, какъ королевскій замокъ, на окраинѣ.

Каменныя арочныя ворота съ сѣрыми старинными статуями наверху и широкій дворъ съ расписной зеленью цвѣтника посрединѣ. Прямо—домъ съ колоннымъ подъѣздомъ. На стеклѣ окна верхняго этажа пулевое отверстіе. А надъ нимъ склонился флагъ „Краснаго Креста“.

— У васъ здѣсь госпиталь?—спрашиваю я подбѣжавшаго къ фурѣ человѣка.

— Былъ. Теперь нѣтъ.

Флагъ „Краснаго Креста“ остался висѣть на всякій случай.

Тутъ жилъ когда-то самъ графъ Бадени. Пріѣзжалъ

отдыхать отъ государственныхъ дѣлъ. Сзади дома раскинутъ большой зеленый паркъ съ цвѣтниками и бесѣдками. Ясно, что тутъ былъ покой богатаго, избалованнаго роскошью помѣщичьяго дома. Теперь пріемная, кабинетъ, длинный рядъ гостиныхъ, залъ и будуаровъ голы, пусты и скучаютъ по прежней жизни. На паркетномъ полу была навалена солома, а на ней недавно лежали раненые. Остался ихъ воздухъ, ихъ потъ и запахъ ихъ ранъ, а на гобеленахъ даже знаки грязныхъ рукъ.

Проходимъ. Иногда въ пустотѣ скользнетъ передъ глазами фамильный портретъ Бадени, случайно оставшійся на стѣнѣ,—бабушка или прабабушка съ добрыми старческими глазами, говорящая о другой жизни, о другомъ времени. Покажется рѣзной, съ инкрустаціями шкапчикъ, или рогъ оленя. И снова пустота...

Вотъ спальня старой графини,—говоритъ управляющій, любезно предложившій мнѣ осмотрѣть дворецъ.

Золоченыя кровати. Пуховики. Мраморъ.

— Тутъ ночевали офицеры. А въ будуарѣ и ванной графини—фельдшера.

Большая библіотека обращена въ чуланъ, куда сложена старая мебель. Тутъ не пройдешь. Все въ безпорядкѣ навалено, нагромождено и перебито. Лишь маленькая каплица, какъ была, такъ и осталась, строгая и интимная. Въ ней нѣтъ ничего лишняго. Внизу отъ дома къ воротамъ идетъ длинный холодный коридоръ, въ который черезъ окна смотритъ зеленый садъ. Посрединѣ его зіяетъ дыра.

— Это—бомба,—говоритъ управляющій.—Она оторвала голову русскому раненому и убила лошадь на дворѣ.

Далѣе еще дыра:

— А здѣсь убитъ австрійскій раненый...

Снаряды сыпались градомъ. Одинъ попалъ въ оран-

жерею, другой вырылъ яму въ садовой клумбѣ, третій угодилъ въ коровникъ.

— Гдѣ же находились вы?

— Въ подвалѣ. Женщины плакали и молились. Мы слышали гулъ отъ выстрѣловъ, и дрожала земля, когда вблизи разрывался снарядъ... Страшно! Никогда не забуду!

Въ домѣ былъ сначала австрійскій госпиталь. Потомъ, когда австрійцы были выбиты и отступили, рядомъ съ оставленными ими ранеными положили и русскихъ раненыхъ. Всѣ комнаты, коридоры, конюшни были заняты ими.

Въ этой мѣстности у Бадени не одинъ фольваркъ, а цѣлыхъ десять. Графъ былъ самымъ богатымъ паномъ въ округѣ. За дворцомъ стоитъ его пивной заводъ съ колоссальной трубой. На бѣлой стѣнѣ завода кто-то бойкимъ, писарскимъ почеркомъ написалъ углемъ: „Разгромленная Австрія“. Уходитъ вдаль шоссе. По нему медленно движется нашъ военный обозъ. Сзади— командиръ, прапорщикъ. Прошу позволенія у него объѣхать. Онъ разрѣшаетъ и знакомится. Наклоняется съ лошади ко мнѣ и дружески спрашиваетъ, давно ли я изъ Россіи, и что тамъ дѣлается. Онъ въ постоянномъ передвиженіи и не получаетъ писемъ. Ему скучно и хочется поговорить по душамъ. Солдаты прислушиваются къ нашему разговору.

— Вы куда?—спрашиваетъ меня прапорщикъ.

— Въ Каменку. Не знаю, гдѣ ночевать.

— А вотъ Бадени!

Заѣхалъ во второй фольваркъ министра. Огромный домъ, службы, садъ, какой-то заводъ. Но все это мертво. Ни людей, ни звуковъ. Ходили мы, ходили по двору и нашли старика. Онъ сначала спрятался отъ насъ въ конюшню. А потомъ, увидавъ, что мы его замѣтили, вышелъ.

— Покажите намъ домъ,—говорю.

— Вонъ онъ!—отвѣчаетъ недружелюбно.

— Но онъ запертъ?

— Нѣтъ.

Я вошелъ въ подъѣздъ и отворилъ дверь. Ни души. Валяется на боку мягкое кресло. Съ него содранъ плюшъ. Красные кусочки его остались и печально висятъ. По бокамъ каменной лѣстницы стоятъ лавровыя деревья, по ступенямъ разсыпано сѣно, и валяется тряпка съ кровавымъ пятномъ. Всхожу по лѣстницѣ. Въ обѣ стороны идутъ вереницы высокихъ свѣтлыхъ комнатъ. Здѣсь опустошеніе еще замѣтнѣе. Разбиты стекла въ окнахъ. На полу черепки дорогой посуды. Выдвинуты ящики комодовъ и столовъ. Тамъ пусто. Сорванъ голубой бархатъ съ будуарной мебели. Въ библіотекѣ хаосъ. Валяются на полу нѣмецкія книги. Съ нихъ сорванъ переплетъ, и листы разбросаны. Въ спальнѣ грязные шолковые матрацы на дубовыхъ кроватяхъ и сѣно кругомъ. Мраморный умывальникъ заставилъ входъ. Его тащили, но не могли дотащить.

Я вышелъ изъ опустошеннаго дома.

— Гдѣ же мы будемъ ночевать?—спрашиваю ямщика.

Уже вечерѣло, и кони устали.

— Здѣсь,—отвѣчаетъ онъ.

— Нѣтъ,—говорю.—Поѣдемъ въ мѣстечко!

Старикъ куда-то исчезъ. Кругомъ—ни звука. Настежь отворены каменныя конюшни. Сломана и валяется дверца отъ парка. Мы выѣхали изъ мертваго дома.

Снова разбитое шоссе.

Мѣстечка не видать, а ночь уже спустилась. И было холодно. Въ сторонѣ показалось какое-то строеніе.

— Поѣзжай туда!—рѣшительно говорю ямщику.

Рѣденькая сосновая рощица, а въ ней фольваркъ. Но опять мертвый. Нѣтъ людей. Насъ преслѣдовалъ рокъ.

Домикъ въ пять просторныхъ комнатъ, съ широкими сѣнями. И ничего,—ни мебели, ни кровати. Пусто и голо. Лишь въ дальней комнатѣ, съ синими стеклами, я нашелъ старый, ободранный диванъ, брошенный за полной негодностью.

А надо было ночевать. Слышу внизу тяжелый стукъ. Это ямщикъ ввелъ лошадей въ сѣни и двери заставилъ фурой. Въ фурѣ и легъ. Я побродилъ въ раздумьѣ по пустымъ и темнымъ комнатамъ и легъ, не раздѣваясь, на ободранный диванъ.

Внизу гулко жевали сѣно лошади. Храпѣлъ ямщикъ.

* * *

Въ К. на фонѣ пожарища высится огромное зданіе. Это—народный домъ. Русскіе, занявъ городъ, устроили въ немъ госпиталь. Надъ входной дверью дома развѣвается теперь бѣлое полотнище флага съ краснымъ крестомъ посерединѣ, а на ступенькахъ стоитъ ополченецъ съ винтовкой.

Я отворилъ дверь и почувствовалъ дурманъ тяжелаго, спертаго воздуха. Въ этомъ воздухѣ вся грязь больного человѣческаго тѣла: потъ, гной ранъ и отравленное дыханіе... Полъ устланъ соломой. Я не замѣтилъ ни столовъ, ни стульевъ. Лишь за печкой стояла скамейка, на которой сидѣли нашъ солдатъ съ ружьемъ и блѣдный, съ горящими, лихорадочными глазами, австріецъ, тоже солдатъ. На соломѣ, въ разныхъ углахъ, лежали еще три австрійца.

Въ русскомъ госпиталѣ осталось всего четыре больныхъ, и всѣ они австрійцы.

Я заговорилъ съ нашимъ солдатомъ. А австріецъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, поднялъ съ земли и протянулъ мнѣ свою голую ногу, опухшую и синеватую. И сталъ просить посмотрѣть и полѣчить.

На какомъ языкѣ онъ говоритъ? Языкъ славянскій, но какой?

— Онъ сербъ,—сказалъ солдатъ.

Другой австріецъ—румынъ изъ Трансильваніи. У него черные волосы и цыганское лицо. Третій—полякъ, молчаливый и грустный. А четвертый, бѣлесый, маленькій, съ глупымъ вздернутымъ кверху носомъ,—нѣмецъ изъ Будапешта. Всѣ они сошлись здѣсь по волѣ злой судьбы. Живутъ они на соломѣ мирно. Въ общей жизни участвуетъ и нашъ солдатъ, по виду грозный, а на самомъ дѣлѣ добродушный волжанинъ. Казалось, что въ госпиталѣ не четыре человѣка, а пять. И если бы не груды камней и не оголенныя печныя трубы, какъ мертвецы, глядѣвшія въ окно, то можно подумать, что госпиталь находится не въ галиційскомъ городѣ, въ которомъ иногда бываетъ слышна далекая канонада, а гдѣ-нибудь въ мирномъ русскомъ селѣ Симбирской губерніи, далекомъ отъ военныхъ волненій.

Австрійцы не ранены. Они больны дизентеріей. У серба же, кромѣ того, опухли и посинѣли отчего-то ноги. Въ бою никто изъ нихъ не участвовалъ. Они въ первый же день по приходѣ сюда заболѣли. Форма болѣзни тяжелая, и дизентеритики до сихъ поръ не могутъ поправиться и сидятъ теперь передо мной худые, желтые и унылые.

— Много ихъ перемерло,—сообщилъ солдатъ.—Тутъ, на соломѣ, болѣе ста лежало. Не выносятъ они... Какъ бы и эти не кончились?

— Кто ихъ лѣчитъ?

— Фершалъ оставленъ. Доктора и сестры уѣхали за арміей.

Скоро у серба развязался его живой языкъ, и онъ сталъ выражать свою радость, что русскіе побѣждаютъ. И все повторялъ мнѣ:

— Мы—братья...

Разсказалъ мнѣ исторію своей болѣзни и исторію боевъ подъ городомъ. Ему о бояхъ разсказывали раненые австрійцы, лежавшіе съ нимъ въ госпиталѣ. Разсказъ его простой, но яркій и жуткій. Всѣ эти четыре австрійца не видали ужасовъ сраженія; слышали лишь орудійные выстрѣлы и трескотню пулеметовъ. Да шуршали по каменной стѣнѣ ихъ госпиталя шальныя пули. Но судьба дала имъ испытать другой ужасъ.

Австрійскія войска медленно отступали подъ натискомъ русской арміи. Много было раненыхъ, а еще больше больныхъ дизентеріей. Бои шли въ десяти верстахъ отъ города, и тамъ же, подъ городомъ, въ пустомъ разграбленномъ и полуразрушенномъ фольваркѣ, австрійцы устроили госпиталь. Зданіе большое, въ два этажа. Оно было полно ранеными и больными. Среди нихъ нѣсколько русскихъ солдатъ, подобранныхъ австрійцами послѣ одной какой-то стычки.

Насталъ моментъ, когда австрійцамъ надо было поспѣшно отступить къ городу. Отступленіе было бѣгствомъ. Оставили пушки, зарядные ящики, раненыхъ. Бросили и госпиталь.

Больные, проснувшись утромъ, слышали, какъ поднялась суматоха. На дворъ фольварка пріѣхали запряженныя фуры. Что-то тяжелое выносили. Кто-то громко, крикливо распоряжался. Потомъ фуры выѣхали и загрохотали по шоссе. Звуки удалялись, замирали, и, наконецъ, наступила тишина. Лишь вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу, да иногда слышны были пушки, ухающія гдѣ-то вдали.

Никто въ то утро не пришелъ къ больнымъ и раненымъ мѣрить температуру, никто не далъ пищи и воды, не осмотрѣлъ, не сдѣлалъ перевязки. Госпиталь стоялъ безъ звуковъ. Лишь метались въ жару и бредили больные...

Австрійскіе медики и санитары поддались общей

паникѣ и бѣжали вслѣдъ за своей разстроенной арміей.

И вотъ, въ госпиталѣ началась новая, таинственная и странная жизнь. Словно это былъ не домъ, наполненный людьми, а царство тѣней. Всѣ, кто еще былъ въ сознаніи, прислушивались:

— Скоро ли придутъ русскіе?

Ждали, что вотъ-вотъ застучатъ о каменную мостовую подковы лошадей, загрохочетъ обозъ, лѣсъ наполнится звуками. Войдутъ въ оставленный госпиталь русскіе и наполнятъ его своими врачами, сестрами милосердія и санитарами. Тогда вернется сюда обычная, нормальная жизнь.

Но прошелъ день, и никто не пришелъ. Еще прошелъ день въ томительномъ, тревожномъ ожиданіи. И еще. Никого не было. Пушечные выстрѣлы доносились все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, оборвались. Теперь лишь вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу.

Случилось такъ, что русскіе прошли въ пяти верстахъ отъ госпиталя и не замѣтили его. Фольваркъ стоялъ въ сторонѣ и былъ густо окруженъ соснами. Можетъ-быть, и видѣлъ кто сквозь деревья одинокое зданіе, но не обратилъ вниманія. Некогда было заѣхать.

Сначала кое-кто изъ раненыхъ и больныхъ еще двигались. Носили воду тяжелымъ. Искали по фольварку пищи. Отворяли двери и слушали: „Не идутъ ли?“. Выползали на дворъ и ждали, лежа на камняхъ. Кричали по лѣсу больнымъ, надрывнымъ крикомъ: „Спасите!“ Но въ отвѣтъ слышали только шумъ деревьевъ...

Наконецъ, жизнь въ госпиталѣ стала гаснуть. Неперевязанныя раны загнивали и разлагались. Больные, помучившись въ агоніи, умирали. Трупы гнили и заражали воздухъ. Уже некому было принести воды. Умолкали крики. Лишь изрѣдка прорѣзывалъ тишину протяжный волчій вой помѣшавшагося человѣка, да кружились надъ домомъ и кричали хищныя птицы, прилетѣвшія на запахъ...

Госпиталь умиралъ.

Нашелъ его казачій разъѣздъ, но войти въ мертвый домъ долго никто не рѣшался. Донесли начальству, и въ фольваркъ пріѣхали русскіе. Провѣтрили, очистили, похоронили умершихъ, а оставшихся въ живыхъ перевезли въ городъ.

Четыре австрійца были изъ числа этихъ послѣднихъ. Они помнятъ страшный госпиталь, и когда разсказываютъ о немъ, то тѣни ужаса мелькаютъ въ ихъ зрачкахъ...

* * *

Другой госпиталь попалъ въ линію обстрѣла. Ни русскіе, ни австрійцы не могли считать его своимъ. Онъ былъ посрединѣ между ними. Къ нему нельзя было подойти.

Здѣсь нѣсколько дней безпрерывно гремѣла адская музыка. Шли бои. Обѣ стороны держались твердо. Австрійцы сломились и подались, наконецъ, назадъ, но каждую пядь оставленной земли густо покрыли кровью.

Госпиталь стоялъ одинокій въ долинѣ. Все вокругъ него было сломано и разбито. И домъ стоналъ отъ боли, когда пролетали надъ нимъ гранаты.

Жуткая жизнь текла въ госпиталѣ. Раненые чувствовали надъ собой смерть. Она со зловѣщимъ хохотомъ, какъ метель въ степи, летала надъ крышей дома и заглядывала въ окна. Надъ ухомъ рвались шрапнели, и съ трескомъ разсыпались въ разныя стороны пули. Звенѣли и бились стекла. Ночью госпиталь озарялся молніями выстрѣловъ и освѣщался заревомъ пожара.

Ни на минуту не умолкалъ шумъ и трескъ. Онъ перемежался или сливался съ разсыпной дробью пулеметовъ. И оставленнымъ въ госпиталѣ людямъ казалось, что валится крыша и рушится домъ. Легко раненые

и тѣ, кто могъ ползать по землѣ, расползлись, какъ муравьи, изъ страшнаго мѣста. Каждый въ свою сторону: австрійцы къ австрійцамъ, русскіе къ русскимъ. А тяжелые въ безпамятствѣ стонали, бредили и кричали...

Медиковъ въ госпиталѣ не было. Помощи никакой. Госпиталь былъ просто страшной тюрьмой...

И вотъ, въ нашемъ отрядѣ „Краснаго Креста", который работалъ за русскими позиціями, явилась смѣлая мысль перенести раненыхъ къ себѣ, въ безопасное мѣсто. Ночью нѣсколько санитаровъ, съ офицеромъ „Краснаго Креста" во главѣ, отправились въ опасное предпріятіе. Прошли линію нашихъ позицій и осторожно стали красться по открытому полу. Стояла тишина. Войска за день утомились и спали. Отрядъ благополучно дошелъ до дома, вошелъ въ него и вынесъ на носилкахъ нѣсколько тяжело раненыхъ. Всѣхъ сразу было нельзя взять. Въ случаѣ удачи хотѣли повторить путешествіе.

Но когда они двинулись съ носилками на плечахъ домой, австрійскій часовой замѣтилъ процессію, и тишину внезапно всколыхнулъ артиллерійскій шрапнельный снарядъ. Видѣли австрійцы „Красный Крестъ" на рукавѣ санитаровъ или нѣтъ,—неизвѣстно. Могло случиться, что въ темнотѣ они приняли нашихъ санитаровъ за развѣдчиковъ. Шрапнель ударила въ носилки, убила двухъ раненыхъ и ранила санитара. Санитары пошли быстрѣе. Но ружейная пуля догнала офицера и пробила ему ногу. Его положили на носилки и принесли на перевязочный пунктъ.

Такъ и остались раненые въ госпиталѣ безъ помощи.

* * *

Прибыла съ передовыхъ позицій партія раненыхъ. Ихъ ночью привезли въ фурахъ. Влили они въ себя по

стакану горячаго чая и согрѣлись. Усталые глаза ихъ заблестѣли.

Присѣлъ я къ одному солдату. Онъ лежалъ на каменномъ полу и ждалъ своей очереди перевязаться. Австрійцы прострѣлили ему ногу шрапнельной пулей. Разговорились мы съ нимъ о войнѣ. Онъ охотно разсказывалъ. Впечатлѣнія у него свѣжія. Третьяго дня, вечеромъ, его подстрѣлили, а сегодня онъ уже на второмъ перевязочномъ пунктѣ. Несмотря на боль, чувствуетъ себя хорошо: „Очень ужъ въ окопахъ-то трудно,—говоритъ онъ.—Некогда поѣсть, попить. Все шли впередъ, безперечь стрѣляли и работали штыками"...

Онъ отъ Проскурова шелъ боемъ верстъ триста. И только третьяго дня, во время перебѣжки, его вдругъ подкосило.

— И рана бы ничего... Рана легкая... Ночь вотъ была страшная. Никогда не забуду!

— Какая ночь?

— Пролежалъ я на полѣ. Лишь вчера утромъ пришелъ къ своимъ...

— Какъ побили меня,—разсказывалъ онъ,—я упалъ. Упалъ и безъ памяти сталъ,—оглушило меня. Долго ли пролежалъ,—не знаю. Только очувствовался,—смотрю, ночь. Да темная, темная. Ничего не видать. Лишь кусты чернѣютъ. Кругомъ слякоть,—дождь, видно, шелъ. А вдали гдѣ-то зарница вспыхиваетъ,—пушки, знать, тамъ работаютъ. А гулу не слыхать,—можетъ, уши мнѣ заложило. Помню, что ногу мнѣ испортили. Боли нѣтъ, одна слабость. Ощупалъ, на рукахъ кровь осталась. Вынулъ я платокъ изъ кармана, подложилъ подъ него кусокъ газеты и плотно накрылъ рану. Накрылъ и крѣпко завязалъ. Попробовалъ,—ползти могу. Но куда? Гдѣ наша сторона, а гдѣ вражеская? Не помню. Все-таки поползъ между кустовъ. И прямо на солдата нашего наткнулся. Лежитъ, сердешный, безъ движенія, на черное небо смотритъ, руки

разбросалъ. Скрестилъ я ему руки на груди, перекрестилъ и дальше поползъ. Чувствую—холодно. Зазнобило. Нашелъ на дорогѣ шинель,—прикрылся. И все ползу... Вдругъ въ кустахъ движеніе,—кто-то увидалъ меня и шарахнулся. Собака, что ли, грызла кого, или человѣкъ испугался? Да что меня, думаю, пугаться: самый я разнесчастный человѣкъ, меня дите малое можетъ теперь обидѣть! Хотѣлъ окликнуть,—боюсь, на австрійца нарвешься. Подождалъ минуту и опять поползъ. Смотрю,—куча какая-то движется. Лошадь. Господи, никогда мнѣ такъ никого не было жалко! Большая, грузная, и какъ малый ребенокъ! Человѣкъ легче кончается. Трясетъ она ногами, дрожитъ, вся ходенемъ ходитъ, и стонетъ... Право слово, стонетъ. Какъ человѣкъ плачетъ... Можетъ, и слезы льетъ,—не видать мнѣ въ темнотѣ-то. Думаю: „Пристрѣлить надо, что ей зря мучиться?“. Но боюсь, что на выстрѣлъ австріяки сбѣгутся, въ плѣнъ возьмутъ. А мнѣ лучше смерть, чѣмъ въ плѣнъ итти. Отползъ я отъ лошади и на зарядный ящикъ наткнулся. Взялъ лѣвѣе,—лощинка. Тамъ цѣлая куча труповъ наложена. И стонъ слышится изъ кучи: „А-а-а-а-а!..“. Прислушался: гдѣ человѣкъ стонетъ,—не разберу. Да и что я сдѣлаю? Чѣмъ я ему помогу? Перелѣзъ черезъ трупы,—они мягкіе, теплые, хотѣлось около нихъ согрѣться. Рукой въ чью-то кровь попалъ. И выползъ на полянку. На ней много людей лежитъ. Кто мертвый, а кто еще стонетъ. Одинъ бредитъ, все зоветъ кого-то: „Не подпускай,—кричитъ,—пушки сюда, пушки!“ Подползъ я къ нему, смотрю: его благородіе, поручикъ изъ шестой роты. Гляжу ему въ лицо, а онъ какъ крикнетъ: „За мной, ребята! Ур-а-а-а!..“. И такъ мнѣ жалко стало и его, и всѣхъ... Слеза даже прошибла. Вижу, револьверъ валяется поручика. Взялъ я его,—ему не надо, а мнѣ, можетъ, обороняться придется. И опять ползу. Кругомъ стоны, крики, бредъ, лошади трепыхаются. Куда я ползу,—

самъ не знаю. И пришла мнѣ въ голову мысль: отчего санитаровъ нѣтъ? Они по ночамъ съ фонарями ходятъ и тѣла подбираютъ. А тутъ никого... Почему? Страшно мнѣ стало. Озябъ я очень и такъ ослабѣлъ, что ужъ и двигаться не могу. Прилегъ, накрылся шинелью и... не то заснулъ, не то опять въ безпамятство пришелъ. Очнулся,—солнце свѣтитъ. Надъ головой идетъ бой. Какъ горохомъ, сыплютъ пулеметы, рвется въ воздухѣ шрапнель, жужжатъ пули. Осмотрѣлся я,—вижу дѣло плохое: я въ обстрѣлѣ. Сзади меня наши, а впереди австріяки. Вотъ почему, думаю, санитаровъ-то не было. Что дѣлать? Если остаться на мѣстѣ и ждать, кто кого одолѣетъ, то, навѣрное, убьютъ. Поскачетъ за убѣгающими конница или артиллерія, и раздавятъ меня лошадьми или пушкой. Разбора на войнѣ нѣтъ, лишь бы настигнуть врага. Ѣдутъ по живымъ людямъ, какъ по шоссе, только кости хрустятъ... А если, думаю, наши погнутся, то попадешь въ плѣнъ,—тоже не сладко. И вотъ я поползъ въ свою сторону. Раздвигаю кусты и ползу, а надъ головой пули: „ж-ж-ж-ж-ж!..“. Крикнуть бы, да далеко, не услышатъ, чуть картузы солдатскіе видны изъ-за окоповъ. Смотрю,—кусты кончились, чистое поле до самыхъ нашихъ окоповъ. Приподнялъ я немного голову и закричалъ: „Ребята! Свой!“. Не слышатъ. Еще пуще жужжатъ пули. Что дѣлать? Если ползти по полю, не разсмотрятъ и убьютъ. Да и австрійцы увидятъ. Вернулся я въ кусты, вынулъ ножикъ и срѣзалъ большую хворостину. Надѣлъ на нее свой картузъ и поползъ. Вижу,—замѣтили меня наши. Запрыгало у меня сердце отъ радости. „Братцы, свой!“—кричу. Всматриваются и руками машутъ. Слышу кричатъ: „Ползи скорѣе“. А потомъ: „Ложись!“. Прилегъ я вплотную къ землѣ. И во-время. Шрапнель ударила въ десяти шагахъ и взрыла песокъ. Вижу, надо скорѣе бѣжать. Австрійцы, должно-быть, замѣтили меня. От-

куда у меня явились силы,—не знаю. Поднялся я на здоровую ногу, переступилъ больной и побѣжалъ. Чувствую страшную боль въ ногѣ, вотъ-вотъ упаду, а бѣгу, бѣгу. Солдаты машутъ рукой. „Молодецъ!"—кричатъ мнѣ. А кругомъ скачутъ австрійскія пули. Подбѣжалъ я къ окопамъ и упалъ. И не помню больше ничего... Теперь вотъ, слава Богу, чаекъ попиваю въ теплѣ... Да, самое страшное, когда человѣка забудутъ...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ поискахъ трупа.

Въ купе вошла женщина въ глубокомъ траурѣ. Хотя я занималъ только одно мѣсто, и кромѣ меня никого въ купе не было, пассажиркѣ негдѣ было сѣсть. Вагонъ былъ австрійскій,—роскошный, удобный, но съ диванова и спинокъ былъ содранъ малиновый бархатъ, и изъ-подъ сѣрой циновки глядѣла грязная и облитая чѣмъ-то рогожа. На полу и на столикѣ—запекшееся сало и объѣдки.

Въ нашемъ поѣздѣ только два классныхъ вагона, и оба ободранные.

Я поднялся и уступилъ женщинѣ свое болѣе или менѣе сносное мѣсто. Она сѣла. Мнѣ показалось, что я гдѣ-то уже видѣлъ это лицо.

— Вы изъ Россіи?

— Да.

И стала безучастно, устало смотрѣть въ окно.

Еще утромъ, когда мы пріѣхали изъ города на вокзалъ, я замѣтилъ ее. Она искала комнату, гдѣ бы можно было сѣсть. Но сокальскій вокзалъ разоренъ и сожженъ. Стоятъ однѣ голыя стѣны. Лишь чудомъ уцѣлѣла кухня буфета. Тутъ около широкой жарко натопленной

плиты разставлены телеграфные и телефонные аппараты: солдаты говорятъ съ сосѣдними станціями. Тутъ комендантская и пріемная инженера. Тутъ и пассажирскій залъ всѣхъ классовъ.

Я подумалъ, что женщина ѣдетъ къ раненому мужу,—куда-нибудь въ Ярославъ или подъ Перемышль. Многихъ такихъ я встрѣчалъ. Но зачѣмъ у нея крепъ? Она спросила меня о чемъ-то, и я, воспользовавшись этимъ, поинтересовался:

— Куда направляетесь?

— Искать мужа,—отвѣтила она.

— Онъ гдѣ же?

— Мужъ мой... убитъ. Я пріѣхала за тѣломъ.

Поѣздъ тронулся и поползъ. Проѣхали двѣ станціи. Женщина спросила вошедшаго солдата, исполняющаго обязанности оберъ-кондуктора:

— Скоро ли Бельзъ?

— Слѣдующая остановка.

Она забезпокоилась, встала, прошлась и снова сѣла. И все съ жадностью смотрѣла въ окно. Я замѣтилъ, что она безъ вещей.

Мы проѣхали мѣсто, гдѣ на луговинѣ выжжено костромъ большое пространство, и валяются ржавые стволы ружей. Тутъ недавно сожгли изломанное австрійское и русское оружіе, подобранное послѣ сраженія. Рядомъ съ этимъ мѣстомъ—маленькая могилка, и на ней крестикъ изъ двухъ щепочекъ, перевязанныхъ веревочкой.

— Офицерская,—замѣтилъ оберъ.

— Офицерская?—вскинула на него глаза пассажирка.

Я видѣлъ, какъ побѣлѣло ея лицо.

— Да, капитана здѣсь схоронили...

Опять проѣхали могилу съ крестомъ. Еще и еще. Могилы мелькали по сторонамъ. Въ небольшой выемкѣ, около полотна дороги,—сразу пять могилъ съ бѣлыми

крестами. Всѣ, по словамъ обера, офицерскія. Женщина три раза набожно перекрестилась.

Побѣжали по лугу въ разныя стороны окопы. Свисла изорванная телеграфная проволока. Чѣмъ дальше, тѣмъ окопы густѣли и бугрились. Изъ-за лѣса показались какія-то трубы. Женщина ахнула:

— Что это такое?—спросила она съ испугомъ.

— Это—война,—отвѣчаю я ей.

— Все сгорѣло?

— Да.

Отъ большого мѣстечка остались груды камней и трубы. Лишь на одной сторонѣ я замѣтилъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ домиковъ, церковь и зубчатое зданіе, оказавшееся синагогой. Мѣстечко стояло мертвымъ, и трубы торчали, какъ кресты на кладбищѣ. Есть въ молчаніи сгорѣвшаго села какой-то особый отпечатокъ ужаса. Словно сгорѣли не дома, а люди, тысячи людей, и будто въ воздухѣ замеръ ихъ послѣдній, страшный крикъ...

Женщина закрестилась.

— Это и есть Бельзъ,—сказалъ оберъ-кондукторъ.

Она поднялась. Я также вышелъ на платформу.

Вокзалъ сожженъ. Все-вокругъ разбросано, разбито и сломано.

Женщина подошла къ солдату, стоявшему на перронѣ, и показала ему какую-то бумагу. Тотъ направилъ ее куда-то, и самъ побѣжалъ за кѣмъ-то. Когда пассажирка опять вернулась въ вагонъ, около нея стояли четыре солдата желѣзнодорожнаго батальона.

— Не помните,—спрашивала ихъ женщина,—не хоронили ли вы прапорщика? На пальцѣ у него золотое кольцо и перстень съ буквою „В“?

Солдаты копались въ памяти.

— Вспомните получше!

— Мы многихъ схоронили, ваше благородіе, а такого что-то не припомнимъ...

— А изъ себя онъ каковъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Черный, съ бородкой, въ очкахъ...

— Ну, очковъ тамъ не увидишь,—сказалъ солдатъ.

— Можетъ, и хоронили такого,—промолвилъ другой.—Поищемъ! Только надо искать за „Зеленой“...

— Пожалуйста, голубчики,—просила дама.

Солдаты долго между собой совѣщались.

— Ты въ логу не закапывалъ ли?—говорилъ одинъ другому.

— Въ логу такого, кажись, не было... Черный въ очкахъ...

— А находите иногда?—вступилъ я въ разговоръ съ ними.

— Бываетъ,—отвѣтилъ солдатъ.—На прошлой недѣлѣ пріѣзжала одна барыня изъ Россіи. Ей посчастливилось. Искала она мужа, штабсъ-капитана. Мы тогда тоже при ней находились. Искали долго,—все не было. А потомъ одну могилу разрыли,—онъ лежитъ, сердешный, съ тремя солдатами. Барыня—въ слезы, на колѣни стала и Богу зачала молиться... Увезла его съ собой въ Россію въ дубовомъ гробу.

— А какъ вы знаете, гдѣ рыть?

— Нѣкоторыхъ господъ офицеровъ мы сами зарывали,—такъ помнимъ по обличью. Какъ только бой подъ Равой кончился, нашъ батальонъ двинули сюда. Еще когда былъ бой, мы въ четырехъ верстахъ стояли. Страсть, что было! Пришли мы, значитъ, въ эти мѣста, и велѣли намъ тѣла хоронить. Хоронили ихъ до насъ полковые санитары. И народъ для этого пригоняли изъ села. А на нашу долю остатки достались.

Поѣздъ пополз къ станціи „Зеленой“.

— Мы и до сихъ поръ хоронимъ,—сказалъ солдатъ.

— Неужели?

— Да, завалились которые въ лѣсу. Развѣ ихъ сыщешь сразу? Вчера одинъ изъ нашего батальона пошелъ въ лѣсъ,—мы часто ходимъ, тамъ интересно,— и вотъ видитъ онъ три нашихъ солдата лежатъ. Вспухли и почернѣли. Когда потомъ мы пошли за ними, то мѣста не нашли...

— А вотъ я нашелъ австріяка,—сказалъ зачѣмъ-то другой,—подошелъ къ нему, а онъ рукой машетъ. Раненый онъ, а его признали за убитаго и совсѣмъ-было похоронили. Пять дней не ѣлъ ничего австріякъ. Мы его накормили и въ госпиталь.

Станціи „Зеленой" не существуетъ. Она была, но до тла сожжена. На мѣстѣ строеній—пепелъ и камни. Начальника станціи поселить было негдѣ; поэтому, вмѣсто начальника, поставили просто солдата, который живетъ въ палаткѣ и встрѣчаетъ и провожаетъ поѣзда прямо на пути. Около станціи было нѣсколько домиковъ. Ихъ тоже теперь нѣтъ. Голо и пусто. Но сосновый лѣсъ какъ-будто полонъ звуковъ. Качаетъ вѣтвями и хочетъ остановить насъ, чтобы разсказать о таинственномъ и страшномъ...

На „Зеленой" мы всѣ сошли. Солдаты достали откуда то лопаты. Вещей со мной не было, и я рѣшилъ пройтись по могиламъ и окопамъ.

А окоповъ здѣсь—видимо-невидимо. Вся земля въ окопахъ. Я нигдѣ не видалъ такого огромнаго количества ихъ. Идутъ они не рядами, какъ вездѣ, а безпорядочно. И намъ совершенно нельзя опредѣлить положеніе сражавшихся сторонъ. Вотъ изрыта вся насыпь на самомъ полотнѣ дороги, и лежитъ въ ямкѣ австрійскій ранецъ изъ телячьей кожи. Я поднялъ и открылъ его. Тамъ лежали открытки для писемъ къ роднымъ и кусокъ фланели. Бокъ-о-бокъ съ этими, повидимому, австрійскими окопами вырыты другого типа окопы—

глубокіе, съ навѣсомъ. Солдатъ говоритъ, что это работа русскихъ. Видимо, нѣсколько разъ окопы переходили изъ рукъ въ руки, и все перемѣшалось.

Входимъ въ молодой сосновый лѣсокъ. Онъ такой частый, что похожъ на питомникъ. Итти лѣскомъ нельзя: приходится перепрыгивать черезъ ямы. Почти около каждаго дерева глубокая темная впадина. Люди, какъ кроты, подрывали корни. Эти окопы прочные: надъ ямой навѣсъ изъ сосновыхъ вѣтокъ и палокъ, покрытыхъ землей. Я нагнулся въ одну яму, въ другую,—ничего не видать. Лишь бросился въ носъ трупный запахъ.

— А посмотрите вверхъ!—пригласилъ меня солдатъ.

Смотрю. Лѣсъ въ верхней своей части оголенъ и сломанъ Концы деревьевъ или отломаны совсѣмъ и валяются на землѣ, или повисли.

— Что это?

— Чисто работала шрапнель.

Лѣсъ скошенъ снарядами. Даже когда шрапнель летѣла чрезъ большія строевыя деревья, то и тогда ломала деревья вверху. Одно огромное дерево совершенно расщеплено, словно его разстрѣляли за измѣну.

Солдаты остановились на полянкѣ.

Я отсталъ на окопахъ, и мнѣ сквозь лѣсъ было видно, какъ они окружили небольшую могилу и о чемъ-то говорили. Дама слушала ихъ внимательно. Когда я подошелъ, солдаты уже рыли могилу. Тутъ сильный трупный запахъ. Осматриваюсь. Кругомъ могильные холмики безъ крестовъ. Только на могилѣ, которую рыли, былъ крестъ изъ зеленыхъ сосновыхъ вѣтвей, скрученныхъ умѣлой рукой. Запахъ шелъ со всѣхъ сторонъ. Дама держала одной рукой платокъ у носа, а другой крѣпко обняла молодую сосенку.

Солдаты недолго рыли и скоро окликнули даму. Та слабой походкой подошла къ нимъ. Въ ямѣ лежалъ

русскій офицеръ. На погонахъ одна звѣздочка и какая то цифра. Трупъ разложился, и опредѣлить лицо было трудно. Дама такъ наклонилась, словно падала въ обморокъ. Она долго жадно всматривалась въ трупъ, ища родныхъ чертъ, и, наконецъ, тяжело вздохнувъ, сказала: „Нѣтъ". Отошла немного и въ изнеможеніи опустилась на землю...

Закопали могилу и пошли дальше. Солдаты говорили, что гдѣ-то здѣсь, недалеко, есть еще могила, которую надо также разрыть. Тамъ похороненъ похожій по описанію дамы прапорщикъ. Мы уже удалились отъ полотна дороги и шли по лѣсной полянѣ. Тутъ, видно было, кипѣлъ страшный бой. Все изрыто. Валялись обоймы отъ пуль, тряпки и даже откуда-то клочки бумаги. Солдатъ поднялъ желтоватый кусочекъ металла. Шрапнельная оболочка. Дама взяла находку себѣ на память и спрятала въ ридикюлѣ.

Снова сильно потянуло трупнымъ запахомъ. Откуда это? Могилъ не видать. Всматриваюсь и вижу желтый башмакъ. Такіе башмаки я встрѣчалъ на плѣнныхъ австрійскихъ солдатахъ. Хочу толкнуть башмакъ ногой и ударяю по чему-то крѣпкому и тяжелому. Въ башмакѣ мертвая нога, высунувшаяся изъ земли.

— Такъ австрійцы зарывали своихъ,—говоритъ солдатъ.—Наскоро, наспѣхъ. Надо запомнить мѣсто и завалить...

— У нихъ головы изъ земли торчатъ,—сказалъ другой солдатъ.—Идемъ недавно, а австріякъ смотритъ на насъ. Глаза открыты... Какъ его въ окопахъ засталъ снарядъ, такъ и засыпалъ землей, а голова-то осталась наверху. Мы ходимъ по окопамъ и засыпаемъ.

Солдаты разсказывали, что они часто пользуются окопами, какъ могилами. Если окопъ большой, то въ него кладутъ нѣсколькихъ мертвецовъ и зарываютъ. Бываетъ, что они застаютъ въ окопѣ трехъ-четырехъ

убитыхъ и, не перенеся никуда, забрасываютъ ихъ землей.

— А отдѣляете русскихъ отъ австрійцевъ?

— Офицеровъ отдѣляемъ, а солдатъ не всегда: иногда кладемъ въ общую братскую могилу. Гдѣ же тутъ отдѣлять?

Они опять начали разрывать какую-то могилу, а я пошелъ по окопамъ. На лѣсныхъ полянкахъ окоповъ мало. Люди зарывались въ лѣсу, за защитой деревьевъ, а полянки перебѣгали. И видно, что при перебѣжкѣ они и погибали: на всѣхъ полянкахъ могилы...

Солдаты и дама догнали меня. Они рыли безуспѣшно и теперь шли къ послѣдней, большой могилѣ. Дама еле плелась и напряженно молчала, держа платокъ у рта. Молчали и уставшіе солдаты. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Лѣсъ кончился, и мы вышли на полотно дороги, изрытое окопами. Тутъ стояла когда-то желѣзнодорожная будка, но ее сожгли, и на мѣстѣ зданія теперь сѣрое пятно пепла. За будкой—могила съ двумя бѣлыми сосновыми крестами.

— Здѣсь тоже схоронено нѣсколько офицеровъ,— сказалъ одинъ солдатъ.

— Вмѣстѣ съ солдатами?—спрашиваю я.

— — Да. Хоронили непонимающіе, городскіе, и схоронили всѣхъ вмѣстѣ.

Дама остановилась у могилы. Голова ея упала на грудь. Она опустилась на колѣни и сдѣлала земной поклонъ. И долго не поднимала съ земли головы. Потомъ подняла и стала креститься.

Мы осторожно, боясь нарушить благоговѣйную тишину, отошли въ сторонку и скоро услыхали заглушенное рыданіе. Напряженное, долго сдерживаемое горе растворилось въ слезахъ. Солдаты въ смущеніи мялись на одномъ мѣстѣ. Я отвернулся къ лѣсу и сталъ смотрѣть на окопы.

Женщина успокоилась немного. Подняла съ земли зеленую вѣтку и положила на могилу. „Прощай навѣки!“

— А, можетъ-быть, онъ въ плѣну?—подаю я женщинѣ надежду.

— Въ плѣну?

Она подняла на меня заплаканное лицо.

— Не знаю, — тихо сказала она. — Извѣстили, что убитъ...

Черезъ часъ мы вернулись на станцію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ теплушкѣ.

Поѣздъ подошелъ къ станціи. Дальше пути нѣтъ. Въ шести верстахъ отсюда по линіи идетъ бой. Отъ орудійныхъ ударовъ трясутся и лопаются вокзальныя стекла. И кажется, что стрѣляютъ гдѣ-то совсѣмъ близко, вонъ за тѣмъ бугоркомъ, поросшимъ кустарникомъ.

— Санитары, грузить!—раздается громкое приказаніе.

За „грузомъ“ не надо далеко ходить. Раненые лежатъ подъ станціоннымъ навѣсомъ на платформѣ. Подъ головой у каждаго мѣшокъ съ бѣльемъ, на ноги брошена шинель.

Ихъ привезли сюда изъ ближайшихъ полевыхъ госпиталей, куда попадаютъ они съ поля битвы. Тамъ имъ сдѣлали перевязки. Тамъ ихъ, вѣроятно, и накормили. Наша задача—перевезти раненыхъ въ какой-нибудь тыловой госпиталь или передать въ Россію.

Подносятъ одного за другимъ на носилкахъ. Желтыя худыя лица, лихорадочные глаза.

— Куда раненъ?

— Въ животъ.

— Осторожнѣе берите!

— А-а-а-а-а-а!—стонетъ раненый.

Его перекладываютъ на постель. Онъ цѣпляется худыми, черными руками за руку санитара и, когда откидывается на подушку, тяжело дышитъ. Крупныя капли пота выступаютъ на лбу. Глаза закрыты. Но потомъ онъ открываетъ ихъ и безпокойно ищетъ что-то около себя:

— Мѣшокъ... мѣшокъ гдѣ?..

— Мѣшка нѣтъ.

— Ахъ!—откидывается раненый въ изнеможеніи.

Мы несемъ его. Онъ тяжелый, точно свинцовый. А съ виду такой сухой, худой.

— Мѣшокъ...—отдайте...—повторяетъ раненый.

— А что было въ мѣшкѣ?—наклоняюсь я къ нему.

— Рубаха, подштанники...

— Дадутъ тебѣ все...

— Нѣтъ... Мѣшокъ...

Раненый въ грудь желтъ, какъ воскъ. Пуля у него въ печени. Переложить его безъ боли нельзя.

— Самъ не можешь?—спрашиваю его.

— Могу.

Переползаетъ съ носилокъ на постель.

— Поосторожнѣе этого!—говоритъ молодой докторъ изъ полевого госпиталя.

Онъ наклоняется къ солдату:

— Какъ здоровье, Климчукъ?

— Хорошо, ваше благородіе!

У Климчука глаза безумные, а рѣчь здоровая.

Одна теплушка заполнена. Русскіе перемѣшаны съ австрійцами. Я оглядываю послѣдній разъ раненыхъ,—всѣ ли укрыты одѣялами.

* * *

Въ моей теплушкѣ очень неспокойно. Всѣ запросили пить. А воды не было. Станція пустынная, разоренная, только-что взятая у австрійцевъ.

— Подождите немного,—успокаиваю.—Скоро будетъ вода.

Или прямо обманываю:

— Воду кипятятъ...

Умолкнутъ, а черезъ минуту опять просятъ:

— Воды... пить... Wasser...

Раненый въ печень долго разсказывалъ сосѣду, какъ его ранили, а потомъ вдругъ оборвалъ рѣчь и умолкъ.

— Ну и что же?—спросилъ сосѣдъ.

Но разсказчикъ возился подъ шинелью и молчалъ. Прошло полчаса. Отъ тряски съ него слетѣла шинель, и сосѣдъ увидалъ неподвижное лицо. Позвалъ санитара.

Наклонились къ солдату:

— Умеръ.

Какъ просто!

Больные заволновались:

— Уберите его скорѣе отъ насъ!

Но убрать было некуда. Надо было ѣхать съ мертвецомъ цѣлый перегонъ.

Климчукъ что-то мычалъ и совалъ мнѣ свою руку.

— Тебѣ что?

— Под-ни-ми!

Взялъ его за руку и поднялъ.

— По...си...дѣть хо...ро...шо... Курнуть бы...

Закурилъ ему папиросу и воткнулъ въ губы. Сосетъ съ наслажденіемъ, боится, что отниму. Высосалъ папиросу и говоритъ:

— А я его... все-таки убилъ...

— Кого?

— Австріяку...

Въ его перепутанныхъ мозгахъ свой ходъ мыслей. Онъ что-то пробовалъ разсказывать, но я ничего не понялъ.

Изъ темнаго угла подъ верхними нарами непрерывно раздавались звуки. Тамъ лежали мои „мучители“. Одинъ постоянно повторялъ:

— Ваше благородіе, отыщи, Христа ради, мой мѣшокъ!

— Гдѣ же его теперь найдешь?

— Ради Бога!..

А другой скулилъ:

— Мучаешь ты меня! Креста на тебѣ нѣтъ! Положи меня на верхъ, а австріяка на мое мѣсто.

Австріякъ лежалъ тихо. Я подумалъ, что онъ изъ легко раненыхъ, и переложилъ ихъ одного на мѣсто другого. А потомъ посмотрѣлъ австрійцу подъ шинель и ужаснулся: у него была ампутирована нога и просачивалась сквозь повязку кровь.

Такъ мы ѣхали въ теплушкѣ цѣлую ночь. Часа три наше общество дѣлилъ мертвецъ.

Изъ разныхъ угловъ неслись просьбы:

— Воды...

Раненый мадьяръ кричалъ въ бреду и обрушивался на кого-то съ бранью. Мой „мучитель“ нашелъ въ немъ предлогъ „поныть“. Онъ просилъ меня:

— Убери его!

— Куда же я его уберу?

— А зачѣмъ онъ ругается?

И серьезно жаловался всѣмъ на меня:

— Онъ къ австріякамъ относится лучше...

Раненые, точно дѣти.

Въ кошмарномъ бреду, крикахъ и стонахъ прошла вся ночь...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Городъ подъ огнемъ.

Въ Дембицѣ къ намъ въ вагонъ вошелъ врачъ и сообщилъ:

— Тарновъ обстрѣливаютъ...

— Кто вамъ сказалъ?

— Офицеръ. Онъ ѣдетъ оттуда.

Свѣдѣніе это было для насъ нелишнее, такъ какъ нашъ поѣздъ слѣдовалъ въ Тарновъ. Мы знали, что бои шли за этимъ городомъ и въ Тарновѣ было спокойно. Оказывается, это не такъ: городъ подъ огнемъ.

Въ это время къ станціи подошелъ санитарный поѣздъ, нагруженный ранеными. Мы бросились за новостями.

— Что дѣлается въ Тарновѣ?

— Ничего,—отвѣтилъ намъ спокойно одинъ санитаръ.

— А обстрѣлъ?

— Это было. Австрійцы подвезли краковскія крѣпостныя пушки и вчера изъ-за Дунайца дали по городу очередь изъ шести орудій.

— Результатъ?

— Самый плачевный для австрійцевъ. Убита лошадь и пробита крыша въ одномъ домѣ. Только и всего.

Санитаръ прибавилъ что изъ города видны красные разрывы австрійской шрапнели. Онъ любовался ими съ колокольни костела.

Былъ первый день католическаго Рождества. Шесть выстрѣловъ были пущены австрійцами ровно въ двѣнадцать часовъ ночи на Рождество.

Скоро отъ одного полковника, ѣхавшаго изъ Тарнова, мы узнали подробности происшедшаго.

Австрійцы бросили въ Тарновѣ съ аэроплана письмо, въ которомъ просили русскихъ не стрѣлять въ сочельникъ и дать имъ возможность встрѣтить праздникъ въ молитвѣ. Въ концѣ письма стояла приписка, что за это австрійцы пришлютъ русскимъ рождественскій подарокъ. По добродушію своему, русскіе повѣрили непріятелю и не стрѣляли. А въ двѣнадцать часовъ ночи въ Тарновъ полетѣли шесть снарядовъ изъ тяжелыхъ орудій. Это и былъ австрійскій „рождественскій подарокъ"!.

Какова низость!

Дембица вся сожжена и разорена. Съ вокзала выйти некуда. Мы сидѣли въ своемъ товарномъ вагонѣ цѣлый день и ждали, пока насъ пропустятъ. Разговоръ вращался исключительно около Тарнова. Мы представляли себѣ, какой тамъ теперь переполохъ. Городъ этотъ, вѣроятно, разоренъ и пустъ, какъ Ярославъ и всѣ другіе города, въ которыхъ по два раза прошли двѣ арміи. Теперь, послѣ выстрѣловъ, послѣдніе жители уйдутъ.

Съ нами ѣхала сестра милосердія. Она съ тревогой слушала наши разговоры и спрашивала: „Не воротиться ли мнѣ?" Перспектива очутиться подъ выстрѣлами безпокоила и нѣкоторыхъ изъ мужчинъ.

Прошелъ еще одинъ тарновскій поѣздъ и привезъ новую подробность. Тамошніе госпитали свертывались и выѣзжали. Не выѣзжалъ лишь отрядъ Государственной Думы.

Наконецъ, ночью насъ двинули и довезли до Тарнова.

Когда мы подъѣхали, въ городѣ было тихо и, мнѣ казалось, пусто. Вѣроятно, всѣ выѣхали. Но на вокзалѣ мы нашли оживленіе. Стояли и ходили солдаты и офицеры. На перевязочномъ пунктѣ шла работа. Врачи и сестры дѣлали перевязки. У вокзала стояло нѣсколько фуръ. Съ нихъ еще не сняли раненыхъ.

Обстановка знакомая, обычная. Много вниманія она не остановила. Хотѣлось въ чемъ-нибудь уловить настроеніе тревожнаго дня. Но все было спокойно, никакой тревоги не было.

— Сильно стрѣляли вчера по Тарнову?—остановилъ я солдата.

— Не могу знать, мы были въ казармахъ.

— Да казармы-то въ городѣ?

— Такъ точно, въ городѣ.

— И не слыхалъ выстрѣловъ?

— Никакъ нѣтъ...

Жандармъ мнѣ отвѣтилъ такъ:

— Стрѣляли, только день былъ не мой, я не слыхалъ: спалъ...

Выхожу изъ вокзала.

На площади полный электрическій свѣтъ. Освѣщены и станціонные пути. А освѣщеніе—первый признакъ благоустроенности и спокойствія.

— Есть тутъ гостиницы?—спрашиваю.

— Сколько угодно. Вотъ напротивъ одна, а въ центрѣ города—другія. Есть нѣсколько ресторановъ и кофеенъ. Городъ—какъ городъ...

Въ вестибюлѣ гостиницы встрѣчаю какую-то личность, которая никакъ не могла, по недостатку равновѣсія, попасть въ дверь. Заглядываю въ ресторанъ,—тамъ царитъ веселое оживленіе. Въ коридорахъ номеровъ неумолчное щебетанье милыхъ тарновскихъ созданій.

Первый звукъ, который я услыхалъ утромъ, былъ отдаленный шумъ. Не отдѣльные выстрѣлы, а именно громъ отъ выстрѣловъ. Окна слегка вздрагивали. Выхожу въ коридоръ и спрашиваю денщика, чистившаго офицерскіе сапоги:

— Стрѣляютъ?

Онъ прислушивается.

— Кажись... А впрочемъ...

— Привыкъ?

— Такъ точно.

Смѣется.

Я многихъ спрашивалъ о томъ же. И всѣ мнѣ отвѣчали спокойно и равнодушно:

— Стрѣляютъ?.. Да, кажется.

Нельзя было сосредоточить ихъ вниманіе на выстрѣлахъ. Словно это была не орудійная пальба, а чириканье воробьевъ. Здѣсь всѣ такъ привыкли къ пушечной симфоніи, что перестали ее замѣчать. Музыка эта, какъ шарманка, никого не волнуетъ...

Между тѣмъ, стрѣльба продолжается съ утра до вечера. И даже ночью иногда докатываются сюда одиночные выстрѣлы. Кажется, что стрѣляютъ кругомъ. Со всѣхъ сторонъ раздается громъ. Тарновъ—въ кольцѣ пушечной пальбы.

Я шелъ по улицѣ и съ удивленіемъ замѣчалъ, что австрійскій „рождественскій подарокъ“ не произвелъ впечатлѣнія на Тарновъ.

Изъ дверей величественнаго краснаго костела выходилъ народъ съ молитвенниками въ рукахъ. Онъ занялъ весь дворъ и растянулся по тротуару. Костелъ, вѣроятно, былъ биткомъ-набитъ. Настроеніе у всѣхъ спокойное, праздничное. Въ группахъ идетъ разговоръ. Я слышу смѣхъ, шутки.

На Краковской улицѣ оживленіе. Народъ идетъ густой толпой. Больше обывателей, чѣмъ солдатъ. Всѣ (за самыми рѣдкими исключеніями) магазины отперты и торгуютъ остатками. Видно, что и дома не пустые. Въ кофейняхъ всѣ столики заняты. Рестораны также не могутъ жаловаться на пустоту. По рынку съ трудомъ можно двигаться,—тамъ волнующееся море головъ.

Что особенно меня удивило,—это спокойствіе на улицахъ. Смѣхъ и улыбки. Даже евреи, обычно сум-

рачные и испуганные, въ Тарновѣ, мнѣ показалось, живутъ, какъ всѣ люди. По крайней мѣрѣ, видъ у нихъ не забитый.

Какое-то недоразумѣніе! Кругомъ пушечная пальба, летятъ снаряды, надъ городомъ временами вьются австрійскіе аэропланы, а Тарнову нѣтъ до этого никакого дѣла...

Жители привыкли. Не замѣчаютъ. Надоѣло замѣчать.

Тарновъ совершенно цѣлъ и полонъ людьми. Съ австрійскими войсками ушли власти и часть богачей. А остальные опытомъ узнали, что самое лучшее—оставаться на своемъ мѣстѣ. Тотъ, кто бросалъ имущество и бѣжалъ, дѣлался нищимъ. А кто сидѣлъ у порога дома, былъ спокоенъ за имущество.

Когда въ первый разъ русскіе вошли въ городъ, тарновцы бѣжали въ массѣ. Теперь жители остались на мѣстахъ—и не раскаялись.

Съ русскими далеко не плохо, около нихъ еще можно поживиться...

Я шелъ по улицамъ и видѣлъ жизнь большого культурнаго города.

Тамъ гдѣ-то стрѣляютъ, откуда-то долетаютъ снаряды, а здѣсь, въ торговыхъ „склепахъ", шумятъ изъза пятачка и торгуются до хрипоты, забывая обо всемъ.

На стѣнахъ наклеены приказы. Я сдѣлалъ любопытное наблюденіе. На австрійскомъ объявленіи, изданномъ до войны, былъ наклеенъ русскій приказъ градоначальника. На этомъ приказѣ наклеено австрійское распоряженіе. А на распоряженіи—приказъ русскаго коменданта города. Въ такомъ порядкѣ шла новѣйшая исторія Тарнова.

Вотъ и конецъ города. Какъ-разъ тотъ конецъ, который ближе къ Дунайцу. Тутъ такъ же, какъ въ торговомъ центрѣ: много народа, дѣлающаго свое дѣло,

не думая объ выстрѣлахъ и объ опасности. А пальба здѣсь ярче и сильнѣе, такъ какъ звуки не задерживаются каменными строеніями. Слышна даже, хотя слабо, ружейная стрѣльба. Какъ будто въ котлѣ кипитъ вода.

Надъ горизонтомъ взвился дымокъ. Это разрывъ шрапнели. Другой, третій... Дымки долго стоятъ въ воздухѣ и медленно исчезаютъ.

— Далеко отсюда до боя?—спросилъ я поляка, здѣшняго жителя.

— Восемь верстъ.

— Вы не боитесь?

Онъ пожалъ плечами:

— Нечего бояться...

Въ его голосѣ и глазахъ послышалась мнѣ увѣренность: „Меня не убьютъ“.

— Сосѣда убьютъ, а меня нѣтъ...

Такъ думать въ минуту опасности подсказываетъ намъ всѣмъ инстинктъ жизни.

* * *

Черезъ мѣсяцъ я вновь пріѣхалъ въ Тарновъ. И опять онъ спокоенъ и даже веселъ. Улыбается подъ снарядами. Между тѣмъ, здѣсь недавно была такая бомбардировка, которую невозможно забыть.

Городъ и сейчасъ улыбается подъ угрозой...

Я пріѣхалъ въ Тарновъ 16-го января, а еще 14-го шальной снарядъ изъ „Берты“ попалъ въ кучу шпалъ, и разбросалъ ихъ по полю, не причинивъ никому вреда.

Вотъ только доѣхать до Тарнова стало труднѣе. Пассажировъ не довозятъ до города. Нашъ этапный (такъ называются здѣсь пассажирскіе поѣзда) поѣздъ остановился въ 36-ти верстахъ отъ него, на станціи „Дембица“.

Спрашиваемъ:

— Какъ добраться до Тарнова?

— Можетъ-быть, пойдетъ товарный или санитарный Съ ними пристроитесь!

— А если не пойдетъ ни тотъ, ни другой?

— Бываетъ и это. Тогда ждите!

Эшалоны ходятъ здѣсь къ позиціямъ походнымъ порядкомъ, и на нихъ надѣяться было нельзя.

Но намъ повезло. Шли дворянскій санитарный и товарный интендантскій. Часть пассажировъ попала на дворянскій. Въ немъ было тепло, но зато его недвигали впередъ. Вызвали этотъ поѣздъ срочно, но въ пути отъ Львова онъ былъ уже семь сутокъ. Другая часть сѣла на интендантскій овесъ. Тамъ было холодно, какъ на улицѣ, но увѣряли, что онъ имѣетъ больше шансовъ притти сегодня въ Тарновъ.

Я предпочелъ тепло скорости. Ночью мы слышали, что вагоны тихо двигаются. Но когда мы утромъ проснулись, то оказалось, что поѣздъ мирно стоитъ въ чистомъ полѣ „подъ ракитовымъ кустомъ“. Все кругомъ было бѣло отъ густо выпавшаго снѣга. Не видать ни строеній, ни людей. Бѣлый лѣсъ вокругъ.

Вдали бухали пушки. Тарновская симфонія началась...

Уполномоченный поѣзда былъ мраченъ.

Гдѣ мы стоимъ? скоро ли пойдемъ? спрашиваетъ онъ насъ.

Мы сами не знали. Да намъ и отвѣчать не хотѣлось. И не хотѣлось намъ знать, гдѣ мы и скоро ли пойдемъ. Очень ужъ хорошо было на волѣ. Тяжело падали хлопья снѣга, но пухомъ осѣдали они на вѣтвяхъ высокихъ, стройныхъ елей. День былъ ясный и радостный, а зима русская: веселая, зажигающая кровь. Мы всѣ остро чувствовали ее. Не хотѣлось вѣрить, что нашъ одинокій поѣздъ грустно стоитъ въ чужомъ, далекомъ, непривѣтливомъ краю. Думалось, что вотъ заскрипятъ сейчасъ полозья, послышатся глухой бубен-

чикъ и игривое ржанье жеребенка, покажутся розвальни, а въ нихъ—мужикъ въ драномъ армякѣ, съ заиндивѣвшей бородой...

Какъ хочется почувствовать родную, мирную Россію!.. Но проклятыя пушки возвращаютъ къ дѣйствительности...

— Скоро ли мы пойдемъ?—нервничаетъ уполномоченный.

— Это хорошо,—успокаиваю я его.—Если васъ не зовутъ,—значитъ, нужды въ васъ нѣтъ, раненыхъ нѣтъ...

Такъ, дѣйствительно, и обстояло дѣло. На краковскомъ фронтѣ наступило зимнее затишье, и спѣшить санитарнымъ поѣздамъ некуда...

Какіе-то люди съ чемоданами шли къ намъ. Это—наши коллеги съ товарнаго поѣзда. Злые-презлые. Оказывается, ночью мы ихъ обогнали.

Встрѣтили неудачниковъ хохотомъ.

Пожилой подполковникъ шутилъ:

— Вотъ что значитъ, господа молодые офицеры, начальства не слушать! Говорилъ я вамъ: оставайтесь здѣсь!

Черезъ полчаса какой-то прапорщикъ „открылъ Америку“. Онъ узналъ, что мы стоимъ въ верстѣ отъ станціи „Гарна“, и что на станціи паровозъ подъ парами.

Мы потащили свои чемоданы и сѣли въ поѣздъ съ кавалерійскими лошадьми. Остался въ теплѣ одинъ подполковникъ.

—Я все-таки не вѣрю...—говорилъ онъ.

— И лошадямъ не вѣрите?

— Ни овсу, ни лошадямъ...

Но не вѣрить было нельзя. Съ лошадьми спѣшили. Черезъ часъ мы уже стояли на малюсенькой станціи „Воля“. Тутъ былъ предѣлъ „земныхъ желаній“. Отсюда Тарновъ въ четырехъ верстахъ, но пассажировъ туда

не возятъ, опасаясь „безобразій" со стороны австрійцевъ.

Воля—любопытный уголокъ. Тоже подъ обстрѣломъ и даже подъ бомбами аэропланов, но жизнь тамъ, несмотря на это, бьетъ ключомъ

Въ Волѣ эвакуаціонный пунктъ. Стоятъ палатки съ ранеными. Отъ станціи идутъ во всѣ стороны обозы. Маневрируютъ вагоны. То-и-дѣло подъѣзжаютъ автомобили и фаэтоны.

Жизненный нервъ Воли—походныя кухни. Онѣ всѣхъ кормятъ. Никому отказа нѣтъ.

Санитары носятъ раненымъ въ ведрахъ похлебку и чай. Даютъ пищу и здоровымъ, которые случаются на станціи. Иногда полковникъ или генералъ съ позицій, дожидаясь попутнаго поѣзда, просятъ у сестры-хозяйки супу и каши. Конечно, даетъ.

— Такой каши мы не только на позиціяхъ, но и въ жизни не ѣдали,—говорятъ всѣ.—А ужъ похлебка!..

Кормитъ всю Волю первый отрядъ всероссійскаго городского союза. Съ утра до вечера, не покладая рукъ, работаетъ здѣсь, подъ бомбами и снарядами, небольшая группа людей.

Въ отрядѣ почти всѣ москвичи. Много студентовъ:

Вся Москва...

Я попалъ въ родную среду интеллигентныхъ работниковъ, руководимыхъ кн. Пав. Д. Долгорукимъ и М. Г. Комиссаровымъ.

Отрядъ крѣпко спаянъ энергіей и горячимъ чувствомъ долга. Рѣдкое единодушіе и стройность работы.

Я присматривался къ нашему интеллигенту на войнѣ. Дома онъ обычно скученъ и киселъ,—особенно киселъ и нуденъ теперь, во время войны. А здѣсь онъ выросъ и помолодѣлъ. И всегда бываетъ такъ: всегда онъ вырастаетъ въ моменты общественныхъ бѣдствій. Живое дѣло даетъ ему жизнь и будитъ спавшія силы...

Былъ ясный день. Надъ Волей плавали аэропланы. Какъ ястребъ, вился на недосягаемой высотѣ австрійскій аэропланъ. Онъ летѣлъ по линіи нашей дороги.

Мнѣ казалось, что онъ съ завистью и досадой смотритъ теперь на маленькую, энергичную, геройскую Волю, выросшую назло ему изъ земли и не испугавшуюся его...

* ■ *

Вечеромъ пріѣхалъ прапорщикъ съ цѣлой горой вещей. Онъ направлялся на позиціи, а позиціи, гдѣ стоялъ его полкъ, были за Тарновомъ. Лошадей не было, и прапорщикъ не зналъ, что дѣлать. Сидитъ на вещахъ и скучаетъ.

— А вы бы на поѣздѣ!—говорю.

— Поѣзда не ходятъ...

— Каждый день проскакиваютъ мимо...

Паровозъ и два-три вагона ежедневно ходятъ мимо города на Жабно и на Туховъ. „Безобразія“ австрійцевъ заставили только высаживать пассажировъ, а грузы идутъ безостановочно, не обращая вниманія на снаряды.

Поѣздъ отправился ночью, потушивъ огни. Онъ развилъ скорость и помчался къ Тарнову. На вокзалѣ быстро сбросилъ людей и вещи и безстрашно умчался по направленію къ Дунайцу.

На перронѣ вокзала, около комендантской комнаты, на каменныхъ плитахъ разложенъ костеръ. Около него грѣются часовые. Кромѣ ихъ двухъ, на вокзалѣ нѣтъ никого. Было еще темно, и разобрать, какія перемѣны произошли съ вокзаломъ, нельзя. Видно только, что изъ живого, полнаго народомъ и дѣятельностью, огромное зданіе превратилось въ трупъ, съ разбитыми стеклами и опустошенными комнатами...

Я прòшелъ на площадь. Пустынно. Только часовой бродитъ. Польская гостиница, гдѣ я останавливался мѣсяцъ назадъ, стоитъ нѣмая, съ разбитыми стеклами. Въ ней никого уже нѣтъ. Вѣтеръ выбилъ наружу тюлевыя занавѣски и треплетъ ихъ.

Въ скверѣ, противъ гостиницы, около эспланады, на которой въ мирное время торговали мороженымъ и сластями и играла музыка, я замѣтилъ бугорокъ, занесенный снѣгомъ, и бѣлый крестъ съ деревянной доской.

Не сразу разабралъ. Часовой убѣдилъ меня, что это—могила. Читаю надпись: „О. В. Д. 1915 г. янв. 2-го дня. Павшій подъ снарядомъ на станціи „Тарновъ“ К. С. Борисовъ. Миръ праху твоему. А. Т.“. Что означаютъ иниціалы О. В. Д.,—не знаю; это тайна А. Т...

Когда стало свѣтать, я вернулся на вокзалъ. Онъ оказался мертвецомъ на синемъ фонѣ разсвѣта. Силой взрыва разбиты всѣ его стекла. Внутри обвалилась и повисла штукатурка. Упали и разбились лампы.

Я поднялъ съ пола бумажку. Оказалось что-то вродѣ дневника-письма. Какой-то солдатъ или санитаръ описывалъ по часамъ первый день новаго года. „Намъ дали“ того-то и того... „Кончаю пить чай; время—10 ч. 27 м. утра. Начинаю писать письмо“... Но успѣлъ написать только шесть строкъ. Въ половинѣ одиннадцатаго прилетѣлъ на вокзалъ первый 42-сантиметровый снарядъ... Рука дрогнула, письмо полетѣло на полъ...

На платформѣ догоралъ костеръ. Прапорщикъ сидѣлъ на своихъ вещахъ. Я только теперь увидалъ его блѣдное, осунувшееся лицо.

— Пойдемте погуляемъ!—зову его.

— Стоитъ ли?

— Вы больны?

— Нѣтъ, такъ что-то скучно отъ этихъ развалинъ...

Онъ ѣхалъ впервые на позиціи.

Однако, пошелъ.

Водокачка разбита взрывомъ и осколками. Около нея огромная яма, вырытая снарядомъ, запорошенная снѣгомъ. Тутъ же крытая товарная платформа. Въ серединѣ ея провалъ. Толстая желѣзная крыша отъ взрыва свернулась въ трубку и повисла надъ тоннелемъ. Снарядъ попалъ въ землю и вырылъ ямищу въ полторы сажени глубиной и сорокъ пять аршинъ въ окружности. Взрывомъ согнуло рельсъ. Бросило крышу товарнаго вагона вверхъ и, перекинувъ ее черезъ вокзалъ, ударило о землю на площади. Два тяжелыхъ колеса отскочили на сажень и упали въ тоннель.

Мы прошли заваленнымъ обломками тоннелемъ на другой конецъ платформы; здѣсь остался брошеннымъ какой-то большой дощатый ящикъ.

— Товаръ, что ли?—трогаю я его.

— Какой товаръ! Смотрите!—говоритъ прапорщикъ.

И указываетъ на бокъ ящика. Тамъ выбита доска, и просвѣчиваетъ позолота.

— Гробъ?

На доскѣ сквозь снѣжокъ видна надпись. Я сбросилъ платкомъ снѣжокъ и прочелъ: „Прапорщикъ Николай Лисицынъ".

Его въ суматохѣ бомбардировки скинули съ поѣзда и забыли! Забыли похоронить!

Мы съ прапорщикомъ обнажаемъ головы и крестимся.

Но драма оказалась не такой ужъ страшной. Вечеромъ я встрѣтилъ начальника станціи, и онъ мнѣ сказалъ:

— Тѣла въ гробѣ нѣтъ...

Прапорщикъ Николай Лисицынъ убитъ въ Бохнѣ. около Кракова. Тамъ и похороненъ. Родные захотѣли перевезти прахъ его въ Россію и прислали гробъ. Но Бохня въ это время перешла уже въ руки австрійцевъ, и гробъ остался въ Тарновѣ... дожидаться, когда мы снова пойдемъ подъ стѣны Кракова.

* * *

Сегодня „Берта“ еще не стрѣляла.

— Будетъ стрѣлять?

— Нѣтъ. Уже три часа. Поздно.

„Берта“ (австрійская пушка, стоящая гдѣ-то за Дунайцемъ и время-отъ-времени посылающая въ городъ „гостинцы“) обычно стрѣляетъ съ одиннадцати, „послѣ кофе“, и къ тремъ часамъ дня, „къ обѣду“, замолкаетъ.

На улицахъ масса народа. Спѣшатъ по дѣлу и просто гуляютъ. День солнечный, морозный. За ночь выпало много снѣга. Дышится легко.

Столики въ ресторанахъ и цукерняхъ на Краковской и Валовой улицахъ заняты военными и мирными жителями.

Въ „Avenue“ одни мирно играютъ на бильярдѣ, другіе —въ шахматы.

Хозяинъ „Avenue“, польскій драматическій актеръ, занявшійся ресторанным дѣломъ „по случаю войны“, разсказываетъ группѣ офицеровъ о Краковѣ.

— Вотъ городъ такъ городъ, господа!

— Увидимъ, увидимъ!..

— А кормятъ какъ тамъ? Лучше, чѣмъ у васъ?

— Надо записать, какой тамъ лучшій отель, а то забудешь. Ищи тогда!

Компанія хохочетъ.

Смѣхъ слышится въ ресторанахъ и на улицѣ. Вездѣ, гдѣ есть люди. Въ морозномъ, зажигающемъ кровь воздухѣ смѣются и русскій, и полякъ, и еврей.

На рынкѣ, гдѣ стоитъ разбитый на дняхъ австрійскимъ снарядомъ домъ и домовъ десять безъ стеколъ, волнуется море головъ. Покупаютъ, продаютъ, кричатъ, торгуются, забывая все въ мірѣ...

Въ цукернѣ группа военныхъ.

— Далеко ваши позиціи? — спрашиваютъ одни другихъ.

— Въ получасѣ ѣзды. А ваши?

— Пятнадцать минутъ автомобиля.

— Пріѣхалъ кофе выпить... Вотъ, видите, карты купилъ. Больно скучно, когда не дежуришь. Въ окопахъ играемъ...

— Думаю въ кинематографъ сходить. А потомъ на позицію.

— Лежу вчера въ цѣпи...—разсказываетъ въ углу полный штабсъ-капитанъ.

— А мы съ генераломъ пріѣхали въ баню...—несется изъ другого угла.

На улицѣ зазвенѣли бубенчики.

— Не становой ли ѣдетъ на огонекъ?

Смѣются.

— Въ самомъ дѣлѣ: точно въ Россіи на масляницѣ!

— Да, да... А хорошо сейчасъ въ Россіи на масляницѣ!

— Тройка въ яркихъ лоскуткахъ, кучеръ въ шляпѣ съ павлиньимъ перомъ!.. Эхъ!..

Съ бубенцами, напоминающими Россію, ѣздятъ здѣсь на санкахъ извозчики.

Около гимназіи большая обледенѣвшая гора. Тамъ куча мальчишекъ и дѣвченокъ катается на салазкахъ. Карабкаются, падаютъ, хохочутъ. Стонъ стоитъ въ воздухѣ отъ смѣха.

За гимназіей свѣтится кинематографъ „Helios“. Въ огромномъ мрачномъ залѣ показываютъ наполеоновскую войну въ Тиролѣ.

Смотрятъ военные.

— Эффектная война! Не то, что наша...

— Да...

Лихіе кавалерійскіе наѣзды сомкнутымъ строемъ, сокрушающіе пѣхоту и артиллерію.

— А мы, какъ кроты, копаемся въ землѣ. Высунуть пальца не можемъ!

Къ „Helios“ примыкаетъ маленькій паркъ, красиво опушенный снѣгомъ.

Въ этомъ паркѣ можно безплатно послушать, какъ воюютъ теперь. Но никто не хочетъ слушать. Предпочитаютъ смотрѣть за деньги отошедшую въ вѣчность наполеоновскую эпопею.

Мы сѣли въ паркѣ на лавочку и прислушались. Слѣва несется смѣхъ катающихся мальчишекъ, а справа—глухой стукъ ружейной пальбы. Такой ясный и яркій. Безъ перерыва колотятъ гдѣ-то недалеко за паркомъ палками по тесовымъ доскамъ.

Колотятъ день и ночь. И такъ къ этому страшному стуку всѣ привыкли, что перестали его замѣчать.

* * *

У объявленія собралась толпа. Поляки и евреи. Жадно читаютъ новое распоряженіе новаго правительства.

„Россійскія арміи... ведутъ войну только противъ вооруженныхъ силъ непріятеля. Всѣ же мирные жители спокойно могутъ возвратиться въ свои села и продолжать занятія мирнаго времени“...

Объявленіе стремится устранить случаи „мародерства бродячихъ отсталыхъ нижнихъ чиновъ“, но косвенно содержитъ отвѣтъ на воззваніе австрійцевъ къ мирнымъ тарновцамъ.

— Бросайте родные дома и бѣгите—приказывали австрійцы.

— Спокойно трудитесь! — авторитетно говорили русскіе.

Ни одинъ мирный житель не тронулся съ мѣста. Летѣли снаряды; люди проклинали своихъ родичей за безцѣльную жестокость, но продолжали жить подъ выстрѣлами.

За заставой—война, съ утра до вечера слышны пушечные выстрѣлы, а въ городѣ полное спокойствіе. Устраиваются даже концерты.

Рядомъ съ распоряженіемъ русскаго правительства приклена театральная афиша на польскомъ языкѣ:

„Съ дозволенія пана коменданта данъ будетъ концертъ Константина Смирнова (піанино). Сборъ—въ пользу раненыхъ".

Звуки піанино въ пушечномъ концертѣ! Чайковскій въ окопахъ!

— Не боитесь снаряда?—спрашиваю устроителя.

— Все предусмотрѣно. Домъ, гдѣ будетъ концертъ, заслоненъ отъ „Берты" другимъ высокимъ домомъ.

Доносилась изъ-за парка ружейная музыка, а концертный залъ сіялъ огнями, какъ Благородное собраніе въ Москвѣ.

На стѣнахъ—Францъ-Іосифъ въ разныхъ возрастахъ и расписаніе танцевъ. Полька слѣдуетъ за венгеркой, и т. п. Это осталось отъ австрійцевъ. Совсѣмъ недавно въ этомъ залѣ откалывали мазурку австрійскіе офицеры.

Теперь здѣсь собрались русскіе офицеры. Больше штабные, но есть и окопные.

Многіе шесть мѣсяцевъ не слыхали другой музыки, кромѣ свиста пуль и разрыва шрапнели. А теперь слушаютъ Шопена, Римскаго-Корсакова, Рахманинова...

— Потомъ опять въ окопы слушать вой пуль...

Концертантъ—штатскій человѣкъ во фракѣ, съ перевязью „Краснаго Креста". Онъ привезъ изъ Россіи теплое платье солдатамъ.

Когда мы шли послѣ концерта мимо парка, кто-то недалеко громко колотилъ палкой по тесовымъ доскамъ. Но мы говорили о музыкѣ и не замѣтили.

* * *

У дома стоятъ военные автомобили.

— Это штабъ?

— Нѣтъ, баня.

На воротахъ вывѣска:

„Баня всероссійскаго союза городовъ".

— Окопы моются...

Подъѣхали верхомъ офицеры.

— Сегодня какой день?—спрашиваютъ.—Солдатскій или офицерскій?

— Такъ точно, солдатскій! Для офицеровъ завтра!

— Неудача! Ну, да мы не помѣшаемъ!

Баня во дворѣ. Въ предбанникѣ много народа. Рота солдатъ моется повзводно. Два генерала и нѣсколько офицеровъ, пріѣхавшихъ съ позицій, получили разрѣшеніе мыться съ солдатами.

— Мы не помѣшаемъ, — упрашивали они.—Только бы помыться...

Полокъ кишитъ людьми всѣхъ чиновъ и ранговъ. Идутъ разговоры;

— Дай Богъ устроителямъ добраго здоровья!

— Россію чувствуемъ...

— Три мѣсяца не мылся. Ахъ, какъ хорошо!

Для солдатскаго бѣлья имѣется печь, гдѣ окопная „пѣхота" погибаетъ отъ жара, пока солдатъ моется.

Баня—самое посѣщаемое мѣсто въ Тарновѣ. И самое пріятное для окоповъ, которые живыми нитями связаны съ ней. Круглый день толпится у бани народъ.

Если бы у союза городовъ не было никакихъ другихъ заслугъ, кромѣ тарновской бани, его дѣятельность все-таки была бы въ высшей степени плодотворной.

Баня солдату нужна, какъ хлѣбъ.

* * *

Въ узкомъ, безлюдномъ переулкѣ стоитъ большой домъ казарменнаго вида.

До войны маленькая входная дверь въ воротахъ

была день и ночь заперта. Торговки приносили овощи, хлѣбъ и всякіе предметы питанія. Отдавали въ дверь, получали деньги и уходили. Никто изъ этого таинственнаго дома никогда не выходилъ на улицу.

И все-таки это была не тюрьма, а женскій монастырь Урсулинскаго ордена.

Урсулинки—по большой части великосвѣтскія женщины, говорящія на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ. Онѣ, сверхъ прочихъ монашескихъ обѣтовъ, давали обѣтъ не выходить за ворота монастыря и свято его исполняли.

Въ монастырѣ была школа для дѣвицъ. Когда началась война, дѣвицъ распустили, и австрійцы въ дѣвическихъ дортуарахъ устроили госпиталь. Тарновъ пришлось отдать русскимъ, и госпиталь съ ранеными перешелъ къ намъ.

Сначала этотъ госпиталь былъ въ вѣдѣніи отряда Государственной Думы, а теперь—перваго отряда всероссійскаго союза городовъ, руководимаго извѣстными общественными дѣятелями: кн. Пав. Д. Долгоруковымъ и М. Г. Комиссаровымъ.

Калитка теперь всегда отперта. На дворѣ монастыря устроенъ гаражъ.

Монахини питаютъ раненыхъ на свой счетъ. Ихъ скромныя фигурки въ черныхъ головныхъ уборахъ цѣлый день скользятъ по палатамъ.

Урсулинки съ боязнью встрѣтили русскихъ. Думали, что съ ихъ приходомъ начнется ограбленіе монастыря. Но произошло слѣдующее:

Въ первый же день, какъ вошли русскіе, вечеромъ, въ калитку постучался какой-то бродячій, отставшій отъ своей части русскій солдатъ. Ему со страхомъ отперли.

— Мнѣ бы поѣсть чего-нибудь, — объяснилъ онъ, какъ могъ.

Его впустили и накормили. Когда солдатъ насытился, то спросилъ счетъ:

— Сколько стоитъ?

Монахиня отвѣтила:

— Мы кормимъ путниковъ во славу Божію.

Солдатъ понялъ, поблагодарилъ и собрался уходить. Но долго что-то мялся у порога. Потомъ подозвалъ къ себѣ монахиню, которая служила ему за столомъ, и шопотомъ сказалъ:

— На-ко тебѣ на-чаишко!..

И сунулъ ей въ руку пятиалтынный.

На лицѣ его было написано:

— Поѣшь, какъ слѣдуетъ, а то васъ, небось, настоятельница не кормитъ!

И ушелъ.

Потомъ пришли русскіе врачи и сестры и стали обслуживать госпиталь. Ограбленія никакого не произошло.

Теперь урсулинки боятся одного:

— Закроютъ нашъ орденъ? — спрашиваютъ онѣ у женщины-врача, завѣдующей госпиталемъ.—Русскіе не разрѣшаютъ католическихъ монастырей. Насъ выгнали изъ Германіи, выгонятъ изъ Галиціи. Куда же мы пойдемъ?

Это больной вопросъ. Въ Западной Галиціи много католическихъ монастырей (въ Тарновѣ 5). Что съ ними сдѣлаетъ Россія?

О русскихъ урсулинки отзываются со смущеніемъ:

— Странные ваши солдаты... Караульные отперли въ классной комнатѣ ящикъ одной ученицы, взяли оттуда дѣтскую игру и теперь играютъ въ нее на кухнѣ...

А о казакахъ со страхомъ спрашиваютъ:

— Что это за люди?

Ночью дортуары урсулинскаго монастыря представляютъ необычайный видъ. Монахини уходятъ къ себѣ

спать. Въ палатахъ—наши сестры Раненые мечутся въ жару, бредятъ, кричатъ...

Меня провели въ маленькую палату тяжелыхъ. За ширмой сестра наклонилась надъ дѣвочкой и слушаетъ ее. Дѣвочка говоритъ и улыбается.

— Слушаю и не понимаю,—сказала намъ сестра.— А дѣлаю видъ, что понимаю...

— Какъ попала она сюда?

— Дѣвочка ранена: у нея раздроблена рука осколкомъ австрійскаго снаряда...

— Гдѣ?

Думалъ, что гдѣ нибудь около окоповъ.

— Въ городѣ...

Дѣвочка—одна изъ невинныхъ жертвъ безсмысленной австрійской бомбардировки...

Когда ее принесли, она смотрѣла съ недоумѣніемъ.

Такъ смотрѣла настоятельница монастыря, когда осколокъ австрійскаго снаряда упалъ на монастырскомъ дворѣ.

Она принесла его еще горячимъ женщинѣ-врачу и со страхомъ говорила:

— Какъ же такъ? Мы скромно служимъ Богу, а въ насъ свои же стрѣляютъ!

* * *

Третій разъ я былъ въ Тарновѣ въ февралѣ мѣсяцѣ.

Спрашиваю мѣстнаго жителя:

— Какъ поживаете?

Онъ жалуется на австрійцевъ:

— Измѣнили тактику...

Прежде стрѣляли днемъ—отъ одиннадцати до трехъ. Все-таки извѣстная система: къ ней привыкаешь и съ ней сживаешься.

— Послѣ трехъ чувствуешь себя вольно...

Теперь австрійцы стрѣляютъ иногда, и днемъ и ночью, безъ системы. Когда имъ вздумается.

— Это уже неудобно...

„Берта“ шутитъ свои страшныя шутки тогда, когда о ней забываютъ. Солнечный день. Тепло тянетъ всѣхъ на улицу. Городъ оживленъ. Вдругъ въ воздухѣ появляется зловѣщій звукъ приближающагося снаряда.

Подъ Перемышлемъ солдаты различаютъ, куда летитъ снарядъ.

— Не нашъ,—спокойно говорятъ они.

— Нашъ,—кричатъ и ложатся.

По звуку узнаютъ, гдѣ упадетъ граната.

У „Берты“ дьявольское свойство. Когда летитъ ея 42-сантиметровый снарядъ, то всѣ люди на всѣхъ улицахъ города думаютъ, что попадетъ онъ непремѣнно въ нихъ...

Въ первый моментъ на душу человѣка ложится страшная тяжесть, тоска. Потомъ, когда снарядъ разрывается въ полуверстѣ, кто-то страшный беретъ человѣка за плечи и сильно трясетъ.

Снарядъ разрывается съ такой силой, что однажды половинка лошади поднялась въ воздухъ, перелетѣла черезъ зданіе и упала.

Снарядъ „Берты“ все уничтожаетъ на своемъ пути. Рветъ на части, разбиваетъ въ крошки и уноситъ за версту.

Два наши врача занимали квартиру въ частномъ, покинутомъ хозяиномъ домѣ. Всегда они обѣдали дома, а въ этотъ день ихъ пригласили на обѣдъ въ госпиталь. Они ушли, а въ ихъ отсутствіе снарядъ попалъ въ квартиру и не оставилъ цѣлымъ даже бѣлья врачей. Все куда-то исчезло. Словно въ квартирѣ побывалъ воръ.

Послѣ перваго снаряда надо ждать второго. Улицы опустѣли. Городъ замеръ и притаился.

Жители творятъ молитву и отсчитываютъ двадцать

двѣ минуты. Это время идетъ на то, чтобы зарядить „Берту“.

Черезъ двадцать двѣ минуты второе завываніе и взрывъ...

Но часто продолженія не слѣдуетъ. Томительныхъ двадцать двѣ минуты (цѣлая вѣчность!) проходятъ, а взрыва нѣтъ. Тогда городъ воскресаетъ. Улицы оживляются. Ямы закапываются. Трупы хоронятся.

Обострился квартирный вопросъ.

Квартиръ достаточно, онѣ дешевы, а для русскихъ даже безплатны. И все-таки налицо квартирный голодъ.

Секретъ въ томъ, что въ квартирахъ нѣтъ стеколъ, а это по зимнему времени значитъ, что нѣтъ самыхъ квартиръ.

Создаются положенія, когда хочется и смѣяться и плакать.

Съ вечера человѣкъ натопилъ хорошо печку въ своей комнатѣ, заперся со всѣхъ сторонъ и легъ. Утромъ проснулся отъ страшнаго холода. Оказывается, онъ спитъ... на улицѣ. Ночью гдѣ-то около него упалъ снарядъ и выбилъ стекла. Бѣжитъ онъ, раздѣтый, въ сосѣднюю комнату. Но и тамъ нѣтъ стеколъ. Весь домъ безъ стеколъ.

Нѣкоторые такимъ путемъ простудились и легли въ госпиталь.

— Мы теперь уже не раздѣваемся на ночь, — говорилъ мнѣ одинъ врачъ.

Приходится искать новой квартиры въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ еще снаряды не падали. Только-что человѣкъ переѣхалъ, какъ снарядъ и здѣсь выбиваетъ всѣ стекла...

Я часто хожу около тѣхъ домовъ, которые напоминаютъ мнѣ погромъ. Въ нихъ нѣтъ ни одного цѣлаго стекла.

Такихъ домовъ очень много. Одинъ разорвавшійся снарядъ уничтожаетъ стекла въ 10—15 домахъ. А дома въ Тарновѣ двухъ и трехъ этажные.

Во многихъ обезстекленныхъ домахъ живетъ многосемейная бѣднота. Эта бѣднота не ищетъ, конечно, квартиръ со стеклами. Нѣтъ у нея денегъ и на починку. Да и стеколъ въ городѣ почти нѣтъ, — починить нечѣмъ.

Я наблюдалъ такую картину. Комната въ полусыромъ подвалѣ. Дровъ нѣтъ, — топить нечѣмъ. Да и безсмысленно топить,—улицу не натопишь. Стекла всѣ выбиты. Ихъ заставили жестяными листами, портретами, досками. Отъ этого тепла не прибавилось, а комната стала мрачной.

Живетъ въ этой комнатѣ цѣлая семья. Питается коечѣмъ, болѣетъ отъ холода и сырости и съ замираніемъ сердца слушаетъ, какъ печально завываютъ австрійскіе снаряды...

— Да, стрѣляютъ, — говоритъ мѣстный житель. — Только толку въ этомъ нѣтъ.

По госпиталямъ лежатъ съ перебитыми руками и ногами женщины и дѣти. А сколько ихъ въ могилахъ. Можно подумать, что австрійцы ведутъ войну съ мирными жителями, своими же подданными...

Русскихъ они только безпокоятъ: разстраиваютъ имъ нервы, заставляютъ просыпаться „на улицѣ“ и искать квартиръ. Но отъ этого никто изъ русскихъ не покинулъ города...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Около Тарнова. На наблюдательномъ пунктѣ. Въ обстрѣлѣ. Въ окопахъ.

Наши пути лежали въ одномъ направленіи. Мы достали тряскую фуру, и оставили Тарновъ. Моимъ спутникомъ оказался гибкій, какъ балерина, молодой и веселый кавалерійскій офицеръ, ѣхавшій въ свою часть. Онъ шутя говорилъ:

— Мы ѣдемъ въ Вѣну.

Дѣйствительно, шоссе вьется бокъ-о бокъ съ полотномъ желѣзнодорожнаго пути, идущимъ къ югу отъ Тарнова на Грыбовъ. Около шоссе протекаетъ рѣчка Ясло. Все это: шоссе, полотно желѣзной дороги и рѣчка представляютъ собой дно огромной лощины, окруженной двумя высокими, зубчатыми стѣнами горъ.

Это—Карпаты.

Онѣ обросли зеленой гривой лѣсовъ. Въ плѣшахъ гривы разбросаны домики.

На верху горъ искрится на солнцѣ снѣгъ, а на днѣ лощины ростетъ темно-зеленая трава и лежитъ рыхлая, размягченная дождями, глинистая земля.

Въ воздухѣ гулъ канонады. Такъ привыкаешь къ этому „вѣчному“ грому, что перестаешь останавливать на немъ вниманіе. Развѣ, когда ужъ особенно сильно разыграется старый дѣдъ Марсъ и гулкія Карпаты принесутъ къ намъ его могучую попытку потрясти землю, тогда съ тревогой слушаешь и говоришь: „О-го-гооо!“... О рядовой канонадѣ вспоминаешь только тогда, когда ея нѣтъ. Тишина кажется такой необычной и даже зловѣще-страшной:

— Что-нибудь готовится...

Горы точно не замѣчаютъ ужасовъ войны. Онѣ легкомысленно шутятъ съ нами милыя шутки. Крадутъ у насъ звуки и мѣшаютъ ихъ по своему произволу. Мы часто въ недоумѣніи прислушиваемся: откуда стрѣляютъ?.. Стрѣляютъ и оттуда, гдѣ идетъ бой, и съ той стороны, гдѣ боя быть не могло. Стрѣляютъ со всѣхъ сторонъ. Словно мы попали въ западню. Горы раздвинулись и заманили насъ къ себѣ, а потомъ закрыли всѣ выходы и бросили въ котелъ, обложивъ его огнемъ.

По жидкой грязи шоссе шли и ѣхали солдаты. Они были серьезны, сосредоточены. Двигались безконечные военные обозы, зарядные ящики, фуры „Краснаго

Креста" и т. п. Все это направлялось впередъ, къ позиціямъ По полю бѣжало шесть-семь проволокъ полевыхъ телефоновъ. Онѣ посажены, вмѣсто столбовъ, на палки съ наконечниками, напоминающія казацкія пики.

Съ позицій ѣхали только раненые. Въ одной фурѣ тѣсно лежали двое русскихъ и двое австрійцевъ. Желтые, грязные, съ забинтованными головами.

— Когда ранили?—спрашиваю.

— Сегодня утромъ.

Пріѣхалъ нарядный фаэтонъ. Въ такихъ экипажахъ обычно ѣздятъ командиры тыловыхъ частей. Въ фаэтонѣ лежалъ на боку сѣдой прапорщикъ въ золотыхъ очкахъ, видимо, раненый въ бедро или бокъ. Тоже, вѣроятно, сегодня утромъ. Лицо его мнѣ очень знакомо. Недѣли двѣ тому назадъ я ѣхалъ изъ Равы-Русской съ эшалономъ. Его велъ этотъ бѣдный прапорщикъ. Онъ часто садился ко мнѣ и хриплымъ голосомъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о родной Воронежской губерніи, гдѣ находится его помѣстье, о ея красотахъ, вспоминалъ своихъ дѣтей и жену. На какой-то станціи онъ вышелъ и вернулся блѣдный. „Я разбилъ стекло отъ часовъ",—упавшимъ голосомъ объявилъ онъ.—„Ну, такъ что же?"—„Плохая примѣта".—„Что вы?"—„Я вѣрю въ примѣты. У насъ въ деревнѣ всѣ вѣрятъ"... Онъ остался въ Ярославѣ, съ лукавой цѣлью обмануть судьбу—вставить новое стекло. Вѣроятно, вставилъ, но судьбу все таки не обманулъ...

Еще фура. Она двигается медленно, словно везетъ покойника. Въ ней во весь ростъ, прикрытый байковымъ одѣяломъ, лежитъ на соломѣ штабсъ-ротмистръ пограничнаго войска. Голова въ сѣрой папахѣ покоится на синей шелковой подушкѣ. Мы заглянули ему въ лицо—оно было блѣдное, безжизненное. Во взорѣ я прочелъ слово:—„Сейчасъ"... Въ ногахъ раненаго русскаго офицера—сѣрый комокъ австрійца, который весь

ушелъ въ свою жидкую шинель. Я мимикой спросилъ солдата - кучера:—Куда?—тотъ показалъ на свой животъ...

Ковыляетъ солдатъ, опираясь обѣими руками на палки. Ноги у него точно колоды—распухшія, тяжелыя. Онъ раненъ вчера, но въ полевой лазаретъ почему-то не попалъ. Вѣроятно, самъ не захотѣлъ. Товарищъ сдѣлалъ ему перевязку и направилъ:—„Иди по этой дорогѣ, придешь въ Тарново“. Онъ проковылялъ уже десять верстъ.

Далѣе новая, трогательная картина. Русскій и австріецъ, оба раненые въ ноги, бредутъ, поддерживая другъ-друга. Они зачѣмъ-то выбрали вязкій путь по полю. Вѣрно, сокращаютъ разстояніе. Смотримъ на нихъ и кажется намъ, что никакой войны нѣтъ, однѣ шутки...

Мой спутникъ разсказалъ о такомъ случаѣ. Онъ видѣлъ, какъ тяжело раненый русскій солдатъ, жевавшій хлѣбную корку, совалъ ее въ ротъ голоднаго австрійца, то же раненаго и положеннаго съ нимъ рядомъ.

Канонада усиливалась, вѣрнѣе, мы приближались къ позиціямъ. Наша фура ѣхала рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги. Отсюда была видна рѣчка. Всѣ мосты черезъ Яслу сожжены австрійцами. Вмѣсто нихъ построены уже новые—саперные мосты. Желѣзнодорожный путь австрійцы не портили—они уносили только стрѣлки и ломали главныя части водоснабженія.

Фура остановилась около станціи. Вокзалъ и всѣ постройки разбиты и сожжены. На путяхъ хаосъ войны. Около рельсовъ вырытъ рядъ окоповъ, обложенныхъ кирпичемъ. Три дня тому назадъ здѣсь происходилъ бой. Стрѣляли изъ оконъ вокзала...

На слѣдующую станцію отправлялась дрезина, которая захватила насъ. Въ дрезину запрягли сѣрую лошадь. Мы легко покатились.

— Поосторожнѣе на мостахъ,—предупредили насъ.

Мы ѣхали горнымъ ущельемъ, въ которомъ два дня тому назадъ летала огнѣнная смерть. На каждомъ шагу попадались трупы лошадей. Бугристые, страшные... Наша лошадь храпѣла и рвалась въ сторону. Мѣстами высились кучи лошадиныхъ труповъ. Ихъ сносили въ одно мѣсто, когда очищали путь.

Всѣ бока полотна дороги, весь низъ горы, около которой вился желѣзнодорожный путь, усѣянъ самыми разнохарактерными окопами: отъ простыхъ, въ которыхъ еле помѣстишь голову, до крѣпкихъ блиндажей, на покрышку которыхъ были употреблены двери домовъ, оконныя рамы, доски мостовъ и т. п. Окопъ на окопѣ. Удивительно это хитросплетеніе ходовъ и переходовъ, извилинъ. Окопы надо изучать глубокому психологу, это рѣдкое явленіе. Въ окопахъ массовый человѣческій умъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы отстоять жизнь. Поэтому интересно прослѣдить это напряженіе. Мы пробовали по окопамъ уяснить движеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ. Это не такъ просто. Иногда становишься въ тупикъ, зачѣмъ окапывался солдатъ, когда у него была прекрасная естественная защита: какъ-будто ему грозила опасность съ своей стороны.

Въ окопахъ разбросаны ранцы, подсумки, гильзы, нераспечатанныя пачки обоймъ. Наложена солома. Видно, что на ней лежалъ человѣкъ. Иногда оставался слѣдъ отъ раненаго или убитаго—темное пятно запекшейся крови... Попадались винтовки,—брошенныя или прислоненныя къ стѣнѣ окопа.

Уже стемнѣло, когда мы пріѣхали на слѣдующую станцію—„Туховъ“. Пушечная канонада ослабла, замѣнившись трескотней пулеметовъ и винтовокъ. Та-та-та-та-та,—раздавалось за высокимъ снѣговымъ утесомъ. Или другой, упорный, долбящій, страшный звукъ: ту-ту-ту-ту... Это звуки пулемета. Бой шелъ не далѣе пяти верстъ.

Мы спросили подбѣжавшаго къ дрезинѣ солдата желѣзнодорожнаго батальона:

— Можно проѣхать на слѣдующую станцію?

Хотѣли ѣхать сейчасъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Почему?

— Такъ-что она еще въ рукахъ австрійцевъ. Наши окопы посередь пути, отселева въ шести верстахъ...

— Ну, черезъ день поѣдемъ,—утѣшалъ меня мой спутникъ.

Туховъ что-то въ родѣ городка. Весь разоренъ, сожженъ и разрушенъ. На колокольнѣ костела, около часовъ, зіяетъ шрамъ отъ снаряда.

Въ городкѣ остановились на ночлегъ два полка. Значитъ, была занята каждая лачужка. Къ счастью, мой спутникъ нашелъ около вокзала двухъ своихъ товарищей-офицеровъ. Они занимали цѣлый домъ.

Мы застали ихъ за мирнымъ занятіемъ—играли въ карты въ „дурачки". Конечно, обрадовались намъ. Наложили на столъ всевозможныхъ закусокъ,—отъ колбасы до паштета изъ серны включительно. Но хлѣба не было ни куска. Предложили чай съ ароматнымъ ромомъ, но не было сахару.

— Въ этомъ проклятомъ мѣстѣ ничего не найдешь,—сердился ротмистръ.—Качуръ! — позвалъ онъ деньщика,—найди хлѣба и сахару!

— Никакъ невозможно, в-діе. Дозвольте поискать въ подвалѣ!

— Ты у меня о подвалѣ даже не заикайся!..—потрясъ ротмистръ пальцемъ около носа деньщика.

Впадѣлецъ дома, прежде, чѣмъ бѣжать, снесъ всѣ цѣнныя вещи въ подвалъ. Солдаты, конечно, разнюхали, но ротмистръ заперъ подвалъ на ключъ и строго запретилъ прикасаться къ чужимъ вещамъ.

Офицеры были народъ милый и веселый. Доиграли

при насъ своего „дурачка“ и начали разсказывать анекдоты. Ротмистръ оказался жителемъ Кавказа, и спѣлъ намъ „Алаверды“. Онъ пѣлъ, а окна вздрагивали отъ выстрѣловъ. Вдругъ до слуха нашего долетѣлъ звукъ рояля.

— Что такое?

— Деньщики балуются...

Остался въ квартирѣ рояль. Ночью онъ служитъ постелью для одного изъ деньщиковъ. Два другіе деньщика повалили огромный шкапъ на полъ и спятъ на немъ.

Поздно ночью мы размѣстились по койкамъ. Со стѣнъ на насъ сурово смотрѣли императоръ Францъ-Іосифъ и владѣльцы квартиры: мужъ и жена въ бальныхъ костюмахъ, стоявшіе подъ руку.

Утро выдалось морозное и солнечное. Я вышелъ на крыльцо умыться. Со всѣхъ сторонъ неслась канонада. Мимо дома на позицію шли солдаты. Послѣ чая намъ подали верховыхъ лошадей, и мы поѣхали по желѣзнодорожной линіи впередъ, навстрѣчу выстрѣламъ.

Справа и слѣва надъ нами высились бѣлые отъ снѣга лѣсистые Карпаты. Изъ домиковъ, разбросанныхъ по скатамъ горъ, мирно вился бѣлый дымокъ. Вся обстановка была такая мирная, спокойная, далекая отъ крови. Мы словно выѣхали на прогулку въ горы. Шесть женщинъ шли намъ навстрѣчу съ узлами за плечами. Онѣ переносили куда-то свой скарбъ. Изъ дома, стоявшаго у подножья горы, вышелъ старикъ, старуха и молодая дѣвушка. Всѣ въ праздничныхъ, нарядныхъ костюмахъ. Дѣвушка и старуха держали въ рукахъ католическіе молитвенники съ золотымъ обрѣзомъ. Я вспомнилъ, что сегодня воскресенье. Значитъ, они идутъ въ костелъ. Выше спускается съ горы еще пара нарядныхъ женщинъ, тоже, видимо, направляющихся въ костелъ.

Я не успѣлъ оглядѣть мѣстности, какъ замѣтилъ, что шагахъ въ двухстахъ отъ мирной картины, вдругъ появился, какъ будто изъ земли, густой дымъ. Черезъ секунду дымъ смѣнился ослѣпительнымъ, рѣжущимъ блескомъ и вдругъ надъ самымъ ухомъ раздался оглушительный пушечный ударъ. Все сразу проснулось, встрепенулось и заголосило. Ущелье наполнилось звуками. Эхо пошло бродить по лѣсу, по горамъ и умчалось далеко, далеко.

Я еле сидѣлъ на сѣдлѣ. Лошадь, не ожидавшая выстрѣла, бросилась вправо. Но тамъ въ пятидесяти шагахъ стояла наша вторая батарея и встрѣтила такимъ же оглушительнымъ выстрѣломъ.

— Дальше ѣхать нельзя,—сказалъ мой спутникъ.— Предлагаю взобраться на гору, оттуда намъ откроется картина всего боя.

Батареи прижались къ подножію крутой, высокой горы, покрытой снѣгомъ. На верху горы стояла одинокая халупа, около которой толпились наши солдаты. Мы проѣхали въ двадцати шагахъ отъ первой батареи и начали взбираться на кручу. Оглянулись назадъ и замѣтили, что насъ прекрасно видно съ противоположной горы, обросшей лѣсомъ. Судя по расположенію нашихъ батарей, гора эта была въ австрійскихъ рукахъ. Было, значитъ, опасно. Тогда мы поѣхали вдоль горы и скрылись за поворотомъ. Потомъ, почти отвѣсно, добрались до халупы. Солдаты приняли отъ насъ лошадей, и мы пѣшкомъ по глубокому снѣгу ползли вверхъ.

Тутъ вездѣ въ разныхъ направленіяхъ человѣческіе слѣды. Вилась по снѣгу телефонная проволока. Лежала желтая куча соломы.

— Нашъ наблюдательный пунктъ,—тихо сказалъ мнѣ мой спутникъ.—Видите офицера?

— Вижу.

На самомъ верху горы, въ ямѣ, спиной къ намъ, въ

бѣлой брезентовой накидкѣ, сидѣлъ офицеръ съ биноклемъ въ рукахъ. Около него ниже, тоже въ ямѣ, бывшемъ окопѣ, сидѣли еще два офицера, а рядомъ съ ними солдатъ съ телефонной трубкой въ рукахъ. Отъ него шли по землѣ провода. Мы поползли къ нимъ и заняли сосѣдній окопъ.

Отсюда было видно все ущелье, по которому грохотали пушки, пулеметы и ружья. Внизу по дну ущелья вилась желѣзная дорога. Вдали бѣлѣло зданіе вокзала. Около горы, въ полверстѣ, я увидалъ рядъ бѣлыхъ дымковъ—это наши передовые окопы. Пѣхота стрѣляла черезъ полотно дороги. А гдѣ же австрійцы? Ищу и слышу, какъ офицеръ передаетъ приказаніе:

— Вправо, ноль, ноль, пять.

Телефонистъ крикливо повторяетъ его слова въ трубку и прибавляетъ: „Вѣрно“. Офицеръ наводитъ бинокль.

— Огонь!..—тихо говоритъ онъ.

Телефонистъ кричитъ: „Огонь!“. Проходитъ томительная секунда. Всѣ напряженно ждутъ удара. Вдругъ сзади насъ какъ-будто срывается съ цѣпи какое-то чудовище и громомъ реветъ по ущелью. Снарядъ летитъ черезъ наши головы. Офицеръ—весь вниманіе.

— Около, — говоритъ онъ радостно и отнимаетъ бинокль отъ глазъ.

— Вы не видите?—спрашиваетъ меня мой спутникъ.

— Нѣтъ.

— Вонъ домики, на бугрѣ, смотрите! Передъ ними такой бѣлый плацъ, тамъ ихъ окопы!..

— Вы—кіевляне, господа?—спрашиваетъ офицеръ и, не дожидаясь отвѣта, отдаетъ приказаніе:—вправо, ноль, ноль, три!— Да, кіевляне? Очень пріятно. Вашъ полкъ стоялъ въ В.?—Огонь!

Напряженная секунда молчанія.

— Блестяще,—радостно кричитъ офицеръ,—въ са-

мые окопы угодили. Закрѣпить направленіе!—А вы не знаете, шт.-капит. Петрова? Онъ перешелъ передъ войной въ кавалерію...

Я тоже увидалъ, что ударъ блестящій. Снарядъ бѣлымъ облачкомъ разорвался на снѣговомъ плацу, прямо на темной линіи окоповъ. Эту линію я вижу простымъ глазомъ. Бинокль мнѣ ничего новаго не даетъ,—линія только увеличилась и потемнѣла. Но людей я не увидалъ и въ бинокль.

— Огонь!—командуетъ офицеръ,—и снарядъ летитъ въ австрійскіе окопы.—Огонь!.. Огонь!..

Австрійцы стрѣляютъ тоже въ наши окопы.

Я вижу, какъ надъ полотномъ дороги рвутся ихъ снаряды. Но дѣйствія не вижу. Мнѣ хочется увидѣть, откуда они стрѣляютъ. Это мнѣ удается. Гора, съ которой раздаются выстрѣлы, не проявляетъ никакой жизни. На ней не видно людей. Во всемъ ущельѣ нѣтъ признаковъ человѣческой жизни. Только звуки пушекъ и ружей выдаютъ, что гдѣ-то въ землѣ, въ лѣсу, спрятались люди.

Спутникъ толкнулъ меня:

— Пойдемте отсюда!

— А что?

— Огонь придвинулся къ намъ.

Онъ военный, и знаетъ, что говоритъ. Недалеко краснымъ вѣеромъ на фонѣ снѣга разорвалась шрапнель...

— Идемъ!—рѣшительно заявилъ мой спутникъ и поползъ назадъ.

А мнѣ такъ хотѣлось смотрѣть на нашего офицера. У него видъ героя, побѣдителя. Онъ сидитъ на окопѣ крѣпко, безстрашно. Бинокль словно приросъ къ его глазамъ. Его не покидаетъ веселое настроеніе. Онъ разсыпаетъ шутки, но ни на одну секунду не упускаетъ непріятельскихъ окоповъ. Видно, что онъ весь тамъ, на

далекомъ снѣговомъ плацу. Ищетъ врага подъ землей. Отъ одного его напряженно-тихаго, но властнаго слова „огонь", просыпаются Карпаты, и тысячи людей съ замираніемъ сердца прислушиваются къ звуку снаряда. Отъ этого слова реветъ на все ущелье, словно раненое, слѣпое желѣзное чудовище, и снарядъ съ остервенѣніемъ рветъ землю и людей, мѣшая грязь съ человѣческой кровью.

Съ горы мы съѣхали уже другимъ путемъ. Прежній путь былъ не безопасенъ, такъ какъ австрійцы передвинули огонь.

У подошвы горы, за прикрытіемъ выступа, раскинулся полковой лазаретъ. Стояла фура, на которую только-что положили раненаго солдата. Онъ окутываетъ голову сверхъ розовой перевязки башлыкомъ. Кто-то спрашиваетъ:

— Когда ранили?

— Охъ, сейчасъ,—отвѣчаетъ съ болью въ голосѣ солдатъ.

Отъ лазарета внизъ идетъ лощинка, а за ней грива сосноваго лѣса. Мы проѣхали около гривы быстро, такъ какъ боялись, что сюда могутъ долетѣть снаряды. Но я успѣлъ замѣтить, что по гривѣ разбросаны трупы людей. Сѣрѣли австрійскія шинели. Вчера здѣсь былъ бой, и наша артиллерія наложила кучи труповъ. Разбросаны винтовки, карабины. Какимъ-то образомъ на кручу австрійцы приволокли зарядный ящикъ и оставили его при отступленіи.

Внизу, у самаго полотна желѣзнодорожнаго пути, въ канавкѣ, лежалъ навзничь, подогнувъ колѣни, убитый австрійскій солдатъ. Куда поразила его пуля,—сказать трудно: крови не видать. На груди его и около, по лужѣ грязи, разбросаны открытки. Я собралъ ихъ. Это—солдатскія письма къ матерямъ, женамъ, дѣтямъ. Письма датированы 25-мъ декабря, значитъ, праздничныя, поздравительныя. Почти всѣ на венгерскомъ языкѣ,—

прочесть ихъ я не могъ. Лишь одно на русинскомъ, но оно не имѣетъ общественнаго интереса. Какъ онѣ попали къ убитому? Вѣроятно, товарищи послали несчастнаго сдать письма въ штабъ полка. Дорогой русская пуля уложила его на мѣстѣ и онъ, падая, раскидалъ открытки... А въ Венгріи матери, жены, сестры и дѣти ждали писемъ съ нетерпѣніемъ. Не дождавшись, плакали и думали: „Значитъ, убиты“...

Я взялъ письма. Предполагаю, послѣ окончанія войны переслать ихъ по адресамъ. Можетъ-быть, это—послѣднія строки убитыхъ сыновей и мужей?..

Немного поодаль, на насыпи, лежалъ номеръ вѣнской газеты „Neue Freie Presse“, отъ 9-го декабря.

Когда мы возвращались, Карпаты-обманщики пугали насъ призраками. Мы слышали выстрѣлы кругомъ себя, а самая сильная канонада раздавалась въ той сторонѣ, куда мы ѣхали. Но мы уже знали о шуткахъ горъ, и не боялись...

* * *

Мы сидѣли въ халупѣ, за шесть верстъ отъ передовыхъ позицій. Отъ непрерывнаго уханья пушекъ дрожали и звенѣли стекла. Но никто не обращалъ на это вниманія: пушки здѣсь ухаютъ давно, ухаютъ день и ночь, всѣ къ этому привыкли.

Въ халупѣ помѣщалась штабсъ-квартира питательно-перевязочнаго пункта „Краснаго Креста“, а самый пунктъ находился на передовыхъ позиціяхъ.

День былъ солнечный, теплый. Снѣгъ за ночь стаялъ. Кто-то изъ студентовъ сказалъ, что сегодня непремѣнно будутъ летать аэропланы.

— Они всегда летаютъ въ ясный день.

Онъ на всякій случай зарядилъ австрійскій карабинъ и поставилъ его у двери.

— Люблю стрѣлять по австрійскому аэроплану.

— Мало толку отъ этой стрѣльбы,—говорю ему.

— А, можетъ быть, ссажу летчика? Восхитительно!

Студентъ давно мечтаетъ попасть въ австрійскаго авіатора, но это ему не удается.

Подъ окномъ раздался топотъ лошадиныхъ ногъ. Подъѣхали два казака. Слышимъ, спрашиваютъ санитаровъ-солдатъ.

— Не проходили здѣсь двое солдатъ въ полушубкахъ?

— Тутъ большой путь, много проходитъ войска,—отвѣчаютъ ему.—А что?

— Австрійцы нарядились въ наши полушубки, надѣли подсумки и винтовки и ходятъ здѣсь...

Мы вышли на улицу. Казаки поворачивали лошадей и выѣзжали со двора. Наша халупа стояла на краю села, и намъ было видно, что вдоль линіи сторожевого охраненія, охватывавшаго кольцомъ село, мчались всадники. Это казаки искали австрійцевъ.

— Гдѣ австрійцы достаютъ русскую обмундировку?—спросилъ кто-то въ нашей группѣ.

— Съ убитыхъ снимаютъ...

— Недавно былъ такой случай,—сказалъ одинъ офицеръ,—мадьяры захватили часть нашего обоза. Тамъ было всего девять человѣкъ. Они раздѣли нѣкоторыхъ до гола, восьмерыхъ убили, а девятаго увезли съ собой, захвативъ всю одежду у убитыхъ. Одинъ изъ плѣнныхъ оказался смертельно раненымъ. Онъ успѣлъ разсказать о жестокости мадьяръ подъѣхавшимъ солдатамъ.

Разговоръ перешелъ на мадьяръ.

— Мадьяры—первобытные дикари,—сказалъ кто-то,—войско Атиллы. Очень храбрые... На-дняхъ, во время

атаки нашей пѣхоты, когда рота австрійцевъ, въ страхѣ передъ нашими штыками, бросилась бѣжать, въ окопахъ остались только пять мадьяръ. Оставаться было безумiемъ, но они остались и отчаянно защищались, пока не были подняты на штыки.

— Храбрость ихъ пропорціональна ихъ звѣрству.

— И невѣжеству,—добавилъ врачъ.—Когда они спустились съ высотъ Карпатъ въ Галицію, то спрашивали: „Это и есть Россія?“ А крестьянъ-русиновъ, отвѣчающихъ на ихъ вопросъ обычнымъ: „я русъ“, они убивали на мѣстѣ, думая, что убиваютъ русскихъ подданныхъ. Вообще, это гунны...

Пока мы разговаривали, съ позицій поднялся аэропланъ и затрещалъ надъ нашими головами. Студентъ было схватился за карабинъ, но поставилъ его обратно въ уголъ, — аэропланъ былъ русскій, съ бѣлыми пятнами на крыльяхъ. Потомъ поднялся второй русскій аэропланъ и рѣялъ на высотѣ 600—700 метровъ. Намъ почему-то стало ясно, что сейчасъ появится „австріякъ“. Казалось даже, что русскіе аэропланы, кого-то преслѣдуютъ въ воздухѣ или встрѣчаютъ. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Минутъ черезъ десять показался австрійскій аэропланъ. На крыльяхъ его темнѣли черныя полосы. Онъ летѣлъ на насъ, метрахъ въ 1000 высоты. Плавно пролетѣлъ надъ нашими головами. Русскіе аэропланы немного отстали отъ него и летѣли ниже.

Студентъ взобрался на крышу хлѣва, выпустилъ безъ успѣха всю обойму и теперь грустно смотрѣлъ на „австріяка“. Аэропланъ продолжалъ плавно летѣть. Послышались одиночные выстрѣлы и затѣмъ залпы изъ ружей. Наконецъ, рявкнули вдалекѣ орудія и около аэроплана заскакали двѣ черныя точки.

— Ой, въ своихъ попадутъ,—сказалъ кто-то.

Но этого не случилось. Ни въ кого не попали. „Австріякъ“ около нашего села круто повернулъ на-

право и полетѣлъ къ Тарнову. Къ этому моменту бинокль перешелъ ко мнѣ и я быстро поймалъ въ фокусъ улетающій аэропланъ. Онъ летѣлъ прямо къ городу. Вотъ онъ описалъ надъ нимъ полукругъ. Въ этотъ моментъ я ясно увидалъ, что съ него спустилась какая-то палка, покачалась немного въ воздухѣ и стремительно полетѣла внизъ.

— Онъ чего-то бросилъ въ городъ,—говорю я, и передаю, гдѣ увидѣлъ.

— Не можетъ быть! Бомбы не такой формы, да и взрывъ былъ бы слышенъ, — тутъ всего шесть верстъ.

Неужели это солнечный обликъ, попавшій въ стекло,— думалъ я. Но палку я видѣлъ такъ ясно.

Событія быстро чередовались. Австрійскій аэропланъ улетѣлъ на свою территорію. За нимъ погнался русскій аэропланъ. Скоро оба они скрылись въ дали. Въ это время я услыхалъ крикъ:

— Поймали! Поймали!

— Кого.

— Австрійцевъ.

На улицѣ толпились солдаты резервнаго полка, выбѣжавшіе изъ халупъ; казаки гнали передъ собой двухъ „русскихъ солдатъ“. Винтовокъ у солдатъ не было, но внѣшность оставалась солдатская: кожаные полушубки, папахи, ранецъ, подсумка.

— Это кто? — спрашивали съ улыбкой казаки нашихъ солдатъ.

— По обличью какъ быдто наши,—отвѣчали тѣ.

— Самые настоящіе австріяки.—разрѣшали сомнѣнья казаки.

Австрійцы, смертельно блѣдные, растерянно смотрѣли на насъ.

Передъ нами былъ одинъ изъ безчисленныхъ ужасовъ войны. Австрійцамъ надо было узнать численность нашихъ резервовъ. Аэропланы не могли удачно выпол-

нить этой задачи, такъ какъ на нашей территоріи ихъ встрѣчали наши аэропланы. Тогда выбрали двухъ смышленыхъ и преданныхъ поляковъ-солдатъ и поручили имъ проникнуть въ районъ расположенія нашихъ войскъ. Тѣ вынуждены были переодѣться и ночью проникли къ намъ.

— Гдѣ вы ихъ поймали?

— На большомъ тарновскомъ шоссе. Въ самый задъ нашихъ войскъ пробрались подлецы. По разговору ихъ узнали. Спросили что-то, а они по своему залопотали.

— А куда гоните?

— Къ командиру полка.

— На судъ?

— Да.

Вечеромъ мы узнали о томъ, въ чемъ были увѣрены и раньше...

Я часто вспоминаю и ясно вижу двухъ несчастныхъ поляковъ, съ печатью смерти на лицѣ, окруженныхъ казаками и любопытствующей толпой...

Спустя часъ мы верхомъ ѣхали на питательно-перевязочный пунктъ. Тутъ всего шесть верстъ. По мѣрѣ приближенія къ пункту, пушки ухали громче, снаряды разрывались болѣе гулко, а ружейные выстрѣлы, казалось, доносились изъ ближайшей ложбинки. Надъ селомъ, гдѣ помѣщалась наша мортирная батарея и штабъ полка, то-и-дѣло появлялось маленькое темное облачко. Оно плыло по горизонту, блѣднѣло, но иногда долго не исчезало. Это разрывъ австрійской шрапнели.

Я наблюдалъ за боемъ молча, а докторъ, студентъ и уполномоченный питательно-перевязочнаго отряда говорили безъ умолку. Они привыкли ко всему этому грому, знали и разсказывали намъ, куда австрійцы сосредоточиваютъ огонь и что оставляютъ безъ обстрѣла. Они указывали путь, гдѣ можно проѣхать по пункту съ наименьшимъ рискомъ.

— Вотъ этой дорожкой!—говорилъ докторъ.—Мы тутъ каждый день ѣздимъ. Австрійцы сюда почему-то не стрѣляютъ.

— Но могутъ выстрѣлить?—снаивничалъ кто-то.

— Конечно.

Мы ѣхали гуськомъ. Справа въ полуверстѣ стояла наша мортирная батарея, а сзади, за бугоркомъ, артиллерійская коновязь—штукъ шестьдесятъ лошадей.

— Господа,—провозгласилъ студентъ,—мы въѣхали въ черту оседлости... Поздравляю!

— Что это значитъ?—спрашиваю я.

— ... Въ линію обстрѣла... Она какъ-разъ здѣсь. Самые далекіе австрійскіе снаряды за двѣ недѣли, что мы стоимъ тутъ, падали не далѣе этой ложбинки.

Всѣ примолкли. Вдругъ надъ ухомъ ухнула наша мортирная батарея. Сначала появился дымъ, потомъ ослѣпительный блескъ и затѣмъ ударъ—баааххъ!

— Послали гостинецъ!—сказалъ докторъ.

Батарея стрѣляетъ рѣдко, только пристрѣливается. Бережетъ снаряды для атаки.

— Куда она стрѣляетъ?—спрашиваю я доктора, который все знаетъ.

— А вонъ ихъ цѣль!

Показываетъ на большой бѣлый господскій домъ. Я его ясно вижу. Онъ стоитъ въ зелени деревьевъ, версты за три отъ насъ.

— Домъ — за Дунаевцемъ, — поясняетъ докторъ.— Тамъ, вѣроятно, австрійскій наблюдательный пунктъ. Вчера мы зажгли тамъ постройки. Вообще, нашъ пристрѣлъ рѣдокъ, но мѣтокъ.

Офицеръ по этому поводу разсказалъ, что онъ самъ читалъ взятый у плѣннаго австрійскаго офицера приказъ по австрійской арміи, въ которомъ говорилось объ удивительной мѣткости русской артиллеріи и о томъ, что у австрійцевъ масса снарядовъ не разрывается. Коман-

дующій австрійской арміей, отъ лица котораго шелъ приказъ, требовалъ, чтобы артиллерія обратила вниманіе на неразрывъ снарядовъ.

Въ воздухѣ гдѣ-то вблизи появились новые звуки—глухіе, вибрирующіе, тревожные.

— Летитъ, господа!—сказалъ уполномоченный.

Летѣлъ австрійскій снарядъ. Мы замолчали и ждали чего-то...

— Къ намъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Въ батарею.

Снарядъ ударился въ землю отъ насъ шагахъ въ пятистахъ и зарылся безъ разрыва. Батарея стояла отъ мѣста паденія шагахъ въ трехстахъ.

— Недолетъ. Сколько ужъ они выпустили снарядовъ по батареѣ, а толку никакого!

Еще снарядъ по той же цѣли и съ тѣмъ же успѣхомъ. Онъ разорвался въ полѣ, раскидавъ комья земли по сторонамъ.

— На одинъ нашъ выстрѣлъ они отвѣчаютъ тридцатью. Не жаль имъ снарядовъ!

Мы быстро двигались впередъ по „безопасной“ дорожкѣ. Канонада какъ будто усилилась. Винтовочные выстрѣлы слились въ оглушительную трескотню. Стало жутко. Казалось, что вотъ сейчасъ выѣдемъ мы на просторъ и станемъ мишенью. Насъ шесть всадниковъ, а австрійцы стрѣляютъ даже по одиночкамъ.

Послѣ паузы докторъ что-то запѣлъ. Любопытно, какая пѣсня пришла ему на умъ подъ вліяніемъ жуткаго чувства? Я пришпорилъ лошадь и подъѣхалъ къ нему. Прислушался и сдѣлалъ гримасу.

Ахъ, Лукерья!
Люблю, какъ звѣрь, я...

Напѣвалъ докторъ дурацкую пѣсню.

Его поддержалъ уполномоченный и студентъ. Съ

разныхъ сторонъ понеслась „Лукерья“. Какъ странно! Въ сердцѣ ихъ ныла жуть, а на языкѣ откуда-то прилетѣвшая глупая „Лукерья“!

Чтобы прогнать „Лукерью“, я спросилъ:

— Какими снарядами стрѣляютъ здѣсь австрійцы?

— Всякими,—отвѣтилъ докторъ.—Недавно немного выше по Дунаевцу произошелъ такой случай. Около халупы, гдѣ жилъ штабъ полка, разорвалась ихъ одиннадцатидюймовка. Вырыла ямищу въ полторы сажени глубиной. У офицеровъ блеснула счастливая мысль сняться въ этой ямѣ. Они поставили тамъ стулья и пошли созывать всѣхъ. Въ это время въ яму угодилъ второй австрійскій „чемоданъ“. Стулья, конечно, къ чорту. Хорошо, что никого не убило. Рѣдкій случай, когда два подрядъ удара тяжелаго орудія направлены въ одну точку...

— А это хорошо, что австрійцы имѣютъ здѣсь тяжелыя орудія,—заявилъ вдругъ студентъ.

— Что же тутъ хорошаго?

— Наши будутъ. Имъ не увезти! они подвезли ихъ сюда съ огромною трудностью. Грязь тамъ невылазная...

Докторъ вдругъ вспомнилъ, что онъ на-дняхъ убилъ здѣсь дикую козу, и сталъ описывать, какъ это произошло. Но не договорилъ и вскрикнулъ:

— Ахъ, проклятые! Они деревню подожгли!..

Влѣво отъ насъ, верстахъ въ двухъ, виднѣлись изъза деревьевъ крыши домовъ. Оттуда валилъ густой дымъ. Сзади деревни стояла наша батарея. По ней стрѣляли австрійцы. Всякій ихъ недолетъ попадалъ въ дома.

— Многострадальная деревня!—сообщилъ уполномоченный.—Сколько разъ она загоралась!

— Я тамъ сѣно для лошадей присмотрѣлъ,—сказалъ докторъ,—и сегодня, ночью, хотѣлъ ѣхать за нимъ.

— Не безпокойтесь,—утѣшилъ его студентъ,—больше одного дома не сгоритъ.

— А жители изъ этой деревни выселились?—поинтересовался я.

— Часть—да, но большинство осталось тамъ.

— Какъ же они живутъ подъ огнемъ?

— Человѣкъ существо приспособляющееся. Къ чему только онъ не можетъ привыкнуть? Даже къ смерти. Жители въ этой деревнѣ днемъ сидятъ въ подвалахъ и ямахъ и слушаютъ, какъ надъ ихъ головами, шипя и свистя, пролетаютъ снаряды, а ночью, когда канонада прекращается, вылѣзаютъ на верхъ, варятъ себѣ пищу, ходятъ на Дунаевецъ за водой и готовятъ запасъ на день...

— Я видѣлъ въ этой деревнѣ такую картину,—сказалъ докторъ. —Туда въ первый день обстрѣла австрійцы посылали по одному снаряду черезъ каждыя пять минутъ. Вѣроятно, былъ такой приказъ. Нѣмцы народъ аккуратный и по минутамъ высчитывали. Жители сразу же это замѣтили и быстро приспособились: послѣ каждаго снаряда мужчины, женщины, дѣти бросались изъ ямъ на верхъ и убирали скотъ и имущество. Къ концу пятой минуты они стремглавъ летѣли въ подвалъ и ждали снаряда. Послѣ снаряда снова бросались на верхъ. Такъ все время обстрѣла.

Дорожка кончилась. Мы завернули направо и въѣхали на широкій барскій домъ, у подъѣзда котораго развѣвался флагъ краснаго креста.

Любопытной жизнью жилъ домъ польскаго графа З. въ Юрковичахъ. Самого владѣльца, конечно, не было. Ксендзъ разсказывалъ, что графу 62 года; онъ глухой, ревматикъ и вообще человѣкъ развалина. Это не помѣшало тому, что его призвали изъ запаса въ армію, и онъ гдѣ-то въ тылу австрійскаго войска комендантствуетъ.

Домъ огромный, съ балконами и башенками на верху. Кругомъ его шумитъ паркъ и фруктовый садъ.

На широкомъ дворѣ длинная конюшня и службы. Дворъ обнесенъ каменной оградой, но ограду разобрали и разрушили. Конюшня тоже полуразобранная на дрова.

Въ домѣ сохранилась вся богатая обстановка: биллiарды, бархатные диваны, люстры и т. п. Все въ цѣлости. Въ комнатахъ расположился штабъ полка и перевязочный пунктъ.

На биллiардѣ производятся перевязки. Тутъ же около одного борта стоятъ пузырьки съ лѣкарствами.

Въ пунктовой комнатѣ насъ встрѣтилъ студентъ-медикъ. Онъ читалъ Джека Лондона, зачитался и сперва неохотно отвѣчалъ на наши разспросы.

— Много сегодня раненыхъ?

— Ни одного.

Это за цѣлый день безпрерывной австрiйской пальбы.

— Pardon, ранена женщина въ деревнѣ. Сегодня, ночью, пойдемъ и принесемъ ее сюда.

— А не страшно жить въ этомъ домѣ?—интересуюсь я.

— Австрiйцы еще не нащупали дома,—сказалъ студентъ.—Гранаты летятъ черезъ насъ... Паркъ загораживаетъ насъ отъ биноклей австрiйскихъ. Впрочемъ, третьяго дня снарядъ залетѣлъ къ намъ на дворъ и убилъ сапера...

— А къ костелу подойти можно?

— Опасно. Онъ подъ сильнымъ обстрѣломъ.

Мы все-таки пошли. Отъ графскаго дома костелъ находится всего въ двухстахъ шагахъ. Сейчасъ же за оградой. Отъ костела остались одни жалкiе остатки. Колокольня снесена совершенно. Въ стѣнахъ пробоины. Когда австрiйцы проходили черезъ фольваркъ, то сожгли костелъ. Деревянныя части его обгорѣли. Потомъ они начали его жестоко обстрѣливать и обстрѣливали вплоть до послѣдняго момента. Вѣроятно, предполагали, что онъ можетъ служить наблюдательнымъ пунктомъ.

— Въ этомъ костелѣ мы слушали мессу,—замѣтилъ докторъ.

— Когда?

— Въ ихъ Рождество. Старый ксендзъ пробрался туда ночью, ближе къ разсвѣту. Былъ я и еще четверо мѣстныхъ селянъ. Отперли мы двери. Внутри полное разрушеніе. Все разбито и повалено. Но алтарь почти цѣлъ. Мы не побоялись зажечь двѣ свѣчи и ксендзъ началъ службу. Жутко было...

Около костела стоитъ домикъ стараго ксендза. Край дома отбитъ снарядомъ. Снарядомъ же сдѣлана въ стѣнѣ огромная во всю высоту дома дыра. Ксендзъ жилъ въ подвалѣ, когда обстрѣливался костелъ. Когда же снарядъ попалъ въ его домъ, онъ перебрался въ графскій замокъ и теперь живетъ тамъ съ семьей и молодымъ ксендзомъ, рядомъ съ нашимъ полковымъ командиромъ.

Мы прошли по двору и вышли въ паркъ. Уныло висятъ клочья разорваннаго лаунъ-тениса. Около него большая яма отъ упавшаго снаряда. Въ густой аллеѣ тихо. Около тополя стоитъ какой-то шалашикъ,—дѣти когда-то играли... Аллея выходитъ въ поле. Отсюда замѣтны берега Дунаевца и австрійская сторона. Хорошо и близко виденъ бѣлый домъ, обстрѣливаемый нашей батареей.

Насъ могутъ замѣтить оттуда,—сказалъ кто-то:

— Безусловно.

Мы зашли за тополь, который стоялъ у самой рѣшетки парка, и стали смотрѣть.

— Вонъ наши окопы...

Они въ полуверстѣ, по берегу рѣчки.

Два солдата несли на плечахъ какое-то бревно.

— Это для блиндажей,—объяснилъ докторъ.

— Какъ они не боятся?

— Скрыты за деревьями...

Въ окопахъ продолжалась трескотня винтовокъ. Видны были бѣлые дымки. Но пули летѣли куда-то въ сторону и къ намъ не залетали.

За рѣшеткой огромное поле и вдали село и костелъ.

— Это поле--могила для австрійскихъ снарядовъ,—сказалъ кто-то.—Сколько тутъ ихъ попадало!..

Зловѣще—печальный звукъ прорѣзалъ воздухъ—звя-у-у-у-у!... Я невольно вздрогнулъ.

— Шранпель, какъ говорятъ солдаты,—объяснилъ докторъ.

Она разорвалась гдѣ-то около нашей батареи. Мы видѣли только дымокъ разрыва и слышали трескъ.

— Да, не весело...

Вдругъ я ощутилъ потребность посвистать или попѣть. Не давая себѣ отчета, я запѣлъ первый попавшійся мотивъ:

Ахъ, Лукерья!
Люблю, какъ звѣрь, я...

Неотвязная, прилипшая къ нашимъ мозгамъ пѣсня.

— Летитъ,—сказалъ кто-то.

Всѣ сжались. Куда летитъ? Звукъ знакомый—ползла какая-то гадина, шипящая и свистящая...

— Шестидюймовка!—объяснилъ докторъ.

Снарядъ разорвался гдѣ-то въ полѣ, оглушивъ насъ трескомъ. За нимъ другой, третій, четвертый... Мы отскочили отъ рѣшетки и пошли по аллеѣ къ замку.

По дорогѣ я зацѣпилъ ногой за какую-то проволоку.

— Тише,—остановилъ меня докторъ,—это телефонъ...

Проволока была не одна. Ихъ тутъ много. Онѣ разбросаны по всему парку, здѣсь идутъ одна съ другой, тамъ переплетаются, лежатъ на землѣ, поднимаются на деревья, повисаютъ на кустахъ, свѣшиваются съ яблонь. Это артеріи боя. По нимъ приливаетъ и отливаетъ кровь отъ окоповъ и батарей.

За замкомъ раскидано штукъ двадцать крестьянскихъ домовъ. Тутъ совсѣмъ невидно слѣдовъ войны. Правда, людей мало, но тѣ, кто есть, живутъ обычной жизнью: рубятъ дрова и носятъ ихъ въ домъ, идутъ съ ведрами къ колодцу, безпечно стоятъ у изгороди. Какъ-будто не черезъ нихъ перелетаютъ гранаты! У одного дома двое дѣтишекъ возятся въ грязи и чему-то громко смѣются и хлопаютъ въ ладоши.

На дворѣ замка тоже повседневная мирная жизнь. Водятъ лошадей по двору. Идетъ солдатъ съ разносной книжкой; кому-то подъ росписку сдавалъ пакетъ. У балкона замка стоятъ три кухни съ плитами. Тамъ поваръ готовитъ офицерамъ ужинъ. Заказы идутъ черезъ открытое окно:

— Мнѣ отбивную телячью!..

— Можно.

— А баранина есть?

— Никакъ нѣтъ.

— Ну, сдѣлайте и мнѣ телячью, да гарниру побольше.

— Скоро будетъ борщъ?

— Сію минуту... Завтра, ваше благородіе, будетъ въ обѣдѣ компотъ!

— А, это хорошо!..

Прошелъ полковникъ и тоже что-то заказалъ повару. Вышелъ съ балкона молодой ксендзъ и вывелъ погулять бѣлую собаку. Собака расшалилась, бросается на всѣхъ, а ксендзъ смѣется и щекочетъ ее тростью.

Увидѣлъ ксендзъ доктора, трясетъ ему руку и говоритъ:

— Хотите сегодня, пане, въ польскій банчокъ по малу?

— Добже, панъ ксендзъ, добже...

Здоровается ксендзъ со мной и смѣется:

— Панъ докторъ у насъ нехорошій...

Докторъ объясняетъ:

— У меня спиртъ былъ, я его отъ грѣха и соблазна смѣшалъ съ бензиномъ.

— Да, нехорошій, нехорошій докторъ,—заливается ксендзъ.

А канонада все продолжается. То и дѣло слышится трескъ разрыва. Снаряды летятъ и черезъ замокъ. Ружейная трескотня, какъ-будто, даже усилилась.

Словно, идетъ не война, а смѣшная, забавная игра. Поиграютъ люди, позабавятся игрушками, потомъ вмѣстѣ сядутъ за борщъ съ выпивкой. А послѣ ужина „соорудятъ" польскій банчокъ, по малу... Мирная, обывательская жизнь, вовсе не война!..

Къ вечеру пушечная пальба прекратилась. Изрѣдка бухнетъ гдѣ-то орудіе и замолкнетъ на полчаса. Ружейная пальба также порѣдѣла. Я сталъ уже различать одиночные выстрѣлы. Устали стрѣлять.

Студентъ съ двумя санитарами отправился въ обстрѣливаемую деревню за раненой женщиной. Ему дали въ провожатые двухъ солдатъ. Увязался и я съ ними. У ограды мы встрѣтили солдатскую кухню. Она ѣхала по направленію къ пѣхотнымъ позиціямъ. Изъ котла валилъ паръ.

Кухня не подъѣхала къ окопамъ, а стала въ полуверстѣ, за лѣскомъ.

— Какъ же ты дашь знать?—спрашиваю я солдата.

— Чего давать, они сами знаютъ...

Дѣйствительно, скоро со стороны окоповъ показалось восемь солдатъ. Но я видѣлъ, что они вышли не изъ окоповъ, линія которыхъ была ясно видна,—а откуда-то сзади окоповъ. Солдатъ мнѣ объяснилъ:

— Изъ окоповъ прямо не выскочишь, убьютъ. Наши роютъ длинный ходъ назадъ и по немъ пробираются.

Солдаты были нагружены котелками на палкахъ.

Видъ у нихъ грязный, шинели въ комьяхъ засохшей глины. Окопы попались имъ сырые, рѣчные, а соломы на всѣхъ не хватило. Приходится ложиться прямо на сырую глину.

— Пріѣхала мортирка?—весело сказалъ одинъ изъ нихъ кашевару.—Наливай! Со вчерашняго дня безъ хлебова...

Солдаты зовутъ кухню мортиркой. Она громыхаетъ, словно мортирная батарея.

— Ну, что за день сдѣлали?—спрашиваю я ихъ.

— Пострѣляли вдоволь.

— Въ атаку не ходили?

— Не было приказу.

— Есть уронъ у противника?

— Не безъ этого... Офицера ихъ свалили... А у насъ Богъ далъ безъ убытка...

Солдаты выходили изъ окоповъ не всѣ, а только по двое отъ взвода. Они наливали котелки кашицей и нанизывали ихъ на палки.

Когда совсѣмъ стемнѣло, наши конвоиры солдаты повели насъ въ деревню. Она лежала по сю сторону Дунаевца. Черезъ сторожевое охраненіе мы прошли быстро. Солдаты поговорили съ часовыми и тѣ насъ пропустили.

— А, что,—шепчу я студенту,—мы тамъ съ австрійскими санитарами не встрѣтимся?

— Можетъ случиться. Хотя они крайне беззаботны по отношенію къ мирному населенію...

Избы стояли въ полномъ мракѣ. Зажигать огонь было не безопасно. Солдатъ вошелъ въ первую избу. Долго колотилъ въ стѣну, потомъ нащупалъ дверь и скрылся, а черезъ минуту вывелъ къ намъ поляка-крестьянина. Мы спросили его о женщинѣ. Онъ указалъ на сосѣдскую избу.

— Гдѣ ты его нашелъ?—спросилъ я солдата.

— Въ избѣ сидѣлъ впотьмахъ съ женой и тремя дѣтьми. Картошку ѣлъ...

Женщину мы быстро нашли, положили на носилки и понесли. Она изрѣдка стонала. Осколокъ снаряда угодилъ ей въ ногу и причинялъ боль.

Когда мы подошли къ замковой оградѣ, то различили толпу.

— Кто такіе?

— Мирные жители,—отвѣчалъ конвоировавшій толпу солдатъ съ винтовкой.—Веду къ полковому командиру.

Это жители деревни, находящейся въ обстрѣлѣ. Тутъ были мужчины и женщины. Они убѣжали изъ деревни. И теперь, пользуясь темнотой, идутъ домой за пищей и, главное, за водой.

— Тутъ воды хорошей нѣтъ,—жаловались они,—а въ Дунаевцѣ хорошая.

— Ихъ не пропустятъ,—шепнулъ мнѣ студентъ.

— Почему?

— Есть приказъ: кто прошелъ черезъ наши окопы, того не пускать назадъ. Приказъ мудрый: въ ихъ толпѣ можетъ свободно придти австрійскій шпіонъ...

Солдатъ повелъ толпу къ замку. А мнѣ подвели лошадь. Мы ѣхали назадъ подъ звуки одной ружейной пальбы. Она то замирала, то возобновлялась съ особенной яростью. Это стрѣляли въ окопахъ „дневальные“, т.-е. часовые... Замѣтитъ одинъ изъ нихъ что-нибудь подозрительное и выстрѣлитъ. Другіе встревожатся и тоже начинаютъ стрѣлять по невидимой цѣли. Потомъ устанутъ и прекратятъ пальбу. А черезъ пять минутъ снова раздается выстрѣлъ и начинается все сначала. Такъ до утра. Солдаты весь день живутъ въ атмосферѣ пальбы. Нѣтъ имъ покоя и ночью: подъ трескъ и жужжаніе пуль они засыпаютъ. Но спятъ, какъ убитые...

* * *

Поздно ночью мы пріѣхали въ Тарновъ. Первымъ моимъ дѣломъ было спросить:

— Бросилъ что-нибудь австрійскій аэропланъ въ городъ?

— Такъ точно, бросилъ,—отвѣтилъ какой-то солдатъ,—котораго я встрѣтилъ на вокзалѣ.

— Бомбу?

— Никакъ нѣтъ, конвертъ съ письмомъ. А въ письмѣ австріакъ извѣщаетъ, что пропавшій на прошлой недѣлѣ одинъ нашъ летчикъ К. находится въ плѣну, что съ нимъ хорошо обращаются, и чтобы такъ же наши обращались съ ихъ летчиками, которые къ намъ попадаютъ въ плѣнъ.

Значитъ, я не ошибся. Въ бинокль мнѣ попалъ не солнечный дискъ, а палка съ привязаннымъ къ ней конвертомъ.

* * *

Изъ Россіи прислали гору подарковъ. Кисеты съ табакомъ, ватныя кофты, чулки... Надо было все это раздать солдатамъ.

— Можно пѣшкомъ,—предложилъ кто-то.— Послѣ обѣда хорошо пройтись. Вотъ только подарки не унесешь на рукахъ.

Кому-то надо бы скоро вернуться въ городъ. Его успокоили.

— Къ чаю будемъ обратно.

Взяли съ собой только три тюка,—больше не помѣстишь на фурманкѣ. Ѣхали быстро и скоро были на мѣстѣ.

Артиллерійской стрѣльбы на Дунайцѣ не слыхать, а ружейная рѣдѣла и велась лихорадочно: быстро загоралась и такъ же быстро остывала.

По шоссе въ городъ шли офицеры, врачи и изрѣдка солдаты. По дѣламъ и просто поужинать въ „Avenue“ и вернуться къ ночи въ свои части.

Въ сторонѣ отъ шоссе мы замѣтили халупу. Она стояла на горкѣ одна; къ ней прислонились пять-шесть деревьевъ, а около нихъ вилась по снѣгу пѣшеходная дорога.

— Это—жилище батальоннаго командира,—сказалъ нашъ провожатый.—Надо у него спросить разрѣшеніе.

Подъѣхали. Изъ халупы вышли два солдата. Третій, сѣдой, старый, шинель въ накидку, смотрѣлъ на насъ съ крыльца.

— Дома господинъ командиръ?

— Такъ точно!

— А гдѣ же ему быть?—спросилъ сѣдой солдатъ суровымъ, недовольнымъ голосомъ.

Мы подняли на него изумленные глаза.

— Это самъ батальонный!—шепнулъ солдатъ.

Поклонились и извинились.

— Ничего, ничего,—уже мягче сказалъ командиръ.—Прошу въ мой „дворецъ“.

Во дворцѣ всего три окна, но и тѣ безъ стеколъ, заложены наглухо соломой и заставлены портретами Франца-Іосифа и досками отъ шкапа. Стоятъ столикъ съ переноснымъ телефономъ и огарокъ свѣчи, скупо освѣщающій „дворецъ“. Около столика, въ простѣнкѣ, постель командира: четыре доски на козлахъ, валами положена солома, прикрытая скомканной простыней; въ головахъ сѣрая госпитальная подушка. На полу клоками разбросана солома.

— Отчего забиты окна?—спросилъ кто-то, когда вошелъ.

— Непріятель стрѣляетъ по огню... Прошу садиться!

Мы принесли въ хижину подполковника свѣжесть морознаго дня и здоровье крѣпкихъ нервовъ. Шумно-

было заговорили и весело засмѣялись. Но вдругъ встрѣтились съ острымъ, воспаленнымъ взглядомъ сосредоточеннаго лица командира и сразу остыли и съежились.

— Въ окопы,—отчего же, можно! Только я долженъ сказать, что австрійцы обстрѣливаютъ дорогу. Не боитесь?

— А сильный огонь?

— По-нашему, пустяки. Но вы люди штатскіе.

Мы все-таки согласились итти.

— Простите, я немного васъ задержу,—сказалъ командиръ.—Яша!—позвалъ онъ денщика.—Время!

— Сію минуту!

Яша сталъ рыться въ ящикѣ.

Врачъ, сопровождавшій насъ, началъ разспрашивать подполковника о гигіенѣ окоповъ.

— Сами увидите!—сказалъ тотъ.—Вообще, господа, прошу васъ говорить со мной о чемъ угодно, только не о войнѣ, не о солдатахъ, не объ окопахъ, не о Вильгельмѣ, не о вшахъ и не о мирѣ...

— Почему же, полковникъ?

— Все переговорено. Лучше будемъ говорить... о музыкѣ. Я играю на віолончели...

Но о музыкѣ не пришлось говорить. Яша поднесъ къ командиру какую-то кишку, всунулъ своими корявыми руками одинъ конецъ ея въ ротъ ему, налилъ воды и началъ переливать ее по кишкѣ. Мы съ изумленіемъ смотрѣли на эту операцію. Когда переливаніе кончилось, подполковникъ сказалъ:

— Желудокъ промываю... два раза въ день... по совѣту врачей... адскій катаръ...

Потомъ проглотилъ розовую пилюлю и поднялся:

— Теперь я къ вашимъ услугамъ. Кстати,—задержалъ онъ насъ,—два слова о нашихъ порядкахъ. Я, какъ видите, совсѣмъ здоровый человѣкъ. Ничто мнѣ не мѣшаетъ командовать батальономъ... А они хотѣли меня сдѣлать

больнымъ... Постукали, помяли меня и написали: „Къ службѣ не способенъ.“ Нѣтъ, шалишь,—думаю. Бросился къ генералу М. „Такъ и такъ,—говорю,—ваше превосходительство, защитите! Не хочу оставлять баталіона.“ Генералъ живымъ манеромъ отправилъ меня на войну. И вотъ уже два мѣсяца въ бою. А сынъ у меня ротный, тотъ всѣ шесть мѣсяцевъ въ окопахъ. Да-съ! Какъ же можно, позвольте вамъ доложить, въ военное время военнаго человѣка дома на печкѣ оставлять?

* * *

До окоповъ было не болѣе полуверсты. Мы спустились по пѣшеходной дорожкѣ внизъ и попали въ ложбинку, идущую у подошвы горки. Батальонный шелъ впереди. Мы тянулись за нимъ гуськомъ.

— Это мѣсто обстрѣливается,—предупредилъ онъ насъ еще разъ, обернувшись.

Мы пожались немного и молча пошли за нимъ.

За выступомъ горки передъ нами открылась долина рѣки Д., вся покрытая снѣгомъ. Въ сторонѣ стоялъ разрушенный снарядами каменный домъ съ маленькимъ паркомъ, а прямо впереди—зигзагообразная линія нашихъ окоповъ. Австрійскихъ окоповъ отсюда не было видно.

Прожужжала первая пуля. Жжж... ззз... Непріятный звукъ. Кажется, тоскливѣе звука большого снаряда... Потомъ вторая, третья, четвертая... Мой спутникъ, шедшій впереди, инстинктивно закрылъ лицо ладонью, точно въ насъ не пули летѣли, а дулъ пыльный вѣтеръ.

Пошли быстрѣе. Пули жужжали, но рѣдко.

Мы спустились внизъ и закрылись снѣжнымъ валомъ, идущимъ по краю овражка.

— Тутъ уже безопасно,—сказалъ батальонный.

Но пули все-таки жужжали гдѣ-то около насъ. Мо-

жетъ-быть, надъ головами. А ружейные выстрѣлы раздавались надъ ухомъ.

Къ окопамъ прорыта канавка, идя по которой можно до извѣстной степени скрыться отъ пуль. Въ одномъ мѣстѣ эта канавка углублена. Батальонный сказалъ, что сюда вчера попалъ снарядъ, убилъ двухъ солдатъ и вырылъ воронку.

Мы проходили по канавкѣ, согнувъ инстинктивно спины Лишь батальонный шелъ прямо и спокойно, мѣрнымъ шагомъ солдата.

Вотъ, наконецъ, и окопы. Канавка привела насъ вплотную къ нимъ. Изъ-подъ соломеннаго навѣса ближайшаго окопа глядѣли на насъ офицеръ и солдатъ.

Снѣгъ густо покрылъ окопные навѣсы. Въ снѣгу лежали ружья съ привинченными къ нимъ штыками, обращенныя къ австрійцамъ. Около ружей я видѣлъ только пять-шесть солдатъ. Остальные сидѣли въ окопахъ и не стрѣляли. День склонялся къ вечеру, и стрѣльба въ это время обычно прекращалась сама собой, какъ съ нашей, такъ и съ австрійской стороны.

Тѣ же немногіе, которые стояли около ружей, чуть выглядывали изъ-за прикрытія и изрѣдка стрѣляли по противнику; вѣроятно, ясно они его не видали. По крайней мѣрѣ, я не видѣлъ австрійцевъ. Но окопы австрійскіе были замѣтны. Они бугрились на той сторонѣ рѣки, въ разстояніи отъ насъ 600—700 шаговъ.

Вылѣзъ изъ окопной дыры офицеръ и на мой вопросъ, гдѣ же непріятель, отвѣтилъ тѣмъ, что далъ бинокль.

— Смотрите! Только голову не высовывайте!

Но какъ же смотрѣть? Нельзя смотрѣть, не высунувшись за окопы. Я стоялъ въ затрудненіи. Тогда солдатъ вырылъ мнѣ рукой въ снѣгу и въ пескѣ насыпи прогалинку съ полъ-аршина высотой и сказалъ:

— Теперь, в-іе, смотрите!

Я навелъ бинокль. Сначала видѣлъ только снѣжные бугры, а потомъ сталъ различать мелькающія сѣрыя шапки и шинели. Австрійцы, какъ и мы, боялись выглянуть изъ-за окоповъ и смотрѣли на насъ украдкой.

Случайно я наткнулся на австрійскаго офицера, который въ бинокль смотрѣлъ въ мою сторону (можетъ-быть, именно на мой бинокль и на меня). Нѣсколько секундъ мы разсматривали другъ-друга. Онъ былъ молодъ, съ небольшими рыжими усиками. Былъ онъ, несомнѣнно, храбрѣе меня, такъ какъ смотрѣлъ не въ прогалинку, а прямо надъ окопнымъ навѣсомъ. И если бы у насъ родилось желаніе его застрѣлить, сдѣлать это было не трудно: лобъ австрійскаго офицера былъ на виду.

Но изъ нашихъ окоповъ никто не стрѣлялъ. Прекратили стрѣлять.

— Словесный?

— Нѣтъ, просто молчаливое соглашеніе.

— Выполняютъ?

— Да, до сихъ поръ выполняли обѣ стороны. Вообще, надоѣдаетъ стрѣлять... Изо дня въ день одно и то же... Пріѣдается. Когда шли, то хотѣлось стрѣлять и продвигаться. А когда стоимъ, такъ вся эта музыка просто осточертѣла...

Офицеръ разсказывалъ, что онъ ставилъ однажды въ сумеркахъ впереди цѣпи рогатки и видѣлъ, что прошли мимо тринадцать австрійцевъ съ винтовками, замѣтили его и все-таки не стрѣляли. И наши не стрѣляютъ, когда австрійцы идутъ за водой.

— Утомились и мы, и они...

— Но если прикажутъ?

— Тогда, конечно, начнемъ жарить...

Пока мы разговаривали, около насъ образовалась толпа. Подошелъ офицеръ со странной, растерянной улыбкой на лицѣ и сталъ говорить безъ-умолку. Говорилъ, говорилъ...

Вылѣзли солдаты изъ окоповъ и стали разбирать подарки.

— Спасибо, спасибо,—говорилъ каждый изъ нихъ, получивъ свертокъ.

Когда разсмотрѣли подарки, остались довольны. Улыбались, отпускали шуточки и снова благодарили.

— Это кому же, в-діе?—подошелъ къ намъ солдатъ и развернулъ ватную пеструю кофту, найденную въ сверткѣ.

— Тебѣ!

— Я развѣ баба?!

Солдаты захохотали:

— Надѣвай, сойдетъ... Дразнить не будемъ, это не въ деревнѣ...

— Хорошо бы, в-діе, снадобья какого намъ отъ пѣхоты,—просили многіе.

— Ѣдятъ?

— Страсть здорово. Мѣста живого не оставляютъ, подлецы!

Врачъ посовѣтовалъ сѣрную мазь. Но гдѣ ее достать?

Даже чистоплотностью нельзя въ окопахъ предохранить себя.

Офицеръ, подошедшій къ намъ изъ сосѣдней роты, все говорилъ и говорилъ. Точно онъ давно-давно не говорилъ и хотѣлъ вдоволь наговориться. Говорилъ, что его посылаютъ въ командировку отдохнуть, а онъ не можетъ ѣхать.

— Почему же?

— Солдаты не пускаютъ.

— Какъ такъ?

— Сжился я съ ними. Шесть мѣсяцевъ вмѣстѣ въ окопахъ. Все было общее: и солома, и котелъ. Въ атаку ходили плечо къ плечу. Безъ меня шагу шагнуть не хотѣли. И случилось такъ, что у меня въ ротѣ самыя

незначительныя потери. Солдаты говорятъ мнѣ: „Это вы, в-діе, счастливый такой! Вамъ везетъ! У другихъ командировъ вся рота уже перемѣнилась“, и просятъ теперь; „Не уѣзжайте! Вы уѣдете,—насъ всѣхъ выведутъ изъ строя. Такая у насъ примѣта“.... Вотъ и не знаю, что дѣлать!..

— А отдохнуть вамъ надо!

— Понимаю... Да солдаты не отпустятъ. А безъ ихъ согласія не поѣду,—шесть мѣсяцевъ вмѣстѣ прожили...

Мы опять по какому-то поводу заговорили объ австрійцахъ. Говорливый офицеръ сказалъ:

— Они въ этотъ часъ не отступятъ... Вотъ я вамъ покажу...

Не успѣли мы понять, что онъ хочетъ дѣлать, какъ офицеръ взобрался на окопы и сталъ, обернувшись къ намъ лицомъ.

— Это не дѣло!—послышался изъ окопа солдатскій голосъ.

Вдругъ послышался выстрѣлъ, другой. Нѣсколько пуль прожужжало мимо офицера. Онъ поспѣшно спрыгнулъ съ насыпи внизъ.

— Развѣ этимъ можно шутить?—строго обратился къ нему батальонный.

Офицеръ былъ, видимо, смущенъ. Онъ никакъ не ожидалъ, что австрійцы будутъ по нему стрѣлять.

— Подлецы! —сказалъ онъ и быстро пошелъ къ своей ротѣ.

— Уговора не держатъ!—послышалось изъ окоповъ.

Съ десятокъ солдатъ выскочили наружу и дали залпъ по австрійскимъ окопамъ. Учащенно стали стрѣлять и изъ сосѣдней роты. Это продолжалось минутъ пять, а потомъ все снова смолкло.

Наступила ночная темнота.

Я влѣзъ въ отверстіе одного окопа. Тамъ лежалъ солдатъ, и было мѣсто для другого солдата. Окопъ

просторный: можно свободно вытянуться во весь ростъ. Подстилкой служила солома. Солома же торчала и сверху, изъ пазовъ навѣса. Другой солдатъ вернулся откуда-то съ горячей водой, и товарищи стали пить чай.

— А почему вы землянки себѣ не сдѣлаете для ночлега?—спросилъ я.

— Дѣлали намъ, да мы отказались въ нихъ ночевать.

— Почему?

— Землянка на двадцать человѣкъ. Снарядъ влетитъ,—всѣмъ быть убитыми. А здѣсь, въ окопахъ, онъ достанетъ одного-двухъ, и только...

— Зато въ землянкахъ теплѣе!

— Что же дѣлать!

Когда мы уходили, были уже разставлены часовые въ разныхъ мѣстахъ, около окоповъ и впереди ихъ, за искусственнымъ прикрытіемъ.

— Вотъ если бы вы намъ бѣлыхъ халатовъ штукъ десять дали!—сказалъ батальонный врачу, когда мы шли.

— Зачѣмъ?

— Для сторожевого охраненія и для развѣдокъ. Надо солдату слиться цвѣтомъ со снѣгомъ. Этакъ удобнѣе. Темную фигуру зимой издалека видно.

Врачъ обѣщалъ прислать.

Когда мы шли обратно опасной ложбинкой, мимо насъ прожужжали двѣ пули.

— Подстерегали, должно-быть, — сказалъ батальонный.

Прежде чѣмъ зайти за выступъ горки, я оглянулся на поле битвы. Оно было совершенно мертвое. Бѣлое и безлюдное. Ничто не говорило, что здѣсь идетъ война, и постоянно летаетъ смерть...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отступленіе русскихъ. Станиславовъ въ рукахъ австрійцевъ. Бѣженцы. Плѣнные. Евреи. Станиславовъ снова русскій.

Въ Галичѣ слышны далекіе орудійные выстрѣлы. Городъ уже отвыкъ отъ этихъ страшныхъ звуковъ. Приходится вновь привыкать.

Отсюда до Станиславова двадцать пять верстъ, а по звуку можно было судить, что бой идетъ ближе.

Я наблюдалъ: когда батарейная очередь даетъ оглушительный гулъ, галичанинъ вздрагиваетъ. Вспоминаетъ недавнее прошлое, когда русскіе брали приступомъ галичскую крѣпостцу, и блѣднѣетъ...

Шелъ какой-то поѣздъ по направленію къ Станиславову, чтобы забрать на одной изъ промежуточныхъ станцій остатки матеріаловъ. Я сѣлъ на платформу и наблюдалъ, какъ по мѣрѣ движенія впередъ орудійная пальба дѣлалась громче и отчетливѣе.

Мы приближались. Вѣроятно, и къ намъ тоже приближались...

Думалъ: встрѣчу растерянность. Все-таки отступленіе хотя не грозное, не страшное и временное. Но ничего не замѣтилъ. Люди дѣлали свое дѣло спокойно и увѣренно, только съ большей быстротой, чѣмъ обычно. Даже ѣли, говорили и соображали какъ-будто быстрѣе...

На станціяхъ чисто и гладко. Никакихъ загроможденій. Можно подумать, что отступленіе входило въ наши стратегическія соображенія. Все было заранѣе предусмотрѣно и своевременно вывезено.

Напримѣръ, въ Станиславовѣ австрійцамъ нечѣмъ было поживиться. Они, когда вошли, не нашли тамъ ничего принадлежащаго русскимъ. Хотя австрійская

армія шла очень быстро, но изъ города успѣли вывезти все.

Поѣздъ нашъ мѣрно колыхался, гремя цѣпями. По этому спокойному колыханію никакъ нельзя было догадаться, что мы находимся около жестокаго боя. Словно мы гдѣ-нибудь въ Вяткѣ ѣдемъ за дровами.

На одной изъ пустынныхъ станцій пропустили мимо себя бронированный поѣздъ. Онъ также спокойно, какъ и нашъ, колыхался на рельсахъ, хотя ѣхалъ въ самое пекло...

На перронъ вышли два молодыхъ офицера „размять ноги". У нихъ новенькіе Георгіи на груди и веселыя, спокойныя улыбки на лицахъ.

— Опять?—спросилъ ихъ офицеръ желѣзнодорожнаго батальона.

— Да, пора за работу, отдохнули день... А какъ мостъ черезъ Днѣстръ?

Весь поѣздъ—новоиспеченный георгіевскій кавалеръ. Вся поѣздная прислуга съ новенькими Георгіями и Георгіевскими медалями.

— За что получили?—спрашиваю одного.

— За бой въ Станиславовѣ.

— Когда былъ бой?

— Въ субботу...

Трое изъ нихъ—особенные храбрецы. Подъ градомъ пуль и орудійныхъ выстрѣловъ перемѣнили рельсъ. За это получили по Георгію.

Мы любовались на зеленые вагончики. Простыя коробочки, а смерти въ нихъ на тысячи людей хватитъ.

На деревянной обшивкѣ въ четырехъ мѣстахъ пулевые расщепы.

— Почему такъ мало попаданій въ поѣздъ?—спрашиваю я.

— Всѣ въ ужасѣ отъ насъ бѣгутъ,—смѣется одинъ георгіевскій кавалеръ.

Поѣздъ-смерть умчался за вторыми Георгіями. Тронулись и мы.

Съ правой стороны отъ полотна вилось грязное шоссе. По немъ спокойно громыхалъ и скрипѣлъ обозъ, направляясь къ Галичу.

На пятнадцатой верстѣ мы остановились. Тутъ, на закрытой, безлюдной станціи, были сложены остатки матеріаловъ.

Здѣсь уже ощущеніе боя тревожило непривыкшіе нервы. Хотѣлъ бы забыть о войнѣ, да нельзя.

Ружейная и пулеметная трескотня слышна отчетливо. „Тра-та-та-та-та"... Разрывы шрапнелей ясно видны надъ бѣлымъ горизонтомъ, а взрывы лѣзутъ въ уши. Однимъ словомъ, бой шелъ не за четыре версты отсюда, какъ было въ дѣйствительности, а вонъ за той изящной рощицей, густо опушенной бѣлымъ соболемъ.

По горизонту стлался дымокъ. Это что-то горѣло въ Станиславовѣ.

Пока нагружали платформы, я считалъ, сколько уже дней австрійцы не могутъ двинуться отъ Станиславова впередъ. Оказывается, пять.

— Это—хорошій признакъ,—думаю. Стремительность непріятеля, повидимому, кончилась. Съ нею, вѣроятно, кончится и наступленіе Можетъ-быть, даже не Галичу суждено ликвидировать зарвавшагося австрійца, а Станиславову или полямъ около него?..

Слышу разговоръ:

— Фланговый?

— Да.

— Австрійскій?

— Конечно. Развѣ не слышишь?

Говорили десятникъ и какой-то писарь. Они давно уже тревожно прислушивались къ гулу боя.

Дѣйствительно, огонь густѣлъ на нашихъ флангахъ. И какъ будто углублялся въ русскую сторону.

Десятникъ побѣжалъ къ машинисту и что-то ему сказалъ. Тотъ вскочилъ на паровозъ, и мы быстро помчались къ Галичу.

* * *

Станиславовъ взятъ при такихъ обстоятельствахъ.

Послѣ Надворной прорвавшаяся непріятельская армія шла впередъ почти безъ отдыха.

Во главѣ ея частей стояли германскіе офицеры и унтеръ офицеры. Они понимали, что если къ отступающимъ русскимъ успѣютъ перебросить сильныя подкрѣпленія, движеніе ихъ будетъ остановлено. Желая предупредить эту опасность, пруссаки гнали австрійскихъ солдатъ впередъ безъ остановки.

Шестого февраля австрійцы подошли къ Станиславову.

Наши войска, считая невыгодной для себя позицію въ городѣ, отошли безъ боя за Станиславовъ и окопались.

Солдаты разсказываютъ, что когда они выходили, городъ словно вымеръ. Ни одного человѣка на улицѣ, ни одного огня въ окнахъ.

Но какъ только они вышли, Станиславовъ сразу ожилъ, заволновался и засвѣтился. „Мирные жители“ (именно та часть ихъ, которая враждебно относится къ Россіи) стали готовиться къ встрѣчѣ „своихъ“.

Они дали знать австрійцамъ, что городъ оставленъ русскими.

Въ девять часовъ вечера 6-го февраля германцы и австрійцы вошли въ Станиславовъ.

Открыли тайные погреба съ шампанскимъ, и въ ресторанѣ гостиницы Жоржа состоялся пышный банкетъ.

У германскихъ офицеровъ отъ вина развязался языкъ. Они покровительственно хлопали „мирныхъ жителей“ по спинамъ и говорили:

— Не бойтесь ничего! Черезъ три дня будемъ въ Галичѣ, а черезъ недѣлю—во Львовѣ! Галиція будетъ опять ваша. Честное слово германца!

Кричали „hoch“ за здоровье обоихъ „побѣдоносныхъ“ императоровъ.

Солдаты также разсыпались по домамъ. Ихъ вездѣ поили и кормили даромъ.

А наши солдаты, сидѣвшіе въ окопахъ, прислушивались къ тому, что было въ городѣ, и говорили, что Станиславовъ „словно сошелъ съ ума“. Къ нимъ доносились музыка и побѣдные клики.

— Рады австріяки, что взяли городъ! Это рѣдко съ ними бываетъ!—говорили они.

Казаки воспользовались пьянствомъ австрійцевъ. Они пробрались въ городъ, угнали триста лошадей, взяли нѣсколько пулеметовъ и плѣнили нѣсколько сотъ людей, которыхъ застали спящими мертвымъ, пьянымъ сномъ.

Въ 4 часа утра 7-го числа русскіе повели наступленіе на городъ.

Они безъ труда отбросили передовыя заставы австрійцевъ и вошли въ улицы Станиславова.

Но встрѣтили тамъ непреодолимую преграду.

На крышахъ зданій и въ окнахъ были поставлены пулеметы, которые обдали нашихъ солдатъ дождемъ убійственнаго огня. Изъ каждаго окна летѣли пули.

На улицахъ воцарился адъ.

Городъ запылалъ.

Одинъ изъ нашихъ трехъ полковъ пережилъ здѣсь тяжелый моментъ. Онъ былъ окруженъ непріятелемъ. Гибель или сдача въ плѣнъ были неминуемы. Но подоспѣлъ другой полкъ и разорвалъ желѣзное кольцо, сковавшее полкъ.

Русскіе подъ страшнымъ огнемъ прошли три четверти города. Оставался кусочекъ.

Но силы были такъ неравны, а шансы стрѣляющихъ изъ оконъ значительно больше шансовъ идущихъ по улицѣ и открытыхъ со всѣхъ сторонъ, что пѣхотѣ былъ данъ приказъ отступить.

Русскіе снова очистили городъ. Прошли въ бродъ мелкую рѣчонку и стали противъ Станиславова.

Тогда наступилъ второй фазисъ боя. Наши двинули артиллерію.

Батареи съ трехъ сторонъ окружили городъ и начали бомбардировку.

Имъ помогалъ блиндированный поѣздъ, который удачно воспользовался тѣмъ, что Станиславовъ окруженъ линіей желѣзной дороги, и, разъѣзжая по этой линіи, наносилъ тяжелый уронъ австрійцамъ.

Потомъ дѣйствіе перешло уже за городъ. Наши отступили въ направленіи къ Галичу.

* * *

Когда мы приближались къ Галичу, навстрѣчу намъ тихо шелъ странный поѣздъ. Весь въ красныхъ пятнахъ. Какъ-будто облили его кровью...

Это бѣженцы-русины въ красныхъ шапкахъ, красныхъ штанахъ и цвѣтныхъ кафтанчикахъ.

Они облѣпили платформы. Выглядывали изъ дверей крытыхъ вагоновъ. Сидѣли на частяхъ понтоннаго моста. Висѣли на сходахъ.

Имъ „зимно“ (холодно). Они ежатся, хлопаютъ руками, притоптываютъ ногами.

И печально грустными голубыми глазами смотрятъ на всѣхъ.

Вещей съ ними нѣтъ. Ѣдутъ налегкѣ. Развѣ у иного холщевый мѣшокъ въ рукахъ, а въ немъ коровай хлѣба и рубаха про запасъ.

— Откуда вы?

— Съ разныхъ мѣстъ.

Тутъ есть несчастные люди изъ Галича, изъ Станиславова, изъ Надворной, изъ Коломыи, изъ всѣхъ селъ и городовъ Буковины.

Великое переселеніе угнетеннаго народа.

Бѣженцамъ пріятно вынуть изъ кармана и показать вамъ свой пропускъ.

Всѣ пропуски выданы изъ Галича до Радзивиллова.

— Въ Россію ѣдемъ,—говорятъ красные люди.

— Что будете тамъ дѣлать?

— Можетъ, работа какая найдется. Надо же пережить...

Въ графѣ „по какой надобности“ стоитъ:

— Отъ преслѣдованія непріятеля.

— Значитъ, убѣгаете?

— Утикаемъ.

— Почему?

— Австрійци идутъ...

Эти два слова страшны для русина, какъ приговоръ къ смертной казни.

Когда-то точно такъ же и съ такимъ же душевнымъ трепетомъ отвѣчали русскіе, убѣгавшіе отъ ужасовъ орды Батыя:

— Татары идутъ...

Прошло восемъ вѣковъ, а ничего какъ-будто не измѣнилось.

Батыевская орда вышла изъ своихъ азіатскихъ становищъ, какъ она выходила въ XII вѣкѣ, и гонитъ несчастныхъ, обезумѣвшихъ отъ страха людей...

За возами бѣженцевъ XII столѣтія вилась кровавая лента сожженныхъ и разоренныхъ селъ, изнасилованныхъ и убитыхъ женщинъ и дѣтей.

Та же, по существу, батыевская картина человѣческаго озвѣрѣнія и сзади бѣженцевъ XX вѣка.

Разница только въ одномъ: наши прадѣды убѣгали

въ телѣгахъ или пѣшкомъ, а теперь часть бѣженцевъ увозятъ по желѣзнымъ дорогамъ. Прогрессъ!..

Стоитъ въ углу вагона женщина съ мальчикомъ, лѣтъ пяти.

— Почему она утикаетъ?

— Прачка. Мыла бѣлье русскимъ.

— Ну и что же?

— Австрійци за это вѣшаютъ. Развѣ вы не знаете? Она бѣдная женщина. Мужа ея, австрійскаго солдата, убили въ бою. Кормиться нечѣмъ. Она перебивалась кое-какъ тѣмъ, что мыла бѣлье нашимъ солдатамъ.

Тутъ же, въ одной группѣ съ ней, молодая дѣвушка съ плутоватыми карими глазами.

— А она?

— Ее казаки любили... Подарки ей дѣлали, а она принимала...

— За это тоже вѣшаютъ?

— Да. Въ одномъ селѣ австрійци собрали женщинъ, съ которыми были знакомы русскіе солдаты, заперли ихъ въ избѣ и подожгли...

У мужчинъ другія основанія бѣгства, другія, „австрійскія“, причины висѣть на перекладинѣ.

Вотъ этотъ солидный, очевидно, состоятельный русинъ, въ бѣлой шубѣ, имѣетъ домъ, въ которомъ на его несчастье жилъ „панъ комендантъ“. Теперь онъ поэтому бѣжитъ въ Россію:

— Но, вѣдь, вы не сами предлагали свой домъ коменданту?

— Конечно. Домъ мой хорошій. Его панъ комендантъ выбралъ.

— Такъ чего же вы боитесь?

— Записали меня у списокъ.

Онъ, значитъ, въ числѣ обреченныхъ. Домъ его уже разграбили и сожгли.

— А семья ваша?

— Осталась дома.

Что съ ней,—онъ не знаетъ. Можетъ, въ тюрьмѣ, а можетъ, ея уже нѣтъ...

Другой русинъ пекъ хлѣбъ солдатамъ. Тоже преступленіе. Этотъ прислуживалъ въ номерахъ, гдѣ останавливались русскіе офицеры. Третій выдалъ свое „руссофильство“ въ разговорѣ съ кѣмъ-то. Четвертый не имѣлъ никакого отношенія къ русскимъ и молчалъ, пока русскіе жили въ его селѣ, но сынъ его, учитель, еще до войны брошенъ въ тюрьму по подозрѣнію, поэтому и старика „записали у списокъ“.

Черный терроръ!..

На платформѣ ежился отъ холода древній старикъ. Волосы у него отъ времени повылѣзли, и глаза отказались совсѣмъ служить.

— Ты отчего, дѣдъ, бѣжишь?

— У списокъ записали...

— Что же ты сдѣлалъ?

— Съ русскими былъ знакомъ... Да... А какъ же мнѣ не быть знакомымъ, когда я самъ русскій!? Да...

Шамкаетъ и глухо кашляетъ.

— Тебѣ сто лѣтъ,—грубовато вмѣшивается одинъ желѣзнодорожный служащій,—чего ужъ бѣжать-то? Все равно.

— Жить хочется,—лепечетъ старикъ.

— А гдѣ твоя старуха?

— Осталась дома.

— Бросилъ, значитъ?

— Сама не пошла... Да... А я жить хочу...

Переходимъ къ слѣдующему вагону. Тамъ насъ познакомили съ другими причинами.

— Мы присягнули русскому Царю...

А такихъ много въ поѣздѣ. Возрастъ ихъ солдатскій. Они—солдаты австрійской арміи, по разнымъ причинамъ не попавшіе въ ряды войска. Нѣкоторые изъ нихъ

слабы здоровьемъ, временно или навсегда освобождены. Иные служили на желѣзной дорогѣ; такихъ призываютъ въ Австріи на 40-й день мобилизаціи. Ихъ не успѣли призвать, какъ русскіе завоевали край.

Всѣмъ этимъ лицамъ было предложено присягнуть Россіи. Они согласились и... теперь бѣгутъ.

Но особенно много въ поѣздѣ мальчиковъ подростковъ, лѣтъ 14—15-ти.

— Эти-то почему? Совсѣмъ дѣти!

— Не хотятъ итти въ австрійское войско.

— Въ войско?!

Австрійцы примѣняютъ теперь упрощенный способъ призыва на военную службу. Они совершенно не считаются съ возрастомъ.

Входятъ въ русинское село, собираютъ оставшееся отъ призыва мужское населеніе и вербуютъ изъ него солдатъ. Бодрый на видъ старичокъ, хотя ему было 70 лѣтъ, и крѣпкій мальчикъ лѣтъ 15-ти,—у нихъ солдаты.

Мѣрка примѣняется примитивная:

— Только чтобы могъ держать въ рукахъ ружье.

— А стрѣлять?

— Научится въ походѣ...

Такимъ солдатамъ даютъ винтовку, шинель, кепи и гонятъ впередъ, прямо въ окопы.

— Что же это за солдаты?—говорю я одному бѣженцу.

— Австрійцамъ надо, чтобы было больше войска,—отвѣчаетъ онъ.—А какое оно,—неважно.

Нужно пушечное мясо.

Многіе не хотѣли кормить собой пушки и... убѣжали.

Драма бѣженцевъ, главнымъ образомъ, въ сознаніи, что они-то внѣ опасности, а родные ихъ остались дома; что съ ними,—они не знаютъ. Думаютъ, что расправа была короткая... Къ нѣкоторымъ уже прибѣжалъ слухъ:

— Сидятъ въ тюрьмѣ.

Или

— Висятъ на столбѣ...

Это—жены... матери... дѣти...

Сердце болитъ.

Встрѣтили мы второй красный поѣздъ, затѣмъ третій, четвертый...

„Основанія“ варьировались и мельчали. Въ концѣ-концовъ, стало ясно, что, въ сущности, основаній никакихъ и не надо.

— Мадьяры, когда находятъ въ домѣ русскія деньги, убиваютъ всѣхъ,—разсказываютъ бѣженцы.

А русскія деньги въ каждомъ домѣ.

* * *

Грохотали пушки подъ Галичемъ и никто еще не зналъ, гдѣ будетъ остановленъ стремительный натискъ австрійцевъ, а ужъ по дорогѣ къ Львову тянулись плѣнные.

Тысячи плѣнныхъ. Цѣлые полки плѣнныхъ.

Австрійская армія оригинальна. Она даетъ плѣнныхъ въ массѣ даже тогда, когда наступаетъ и побѣждаетъ. Все въ ней такъ расшатано, что никто не вѣритъ въ успѣхъ.

По шоссе идетъ колонна въ три тысячи человѣкъ. Ее сопровождаютъ шесть казаковъ. Колонну разбили на шесть отдѣленій и къ каждому отдѣленію приставили по „взводному“ изъ плѣнныхъ же. Видимо, для курьеза. „Взводный“ важно идетъ впереди, старается попадать ногами въ тактъ и не замѣчаетъ, что за нимъ плетется „какъ-нибудь“ сбродъ въ оборванныхъ шинеляхъ, съ отмороженными носами.

Картина комическая, но хочется плакать: за человѣка жалко...

Плетутся и по одиночкѣ, безъ конвоя. Имъ махнули рукой:—Идите по этой дорогѣ!—Они идутъ голодные, но радостные... Сохранили жизнь.

Трое такихъ несчастныхъ подошли къ нашему поѣзду. Бормочутъ что-то. Показываютъ на свои дырявыя башмаки и просятъ взять ихъ въ вагонъ. Измерзли они, не ѣли двое сутокъ и далѣе итти не въ силахъ.

А навстрѣчу плѣннымъ идутъ маршевыя роты. Солдаты—серьезные, сосредоточенные, видимо, усталые, но идутъ они твердой, увѣренной походкой, и желѣзомъ отдаетъ гулъ ихъ шаговъ. И фигуры ихъ въ морозномъ туманѣ, какъ желѣзныя, выкованныя, а въ непреклонномъ движеніи слышится желѣзное слово:

— Впередъ!

Послѣднее сообщеніе было такое: австрійцы у Днѣстра и могутъ пройти къ Галичу. Я стою на станціи въ группѣ офицеровъ и спрашиваю всѣхъ о положеніи дѣлъ. Отвѣчаютъ одно:

— Насъ тѣснятъ...

Слышу голосъ:

— Австрійцы уже бѣгутъ...

Оглядываюсь. Говоритъ австрійскій солдатъ.

— ...Наши ихъ преслѣдуютъ...

— Кто наши?

— Русскіе.

— А вы кто?

— Я—русскій, русинъ. Былъ русскимъ военноплѣннымъ, принялъ русскую присягу и оставленъ на свободѣ въ своей деревнѣ. Когда австрійцы пришли, понятно, я утикъ. А теперь возвращаюсь обратно, потому что австрійцы бѣгутъ...

— Откуда вы все это знаете?

— У насъ слухи вѣрные...

Человѣкъ въ австрійской шинели радуется австрійскому пораженію!.. Такъ все здѣсь перемѣшалось...

Бѣженцевъ въ поѣздѣ пять человѣкъ. Всѣ они бывшіе австрійскіе солдаты, утикали, а теперь ѣдутъ обратно... Улыбаются, когда говорятъ съ нами, а какъ замолчатъ, смотрятъ въ дѣло страдальчески. Съ мукой думаютъ: „Что осталось въ нашихъ домахъ послѣ мадьяръ?“.

Дѣйствительно, къ вечеру мы получили точное извѣстіе, что австрійцы отступаютъ. Русскій австріецъ говорилъ правду. Какими путями дошла къ нему эта правда?

* * *

Ближе къ Галичу картина наступленія плѣнныхъ на Россію разнообразится.

Въ хвостѣ каждой колонны непремѣнный придатокъ. Подъ усиленнымъ конвоемъ идетъ кучка штатскихъ.

— Кто это?

— Гавреи.

Такъ русины-крестьяне зовутъ евреевъ.

— По какому поводу?—спрашиваю у конвоира.

— Это, которые подозрительные... Препровождаются.

Русинъ въ австрійской шинели остритъ:

— Мы бѣжали—они торжествовали. Теперь мы торжествуемъ—они бѣгутъ... Такъ все время.

Трудно мирному населенію встрѣтиться между двухъ огней и не обжечься.

Евреи очень оборваны. Болѣе, чѣмъ плѣнные. Верхняя одежонка на нихъ комнатная—сюртуки и пиджаки. Идутъ они съ женами, дѣтьми и стариками—отцами. На плечахъ несутъ узлы съ имуществомъ. Одинъ взвалилъ на себя паралличную мать и гнется подъ ея тяжестью.

Въ Галичѣ по улицѣ двигалась подъ конвоемъ большая толпа евреевъ. Одни мужчины. Женщины и дѣти бѣжали за ними по тротуарамъ и что-то кричали на своемъ жаргонѣ.

Въ рукахъ евреевъ засвѣчныя скрябки.

— Куда ихъ гонятъ?—спрашиваю.

— На работу, шанцы копать...

Эти тоже „подозрительные“. Но ихъ приспособили къ дѣлу.

„Подозрительными“ въ Галичѣ оказались всѣ торговцы. Когда австрійцы вошли въ Станиславовъ, галичскимъ торговцамъ показалось, что русскимъ наступилъ конецъ. Надо, значитъ, опять приспособляться къ австрійцамъ.

На галичскомъ рынкѣ сразу стали исчезать товары. Что русскій солдатъ ни спроситъ, все нима, да нима. И къ нашимъ деньгамъ стали относиться сдержанно...

Давали всему этому объясненіе:

— Боимся австрійцевъ...

Торговцевъ въ наказаніе заставили копать окопы.

Они копали ихъ съ тайной надеждой:

— Скоро! Скоро! Пушки приближаются...

А теперь уже сожалѣютъ:

— Напрасно поспѣшили...

* * *

Пушки не приближались, а, наоборотъ, уходили. Мы со станціи „Ієзополь“ слышали ихъ уже вдали,—около Станиславова. Какъ стремительно австрійская армія наступала, такъ стремительно она и уходитъ.

Съ Ієзополя начинается поле битвы. Или, вѣрнѣе, съ Днѣстра. Здѣсь большой мостъ, поднять который, въ свое время, стоило русскимъ большихъ денегъ и большого труда. Понятно какъ тяжело было вновь разстаться съ нимъ. Подъ фермы уже были положены пироксилиновыя шашки. Но взорвать ихъ, къ счастью, не пришлось,—наши отстояли мостъ. Австрійцы оставили здѣсь горы труповъ.

Трупы еще лежатъ. Не было времени ихъ подобрать. Мела метель и похоронила ихъ подъ снѣгомъ. Торчатъ лишь руки, ноги, головы. Все кладбище замерзло, обледенѣло и перестало быть страшнымъ...

— Три деревни зарываютъ и зарыть не могутъ,— сообщилъ мнѣ одинъ солдатъ;—сколько навалили!..

Труповъ, дѣйствительно, много. Особенно, около полотна дороги. Здѣсь, въ тылу у австрійцевъ работалъ нашъ блиндированный поѣздъ. Послѣ него австрійцы полегли рядами, какъ скошенный хлѣбъ. Большинство ничкомъ, съ пулями въ спинѣ. Бѣжали отъ смерти и не могли убѣжать...

Зарываютъ русины. Они лѣниво ходятъ, лѣниво копаютъ. Надоѣло имъ. Одинъ наклонился и что-то долго разсматриваетъ на убитомъ. Другой тащитъ за ноги мертвеца. Но мертвецъ примерзъ, и русинъ отдираетъ его отъ льда съ мясомъ...

* * *

Послѣднія двѣнадцать верстъ до Станиславова пришлось сдѣлать пѣшкомъ. Дорога послѣ австрійцевъ еще не налажена...

Тутъ вездѣ обычная картина только-что оконченнаго сраженія. Трупы людей и лошадей, заметенные снѣгомъ, оборванная снарядами и пулями телеграфная проволока и разбѣгающіеся по обѣ стороны дороги ряды окоповъ.

Но нѣтъ брошенныхъ повозокъ, передковъ, зарядныхъ ящиковъ. Австрійцы, значитъ, не бѣжали, а отступали въ порядкѣ.

Я свернулъ въ деревню, наполненную нашими солдатами. Изъ дома въ домъ ходилъ фельдфебель съ двумя солдатами и на всю улицу ругалъ кого-то:

— Проклятье!..

— Кого это вы?

— Да мадьяръ! Все вычистили. Зерна не найдешь.

Толпа крестьянъ въ бѣлыхъ шубахъ стояла около одного дома и смотрѣла своими грустными голубыми глазами на насъ.

— Овса нѣтъ?—спросилъ фельдфебель.

— Нима, пане, нима... Австрiяци вшистко забрали...

— Нима, нима,—передразнилъ ихъ злобно фельдфебель и прошелъ дальше.

Вчера утромъ мадьяры повѣсили здѣсь двухъ русинъ и опустошили всѣ избы. Времени было достаточно, и они вывезли все, не забыли даже прихватить картофеля. Крестьяне второй день голодные.

— Что будете дѣлать?—спрашиваю.

— Пойдемъ за вашимъ войскомъ...

Будутъ, значитъ, кормиться около солдатъ. Вся Галиція кормится теперь около русскаго войска.

Конечно, и тутъ не безъ плѣнныхъ. Гдѣ ихъ только нѣтъ? На каждомъ перекресткѣ. Стоятъ около одной избы человѣкъ двѣнадцать австрiйцевъ и танцуютъ отъ холода.

Докучаютъ всѣмъ:

— Когда намъ ѣсть дадутъ? Когда поведутъ?

Фельдфебель злобно ворчитъ на нихъ:

— Вы бы оставили намъ, чѣмъ кормить васъ!

По деревнямъ много такихъ плѣнныхъ. Они не въ бою взяты, а подобраны въ избахъ. Австрiйцы, обычно, откалываются отъ своихъ частей, скрываются и до прихода русскихъ лежатъ гдѣ-нибудь въ соломѣ или подполѣ, а винтовки бросаютъ. Русскiе находятъ ихъ и забираютъ.

* * *

Я сижу въ станиславовскомъ ресторанѣ Жоржа и бесѣдую съ буфетчикомъ.

Ресторанъ еще не принялъ русскаго вида. Не сняли съ полокъ бутылокъ съ виномъ и водкой, не убрали боченка съ пивомъ. Водка и пиво на столахъ.

— Дозволено?—спрашиваю.

— Не знаемъ. При мадьярахъ было можно. А русская власть еще не успѣла сдѣлать распоряженія. Пока торгуемъ съ мадьярскаго разрѣшенія...

Буфетчикъ жалуется на трудность торговли въ городѣ, который переходитъ изъ рукъ въ руки: отъ австрійцевъ къ русскимъ, а отъ русскихъ опять къ австрійцамъ.

— Постоянно власть мѣняемъ. Только что приноровились къ русскимъ, какъ пришли мадьяры и сломали порядокъ жизни. Надо было къ нимъ приноравливаться. Двѣнадцать дней они повластвовали и ушли. Теперь опять русскіе. Снова надо привыкать. Вотъ бутылки надо убирать. Поскорѣе бы ужъ кончилась эта ужасная война!

— А мадьяры васъ часто посѣщали?

— Только ими и жили. Вся гостиница была занята ими. Мадьярскіе офицеры обѣдали у насъ и кутили. Еще третьяго дня, вечеромъ, за вашимъ столомъ сидѣла ихъ компанія. Пили старку. Говорили мнѣ, что ни за что не сдадутъ города русскимъ. А ночью тайкомъ покинули Станиславовъ.

Австрійцы до послѣдней минуты увѣряли горожанъ, что дѣла ихъ блестящи. Я прочелъ на стѣнахъ домовъ ихъ объясненіе, въ которомъ они черезъ бургомистра Фидлера извѣщали, что „ситуація военныхъ дѣйствій удовлетворительна“ и поэтому всякій, кто распускаетъ ложные слухи о пораженіи австрійцевъ и ихъ отступленіи, будетъ строго наказанъ по законамъ военнаго времени. Объявленіе было вывѣшено 17-го февраля, а а 19-го австрійцы ушли изъ города...

Станиславовскіе жители знали правду раньше, волновались и тревожились, такъ какъ ожидали отъ русскихъ

суровыхъ мѣръ за гостепріимство и радушіе, оказанное австрійцамъ. Чтобы ихъ успокоить, австрійская власть не остановилась передъ явной ложью.

— А не попало вамъ отъ австрійцевъ за то, что принимали русскихъ въ гостиницу и кормили въ ресторанѣ?—спрашиваю буфетчика.

— Мадьяры шукали, допрашивали и грозили. Но наше дѣло такое—интернаціональное... Къ тому же мы мадьярамъ сберегли водку...

Теперь „Жоржъ" опять наполненъ русскими. Наши офицеры пріѣзжаютъ сюда, какъ въ знакомый городъ, къ знакомымъ людямъ. При мнѣ въ ресторанъ вошла компанія военныхъ, съ полковникомъ во главѣ. Полковникъ обратился къ буфетчику шутливо, какъ къ старому знакомому:

— А! Тебя не повѣсили австрійцы?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

— Напрасно, напрасно,—шутилъ полковникъ.

— Хорошая рыба есть, ваше сіятельство,—изгибался буфетчикъ.

— Отъ мадьяръ осталась?

— Такъ точно, изъ Венгріи выписывали...

— Ну, давай!

Въ двѣнадцать дней австрійцы не могли уничтожить слѣдовъ русскихъ. Такъ, напримѣръ, объявленія русскихъ властей висятъ почти всѣ цѣлыми на стѣнахъ. Въ гостиницѣ Жоржа осталось даже курьезное объявленіе администраціи на русскомъ языкѣ, направленное по адресу русскихъ же.

Вотъ это объявленіе:

„Владѣльцы гостиницы Жоржа.

Институтъ Божьей Матери.

Въ виду стереженія о гигіены, а также для того, что на квартирахъ гостиницы проживаютъ высшіе военные чины, старшіе гражданскіе члены и ихъ семьи, управ-

леніе Жоржа по свиденію начальника Станиславовскаго уѣзда честь имѣемъ просить П. Т. пріѣзжающихъ гостей, не вводить въ гостиницу женщинъ неизвѣстнаго происхожденія (дэми Мондэ).

Управленіе гостиницы Жоржа.

Институтъ Божьей Матери".

* * *

На улицахъ города пусто. Жители какъ будто вымерли. Покажется изрѣдка какой-нибудь обыватель и исчезнетъ. Изъ магазиновъ открытъ только одинъ, съ вывѣской „Linoleum", остальные заперты.

Изрѣдка встрѣчаются полицейскіе. На головѣ у нихъ наша жандармская фуражка, на рукавѣ перевязь изъ нашихъ національныхъ лентъ, а шинель австрійская и видъ этакій австрійскій...

— Какъ васъ мадьяры не повѣсили за такой костюмъ?—спрашиваю одного.

— А мы фуражку прятали,—отвѣчаетъ полицейскій,—надѣвали австрійскую. И ленты мѣняли...

— Куда, скажите, подѣвались жители?

— Богатые, особенно евреи, ушли съ австрійской арміей, а бѣдные схоронились...

— Почему схоронились? Опасности нѣтъ.

— Сначала отъ бомбардировки спрятались, а потомъ отъ страха. Боязно въ городѣ теперь, а особенно ночью...

Станиславовъ—городъ большой и культурный. Отъ пушекъ и огня пострадали только его окраины, гдѣ шли бои, а великолѣпный торговый центръ почти невредимъ. Кое-гдѣ лишь въ домахъ зіяютъ пробоины отъ снарядовъ, но большихъ разрушеній не замѣтно. Даже стекла въ домахъ цѣлы.

Ближе къ рынку стали попадаться разоренные и разбитые магазины. Въ нихъ все поставлено вверхъ

дномъ, а дверь или выбита или отворена настежь. Но такихъ открыто ограбленныхъ магазиновъ немного. Большинство разбитыхъ внутри лавокъ закрыто снаружи глухими желѣзными ставнями.

Около одного магазина толпа деревенскихъ русинъ и поляковъ. Когда я подходилъ къ Станиславову, то видѣлъ ихъ. Они шли изъ своихъ селъ въ праздничныхъ костюмахъ съ мѣшками въ рукахъ, очень спѣшили, боясь не поспѣть.

— Куда вы?—спросилъ я.

— Въ городъ.

— Зачѣмъ?

Замялись.

— Такъ, что-нибудь... купить...

Теперь они „купили“. Какая-то невидимая рука бросала имъ изъ магазина обувь, а они подбирали...

На рынкѣ много людей. Здѣсь и лавки открыты. Но мирнымъ жителямъ ничего не продавали... Они унылые толпой стояли у входа въ лавки.

Станиславовъ переживалъ такое тяжелое, хотя и временное, положеніе безхлѣбицы, которое пережили въ свое время Львовъ, Ярославъ и другіе города Галиціи, завоеванные нами.

Улицу загораживала толпа. Она кольцомъ окружила двухъ мальчишекъ, которые тащили въ ресторанъ Жоржа большую корзину съ бѣлыми хлѣбцами. Толпа сначала просила:

— Продайте!

Мальчишки защищали корзину, но толпа напирала. Тогда мальчишки открыли торгъ и мгновенно хлѣбцы были раскуплены.

* * *

На окраинахъ города,—особенно на улицахъ, близкихъ къ желѣзнодорожному мосту, гдѣ былъ жестокій

бой,—еще пустыннѣе, чѣмъ въ центрѣ. Австрійцы, защищая Станиславовъ, втащили здѣсь на крыши домовъ пулеметы и пушки. Русскимъ пришлось открыть по домамъ артиллерійскій огонь.

Вотъ линія домовъ, буквально изрѣшетенныхъ снарядами. Аршинныя дыры. Разбитыя стекла. Штукатурка изрыта пулями. Есть дома, сгорѣвшіе до тла.

Изъ одного полуразрушеннаго дома выбѣжала ко мнѣ женщина и упала на колѣни. Плачетъ и проситъ:

— Помогите!

У нея четверо дѣтей. Хлѣба нѣтъ. Живетъ на морозѣ, такъ какъ стекла разбиты. Домъ ея разрушенъ снарядами.

Почти рядомъ все въ дырахъ двухъ-этажное, стильное зданіе. Это уже работа австрійцевъ. Домъ принадлежалъ начальнику станиславовскихъ мастерскихъ инженеру Ш., который былъ начальникомъ и при австрійцахъ. Мадьяры, когда они пришли въ Станиславовъ, прежде всего указали на этого инженера:

— Служилъ русскимъ...

Достать самого г. Ш. они не могли, такъ какъ онъ успѣлъ уѣхать во Львовъ. Тогда въ отместку мадьяры разбили и разорили его домъ.

Инженеръ этотъ построилъ намъ, между прочимъ, блиндированный поѣздъ, о которомъ я писалъ выше.

* * *

Съ окраинъ отчетливо слышна канонада.

Австрійцы уходили по направленію къ Коломыю и защищались отъ напора русскихъ войскъ.

Надо сказать, что отходъ ихъ не былъ паническимъ бѣгствомъ. Они не оставили въ городѣ ни одной своей фуры. Наоборотъ, забрали кое-что имъ даже не принадлежащее...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

У крѣпости Перемышля до ея паденія. Въ Перемышлѣ послѣ взятія крѣпости. Историческія мѣста. Какъ произошла сдача крѣпости. Лошадиное кладбище. Какъ жили во время осады. Въ мирномъ Перемышлѣ.

— Пріѣхали,—сказалъ мой спутникъ.

— Куда?

— Къ Перемышлю.

Въ ложбинкѣ между горъ притаилась деревня. По скатамъ горъ бѣгутъ внизъ сосны. Идемъ мимо шоссе, по которому движется военный обозъ.

— Гдѣ же крѣпость?

— Чего захотѣли! Крѣпость увидите тогда, когда мы возьмемъ Перемышль...

Я представлялъ себѣ знаменитую крѣпость иначе. Мы будемъ ѣхать по равнинѣ и вдали, на горизонтѣ, увидимъ стѣну. Такими, говорятъ, были крѣпости раньше. Такими изображаютъ ихъ на лубочныхъ картинахъ.

Мы подъѣхали съ сѣвера, отъ Радымна. Съ этой стороны крѣпость искусно закутана въ зеленую ткань горъ. Гдѣ горы, гдѣ крѣпость,—различаютъ только люди, побывавшіе около крѣпости. Но такихъ немного. Къ крѣпости не подойдешь безнаказанно.

Въ деревнѣ живетъ наша кавалерійская часть. Въ двухъ просторныхъ хатахъ расположились офицеры. Когда мы вошли, четверо изъ нихъ мирно играли въ винтъ. У нихъ выдался свободный день, а заполнить его было нечѣмъ. Скучно здѣсь,—никого, кромѣ солдатъ и немногихъ мирныхъ поляковъ-крестьянъ, нѣтъ. Поэтому у офицеровъ праздникъ, когда пріѣдетъ кто-ни-

будь изъ Львова, навезетъ газетъ, иллюстрированныхъ еженедѣльниковъ и сообщитъ новости съ другихъ фронтовъ.

Я сѣлъ около окна. Мнѣ было видно, какъ по улицѣ движутся обозныя телѣги, ѣдутъ отряды кавалеристовъ, идетъ пѣхота.

— А гдѣ Ивановъ?—спросилъ мой спутникъ, раздѣваясь.

— На развѣдкѣ.

Прокатился гулкій пушечный выстрѣлъ.

— Это далеко,—прислушался офицеръ.

А мнѣ казалось, что очень близко.

За первымъ выстрѣломъ—другой, третій, четвертый... Офицеры продолжали спокойно курить и играть въ винтъ. По улицѣ спокойно ѣхали солдаты. Выстрѣлы здѣсь такъ обычны, что къ нимъ привыкли.

— По комъ это стрѣляютъ?—спрашиваю я.

— Вѣроятно, по нашему разъѣзду шрапнелью дуютъ. Найди, поди, его въ лѣсу!..

Деревня—внѣ обстрѣла тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій, бьющихъ на 16 верстъ. Но за деревней скоро же начинается районъ достиженія, и является уже опасность, которая увеличивается по мѣрѣ приближенія къ крѣпости.

Кавалерійская жизнь проходитъ въ развѣдкѣ. Даютъ задачу, которую выполняетъ офицеръ съ отрядомъ.

Развѣдочный отрядъ пускается въ путь по шоссейнымъ дорогамъ и горнымъ тропамъ. Ѣдетъ сначала спокойно, открыто,—уже извѣстенъ путь, котораго не видать изъ крѣпости. Зеленыя горы, окружающія крѣпость, скрываютъ не только Перемышль отъ насъ, но и насъ отъ Перемышля.

Затѣмъ идетъ линія нашихъ пѣхотныхъ окоповъ. Она уже значительно приближена къ крѣпости. Объ эту линію разбивались до сихъ поръ всѣ вылазки австрійцевъ.

За окопами начинается районъ приключеній и опасностей. Здѣсь, на пространствѣ восьми верстъ діаметромъ, въ горахъ, поросшихъ лѣсомъ, происходитъ своеобразная охота на человѣка. Тутъ ходятъ и ѣздятъ развѣдочные отряды: наши и австрійскіе. Заѣзжаютъ въ тылъ другъ-другу, не подозрѣвая, что врагъ крадется гдѣ-то очень близко.

Одинъ офицеръ мнѣ разсказывалъ:

— Со мной нѣсколько разъ бывало такъ, что я проникалъ къ крѣпости, видѣлъ ея цементные валы и нигдѣ не встрѣчалъ австрійцевъ. А когда возвращался назадъ, сдѣлавъ свое дѣло, то натыкался на противника около нашихъ окоповъ.

Каждый офицеръ разскажетъ вамъ много изъ своего опыта о развѣдочныхъ приключеніяхъ.

Я познакомился и сошелся близко съ прапорщикомъ. Онъ—москвичъ, пѣвецъ, театралъ, съ мягкой, поэтической душой.

— Третьяго дня,—говорилъ онъ мнѣ,—полземъ мы по оврагу и видимъ у домика лѣсника четырехъ австрійцевъ. Они крадутся къ намъ, но насъ не видятъ. Затаились мы и полземъ. Подползли на двѣсти шаговъ и дали залпъ. Одинъ упалъ и закричалъ смертельнымъ крикомъ.

— Какой это крикъ?

— Я издали узнаю, смертельно ли раненъ человѣкъ, или нѣтъ. Умирающій кричитъ особеннымъ, страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ,—отъ котораго все нутро переворачивается... Двое скрылись въ чащѣ, а четвертый побѣжалъ по открытому мѣсту, прихрамывая. Я ему кричу: „Бросай ружье!“. А онъ такъ растерялся, что остановился, глядитъ на меня обезумѣвшими глазами и держитъ въ глазахъ винтовку. „Бросай,“—кричу. Онъ весь дрожитъ, видимо, ничего не понимая и не сознавая. Я вынулъ револьверъ и выстрѣлилъ въ него, но

промахнулся. Онъ упалъ на колѣни. Я вышибъ изъ его рукъ ружье. Австріецъ былъ въ какомъ-то столбнякѣ. Нога его была жестоко раздроблена, и какъ онъ могъ бѣжать,—одному Богу извѣстно. Очень тяжелая картина...

—Развѣдка—страшная вещь,—говорилъ онъ далѣе.—Отъ офицера требуется особенная осторожность. Малѣйшій ложный шагъ можетъ стоить жизни отряду. На развѣдкахъ офицеръ—все: жизнь отряда зависитъ отъ его иниціативы и находчивости. Не во время обнаружился, не туда направилъ отрядъ, рискнулъ неудачно,—все это покупается жизнью солдатъ. И когда сдѣлаешь промахъ, то не знаешь, куда дѣваться отъ терзаній совѣсти...

Цѣль развѣдки—разузнать что-нибудь, опредѣлить, провѣрить. А иногда просто достать „языка". При всякой развѣдкѣ берутъ трофеи: гдѣ-нибудь „снимутъ" часового, возьмутъ плѣннаго или истребятъ отрядъ.

— Почти каждую развѣдку кто-нибудь изъ отряда выбываетъ, кого-нибудь и мы убиваемъ..

Иногда приходится бѣжать отъ австрійцевъ, когда они превосходятъ числомъ. Тогда они преслѣдуютъ насъ до окоповъ. А иногда, наоборотъ, мы ихъ гонимъ почти до крѣпости.

Стемнѣло. Подъ окнами послышался топотъ. Въ хату вошелъ офицеръ.

— Живъ, Ивановъ?—спросили его.

Это былъ маленькій поручикъ съ молодымъ, румянымъ лицомъ.

— Живъ.

— Привелъ кого-нибудь?

— Двухъ.

Ивановъ, видимо, иззябъ, кашлялъ и хлопалъ руками.

— Какой поганый случай произошелъ!—сказалъ онъ. —Дошелъ я до самого Сана. Вижу: на той сторонѣ ле-

жатъ человѣкъ тридцать австрійцевъ. Мнѣ бы ихъ прослѣдить, а я вспугнулъ залпомъ и совсѣмъ-было погубилъ весь свой отрядъ. Выстрѣлы услыхали, и намъ наперерѣзъ поскакалъ полу-эскадронъ ихъ драгунъ. Что дѣлать? Скомандовалъ бѣжать. Летимъ, а они по насъ залпами изъ карабиновъ. Оборачиваемся и отвѣчаемъ.

— Что же, была потеря?

— Сидоровъ раненъ въ спину...

— Сидоровъ?! Жалко...

Всѣ нахмурились. Сидорова знали за очень храбраго солдата и любили.

— Ну, и мы уложили у нихъ троихъ...

— А этихъ двухъ гдѣ взялъ?

— Около самыхъ окоповъ. Крадутся кустами, оба безъ оружія. Я еле утерпѣлъ, чтобы, съ досады, не смазать ихъ нагайкой... Кстати, надо ихъ разспросить.

Плѣнныхъ ввели. Одинъ былъ въ солдатской шинели, грязный, тощій. Другой—въ разорванномъ пальто и котелкѣ.

— Ну, паны, разсказывайте!

Оба охотно начали разсказывать, перебивая другъ-друга. По ихъ словамъ, въ крѣпости дѣло плохо: голодъ.

— А вы зачѣмъ къ намъ пришли?

— Въ плѣнъ. Надоѣло, хлѣба нема...

Ихъ вывели.

— Неинтересные,—сказалъ кто-то.—Такихъ много.

— Да и подозрительные,—добавилъ прапорщикъ.

— Что же вы съ ними сдѣлаете?—спросилъ я.

— Завтра назадъ, въ крѣпость, отошлемъ. Пусть доѣдаютъ у нихъ послѣднее...

— А если не захотятъ пойти?

— Заставимъ.

Послѣ ужина офицеры сѣли доигрывать партію. А прапорщикъ сказалъ денщику:

— Когда зажгутъ прожекторъ, приди и скажи.

Мы снова вернулись къ разговору о Москвѣ, о театрахъ. Прапорщикъ съ чувствомъ спѣлъ два цыганскихъ романса. Онъ любилъ пѣніе Вари Паниной и пѣлъ ея пѣсни.

— Какъ это странно,—сказалъ кто-то:—говорить о Москвѣ, о Варѣ Паниной здѣсь...

— Да. Обстановка неподходящая.

Зажгли прожекторъ. Мы вышли съ прапорщикомъ на улицу. Волна безпокойно колеблющагося свѣта залила деревню и протянулась далеко. Потомъ перешла на Зеленую гору и ее намъ показала. Потомъ стала безпорядочно скакать по горамъ.

— Кого же ночью находятъ австрійцы прожекторомъ? —спросилъ я.

— Запоздавшій разъѣздъ, вышедшихъ изъ окоповъ солдатъ, полковую кухню. По всѣмъ палятъ шрапнелями. Но главное—они предупреждаютъ прожекторомъ нашу атаку...

Мы поговорили немного и ушли спать. Ночью бухали съ крѣпости пушки, но мы не слыхали.

* * *

На другой день послѣ сдачи крѣпости мнѣ пришлось быть въ Перемышлѣ. Я ѣхалъ съ товарнымъ поѣздомъ, направлявшимся изъ Мосциски черезъ Медыку.

Отъ станціи „Медыка“ начинался районъ крѣпостного обстрѣла. Сколько здѣсь упало австрійскихъ снарядовъ за время осады! Медыки, конечно, не существуетъ—она разбита. Поля вспаханы снарядами. Отъ села остались однѣ обгорѣлыя чурки. Но жители живутъ. Никакіе ужасы не могли выгнать ихъ изъ ямъ и подваловъ. Только послѣдній передъ сдачей, судорожный обстрѣлъ русской стороны, отъ котораго дрожала и стонала земля, заставилъ этихъ пещерныхъ жителей бѣжать отъ страха.

Они собрались кучей подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ и слушали, какъ въ бурной агоніи умирала крѣпость.

День солнечный, радостный. У насъ всѣхъ легко и тепло на душѣ. Все кругомъ полно жизни. Совершилось что-то огромное, стоившее большихъ трудовъ и жизней, и теперь осталось только наслаждаться и радоваться.

Гордо задрали носъ къ небу одиннадцатидюймовки. Крѣпость не дождалась ихъ гостинцевъ. По полю разбѣжались окопы. Солдаты поставили ружья „въ козлы“ и толпой хохочутъ надъ чѣмъ-то. Вертится подъ ногами большая рыжая собака. Ей также очень весело. Солдаты прозвали ее „Кайзеромъ“.

— За что?—спросилъ я.

—Чутье потеряла. Подъ носомъ не слышитъ. Настоящій кайзеръ!

Она откликается на кличку и юлитъ хвостомъ.

Хохочутъ солдаты надъ чучеломъ. Какой-то остроумецъ изъ ихъ братіи набилъ мѣшокъ сѣномъ, пришилъ руки и голову, намалевалъ на лицѣ глаза, носъ и бороду, и получился... Францъ-Іосифъ. Узнать, конечно, нельзя.

— Кто это?

— Францемъ прозывается—отвѣтилъ солдатъ.

Видъ у „Франца“ унылый: руки опущены, голова упала на грудь.

— Въ печальномъ видѣ,—говорятъ солдаты,—потому Перемышль палъ.

Чучело стояло въ окопахъ до сдачи. Тогда „Францу“ былъ приданъ гордый видъ.

Съ Медыки начинаются, такъ сказать, историческія мѣста. Около полотна дороги устроены прочные окопы. Въ серединѣ ихъ ямка, гдѣ подъ крышей стоялъ пулеметъ. Въ двадцати шагахъ идетъ шоссе, обсаженное деревьями. Шестого марта по шоссе, гуськомъ по два человѣка, шла австрійская дивизія, а въ окопахъ сидѣли

наши два взвода. Затрещалъ пулеметъ. Шоссе и поле были завалены трупами австрійцевъ. Два взвода остановили натискъ тысячной колонны непріятеля"

* * *

Въ „Военныхъ Вѣдомостяхъ", издававшихся въ Перемышлѣ, были напечатаны въ послѣдніе дни жизни крѣпости два документа, касающіеся этой вылазки.

Отъ Франца-Іосифа была получена слѣдующая радіотелеграмма отъ 19-го марта н. ст.:

„Вѣсть о геройской вылазкѣ, которую рѣшилъ предпринять не побѣжденный до сихъ поръ гарнизонъ Перемышля, глубоко тронула меня, и изъ глубины своего сердца я посылаю пожеланія успѣха героямъ, которые приступаютъ къ послѣднему, великому подвигу въ честь родины и во славу нашего оружія.

То, что совершилъ гарнизонъ Перемышля, останется навѣки памятнымъ, и каждому отдѣльному воину подобаетъ листъ изъ лавроваго вѣнка, который я, исполненный благодарности, и отечество посвящаемъ храброму, готовому къ жертвамъ гарнизону Перемышля.

Да будетъ съ вами благословеніе Божіе!

Францъ-Іосифъ I."

Радіотелеграмма эрцгерцога Фридриха:

„Храброму гарнизону крѣпости и его доблестному вождю за геройскую оборону моя благодарность, мое искреннее признаніе и сердечныя пожеланія успѣха въ славномъ подвигѣ отъ меня и всѣхъ товарищей по арміи.

Эрцгерцогъ Фридрихъ".

Эти радіотелеграммы были напечатаны уже тогда, когда обнаружилась неудача вылазки. Поэтому комендантъ присовокупилъ къ нимъ слѣдующее:

„Солдаты! Хотя вчерашняя попытка прорвать желѣз-

ное кольцо, которое насъ окружаетъ, не удалась, но все же будемъ, вѣрны нашей присягѣ и въ безграничной любви и преданности нашему императору и королю, бороться до конца.

Кусманекъ".

Радіотелеграмма отъ 20-го марта н. ст.:

„Хотя меня глубоко поразило сообщеніе, что смѣлая попытка прорыва гарнизона Пржемышля потерпѣла, вслѣдствіе превосходства непріятеля, неудачу, все же я съ прискорбіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ гордостью взираю на несравненное мужество храбрецовъ, которымъ не сужденъ былъ успѣхъ.

Всѣхъ, которые принимали участіе въ этой борьбѣ, я отъ всего сердца благодарю за геройское дѣло и благословляю славную память тѣхъ, которые отдали свою жизнь на полѣ славы. И въ самомъ отдаленномъ будущемъ исторія будетъ вѣщать о томъ, что свершили австро-венгерскіе воины своей упорнѣйшей обороной крѣпости Пржемышля: они были стойки и храбры до конца.

Францъ-Іосифъ I".

И комендантъ присоединяетъ къ этой депешѣ слѣдующія слова:

„Солдаты! Бо́льшаго признанія вашего поведенія и вашихъ подвиговъ, чѣмъ это́, вы не найдете. Покажите же себя достойными его!

Кусманекъ".

Когда комендантъ писалъ это послѣднее послѣсловіе къ депешѣ Франца-Іосифа, участь Перемышля была рѣшена. Солдатамъ ужъ никакъ нельзя было показать себя достойными мнѣнія о нихъ австрійскаго императора.

Хотя Францъ Іосифъ говоритъ о „превосходствѣ непріятеля", но въ дѣйствительности 43-хъ тысячная армія была остановлена „горстью" нашихъ войскъ. Мнѣ го-

ворили объ одномъ полкѣ, одномъ баталіонѣ и ополченской дружинѣ, которые встрѣтили австрійцевъ и насыпали горы труповъ насчастныхъ русинъ. Мадьяры же и нѣмцы, видя, что передовыя войска дрогнули, ретировались въ крѣпость...

Къ этой вылазкѣ относится слѣдующій боевой приказъ Кусманека. Въ этомъ приказѣ онъ излагалъ планъ вылазки

— Прорваться мы можемъ,—говорилъ Кусманекъ,—только въ томъ случаѣ, если какъ офицеры, такъ и нижніе чины сознаютъ полную необходимость прорыва. Чтобы достичь этого, слѣдуетъ популярно объяснить нижнимъ чинамъ причины, по которымъ мы оставляемъ крѣпость, и почему мы должны пробиться къ арміи,

Въ крѣпости нечего больше ѣсть, и если бы мы остались здѣсь, то пришлось бы намъ или умереть съ голоду, или сдаться русскимъ.

Если же мы пробьемся сквозь непріятельскую линію, то уже въ ближайшемъ разстояніи мы найдемъ большіе магазины врага. Мнѣ извѣстно, гдѣ они находятся, и я хочу повести гарнизонъ туда, чтобы у него опять было достаточно съѣстныхъ припасовъ.

На этомъ пути мы сможемъ также соединиться съ арміей. Послѣднюю, правда, задержала дурная погода (?), однако же, сейчасъ она побѣдоносно продвигается впередъ (?), и мы можемъ подать ей руку.

Въ направленіи, въ которомъ мы хотимъ прорваться, находятся только ополченскія дружины второго призыва и необученые резервы изъ запаса. Многіе плѣнные говорили намъ, что эти люди каждый разъ бѣжали при первомъ выстрѣлѣ. Они безусловно не будутъ въ состояніи задержать нашъ натискъ.

Чтобы, однакоже, добиться совсѣмъ вѣрнаго успѣха, необходимо, чтобы нападеніе застигло непріятеля врасплохъ. Первымъ же штурмомъ онъ долженъ быть от-

брошенъ и разбитъ. Поэтому приказываю въ атаку итти многочисленными цѣпями, не издавая при этомъ ни звука, ни выстрѣла все время вплоть до непріятеля, при чемъ непріятельскіе форпосты слѣдуетъ внезапно снести и уничтожить. Если бы форпосты при нападеніи пытались бѣжать, слѣдуетъ стараться ворваться вмѣстѣ съ ними на непріятельскія позиціи. Передъ началомъ нападенія нельзя курить, чтобы не обнаружить движенія...

Въ случаѣ, если бы по дорогѣ попались укрѣпленныя непріятельскія позиціи, ближайшіе солдаты должны немедленно броситься туда и взять ихъ съ фланга и съ тыла. Передовыя непріятельскія цѣпи будутъ слабо защищаться, если мы застанемъ непріятеля врасплохъ. Если же раньше обнаружимъ наше движеніе, то этого уже быть не можетъ...

Передовыя линіи должны быть взяты быстро. За ними находятся хаты и землянки. Ихъ слѣдуетъ тоже немедленно брать штурмомъ. Тогда мы найдемъ русскихъ въ глубокомъ снѣ и побѣдимъ ихъ легко.

За передовыми цѣпями находятся только слабые резервы, которые тоже составлены изъ ополченскихъ дружинъ. Они не будутъ въ состояніи задержать насъ...

И потому смѣло впередъ!..

Прорвавъ непріятельскую линію, мы должны спѣшно продвигаться, чтобы непріятель, стоящій въ другихъ мѣстахъ передъ крѣпостью, не былъ въ состояніи погнаться за нами и атаковать насъ.

Въ такомъ духѣ слѣдуетъ наставить солдатъ и вообще дѣйствовать на нихъ ободряюще.

Передъ цѣпью должны итти саперы и сформированные въ отряды болѣе ловкіе солдаты съ ножницами и рычагами, чтобы устранять всѣ препятствія по пути. Русскія загражденія состоятъ, главнымъ образомъ, изъ „испанскихъ козловъ“. Чтобы ихъ устранить, слѣдуетъ

перерѣзать узловую проволоку между отдѣльными козлами и затѣмъ раздвинуть ихъ наружу. (Приложенъ рисунокъ козловъ).

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что непріятель будетъ при первой атакѣ отброшенъ. Слѣдуетъ затѣмъ сильно на него напирать, чтобы не дать ему времени гдѣ-нибудь укрѣпиться. Полнаго успѣха можно добиться только съ помощью энергичнаго натиска.

Амуницію слѣдуетъ по возможности беречь, потому что подвозъ будетъ сильно затрудненъ.

Изъ взятыхъ съ собой съѣстныхъ припасовъ можно въ первый день съѣсть только то, что назначено на этотъ день: одинъ мясной консервъ, одну порцію сухарей, два консерва кофе. Добавки (колбаса, солонина, „магги"), а также хлѣбъ не приняты во вниманіе, и ихъ можно ѣсть по приказу командировъ частей.

Но больше этого запрещаю ѣсть, подъ страхомъ наказанія смертной казнью. Людей, которые не послушались бы этого приказа, надлежитъ разстрѣлять.

Ротные и взводные командиры должны ежедневно и даже нѣсколько разъ въ день убѣждаться въ томъ, исполняется ли этотъ приказъ. Отъ исполненія его зависитъ многое, и это слѣдуетъ объяснить солдатамъ.

Съѣстные припасы, которые можно будетъ достать по дорогѣ безъ замедленія движенія, слѣдуетъ забрать и раздать солдатамъ въ качествѣ прибавки, не принимая въ расчетъ положенной порціи.

Съѣстные припасы въ такихъ случаяхъ можно реквизировать. Но ни подъ какимъ условіемъ нельзя, въ поискахъ съѣстныхъ припасовъ, расходиться или совершать грабежи.

Если мы придемъ къ извѣстнымъ мнѣ непріятельскимъ магазинамъ, изъ которыхъ самаго близкаго можно достичь уже въ первый и не позже чѣмъ на второй день, тогда можно будетъ выдать солдатамъ всего и накормить ихъ досыта.

Слѣдуетъ порвать какъ можно больше телефонныхъ линій непріятеля, чтобы онъ не могъ стянуть резервы изъ другихъ мѣстъ.

Плѣнныхъ мы брать не можемъ.

Поэтому, если будутъ захвачены русскіе, то слѣдуетъ у солдатъ отнять оружіе и амуницію. Оружіе повредить (сломать прикладъ, вынуть замокъ, закопать), амуницію же уничтожить. А самихъ плѣнныхъ послѣ этого надо прогнать поодиночкѣ въ тылъ. Плѣнныхъ, у которыхъ найдутся съѣстные припасы, можно извѣстное время,—пока припасы не использованы нашими солдатами,—вести съ собой, и только послѣ прогнать въ тылъ, и перемѣнно въ одиночку. Послѣднее необходимо для того, чтобы плѣнные не составляли цѣлыхъ отрядовъ, а были разсыпаны далеко другъ отъ друга и не могли противодѣйствовать. У захваченныхъ въ плѣнъ офицеровъ и прапорщиковъ надо отнять оружіе, а ихъ вести съ собой, отпускать ихъ въ тылъ нельзя. Оружіе убитыхъ русскихъ и своихъ солдатъ и раненыхъ надо уничтожать.

Раненыхъ и больныхъ слѣдуетъ по возможности отсылать въ Перемышль. Потомъ ихъ надо передать вмѣстѣ съ санитарами гминнымъ управленіямъ.

— Объявите солдатамъ,—говоритъ въ заключеніе Кусманекъ,—что возврата нѣтъ. Кто повернетъ назадъ, будетъ убитъ офицеромъ.

Тѣ, кто хотѣли бы вернуться назадъ, должны знать, что они приговорены къ голодной смерти или будутъ, все равно, уничтожены наступающими русскими.

Только впереди лежатъ спасеніе, честь и слава!..

* * *

По шоссе на Медыку ѣхали 9 марта парламентеры въ штабъ командующаго русской осадной арміей генерала Селиванова.

8-го марта Кусманекъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено сдаться. Объ этомъ не было сообщено официально населенію, хотя слухи ходили. Населеніе уже дней восемь знало, что сдача неизбѣжна.

На рѣшеніе сдать повліялъ не столько голодъ среди солдатъ,—у нихъ все-таки была въ изобиліи конина, хотя хлѣба не было уже три недѣли,—сколько, главное, грядущій голодъ среди офицеровъ. Ихъ пайки оканчивались, какъ они намъ сказали, девятаго числа. Ѣсть конину они не хотѣли. Мирнымъ жителямъ въ послѣдніе нѣсколько дней пищи не выдавали. Нѣкоторые уже три дня не ѣли ничего.

Когда сдача была рѣшена, военный совѣтъ постановилъ уничтожить все, чтобы не доставалось врагу. Съ вечера начали сильный артиллерійскій обстрѣлъ нашихъ позицій, задавшись цѣлью уничтожить снаряды.

Ночью воздухъ потрясенъ былъ страшными взрывами, которые были слышны за шестьдесятъ верстъ. Стоявшіе на путяхъ станціи Мосциска (38 верстъ отъ Перемышля) вагоны приходили отъ сотрясенія въ движеніе. Взрывали склады амуниціи, крѣпостные магазины, форты. Пироксилиновыми шашками взрывали пушки, отрывали у нихъ казенныя части, дѣлали негодными, снимали замки. Часть пушекъ была сброшена въ рѣку Санъ. Взорвали блиндированный поѣздъ. У рѣчки Вихоры сожгли оставшіеся аэропланы. Наконецъ, рухнули взорванные мосты, всего пять: два—черезъ рѣчку Вихору, три—черезъ Санъ. Сила взрыва была такъ велика, что всѣ дома на набережной обѣихъ рѣкъ остались безъ стеколъ. Весь городъ, всѣ форты покрылись дымомъ. Когда начались взрывы, наши поняли въ чемъ дѣло, и вся линія осады огласилась громкими побѣдными кликами „ура“. Долго, при каждомъ взрывѣ усиливая крикъ, кричали солдаты.

Въ одномъ мѣстѣ человѣкъ сто солдатъ подошли

въ это время къ форту влотную, дошли до самыхъ проволочныхъ загражденій, но не знали, что далѣе дѣлать. Ихъ бы разстрѣляли, если бы были цѣлы орудія на фортахъ, но орудія замолкли навѣки. Изъ форта выскочила группа австрійцевъ. Произошелъ короткій безцѣльный штыковой бой. Нашихъ убито двое. Ихъ— нѣсколько десятковъ.

Въ семь часовъ утра изъ крѣпости выѣхалъ автомобиль съ шестью австрійскими офицерами по шоссе по направленію къ Мосцискѣ.

Четыре русскихъ офицера встрѣтили парламентеровъ, которые предъявили слѣдующее „уполномочіе".

„И. и к. командующій арміей и комендантъ крѣпости Перемышля генералъ-отъ-инфантеріи Германъ Кусманекъ фонъ Бургнейштеттенъ.

Уполномочіе.

Господину и. и к. полковнику-бригадиру Августу Мартынеку и господину и. и к. подполковнику Оттокару Хуберту, обоимъ генеральнаго штаба, которые уполномочены вести и закончить переговоры съ командующимъ Императорской россійской арміей, блокирующей Перемышль.

Оба эти офицера сопровождаются и. и к. оберъ-лейтенантомъ Александромъ Вагнеромъ, въ качествѣ переводчика; кромѣ того, трубачемъ, проводникомъ и двумя шоферами. Кусманекъ,

генералъ-отъ-инфантеріи.

Перемышль, 22-го марта 1915 года.
(Печать)".

Въ десятомъ часу утра генералъ Селивановъ встрѣтилъ парламентеровъ въ помѣщеніи штаба. Парламентеры передали ему письмо коменданта крѣпости Кусманека такого содержанія:

— „И. и к. командующій арміей и комендантъ крѣпости Перемышля генералъ-отъ-инфантеріи Германъ Кусманекъ фонъ-Бургнейштеттенъ.

Ваше превосходительство.

Имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что, вслѣдствіе истощенія запасовъ продовольствія крѣпости, я вижу себя вынужденнымъ, въ соотвѣтствіи съ полученными мною свыше приказаніями, вступить съ вашимъ превосходительствомъ въ переговоры по поводу сдачи ввѣренной мнѣ крѣпости.

Податели этого письма, а именно: полковникъ-бригадиръ Августъ Мартынекъ и подполковникъ Оттокаръ Хубертъ, оба генеральнаго штаба, уполномочены мною на веденіе относящихся до сего переговоровъ и получили мои указанія для сего.

Прошу ваше превосходительство принять выраженіе моего отличнѣйшаго уваженія. Кусманекъ.

генералъ-отъ-инфантеріи.

Перемышль, 22-го марта 1915 года."

Затѣмъ были прочитаны условія, на которыхъ генералъ Кусманекъ предложилъ сдать крѣпость:

1) Свободный выходъ изъ крѣпости гарнизона и подробности выполненія этого, или,—если свободный выходъ не будетъ принятъ,—

2) Выходъ хотя бы части гарнизона съ воинскими почестями, т.-е. съ музыкой и съ отданіемъ чести русскими войсками; сохраненіе оружія всѣми офицерами, кандидатами на офицерскій чинъ, военными чиновниками и служащими при войскахъ на штатномъ содержаніи.

3) Способъ передачи крѣпости. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы только передовыя полевыя позиціи и форты группы Сѣдлиска были заняты немедленно, а остальныя части крѣпости только послѣ выхода всѣхъ

нашихъ войскъ. Только потребное для поддержанія порядка количество русскихъ войскъ желательно ранѣе того ввести въ крѣпость.

4) Порядокъ выхода нашихъ войскъ; обезпеченіе продовольствіемъ съ 24-го (11-го) марта; сохраненіе вещей офицеровъ, кандидатовъ на офицерскій чинъ, военныхъ чиновниковъ и передача этихъ вещей, согласно правиламъ гаагской конвенціи; сохраненіе денщиковъ для названныхъ лицъ.

5) Обезпеченіе участи находящихся въ крѣпости раненыхъ и больныхъ, въ количествѣ около 20,000 человѣкъ, и оставленіе ихъ въ тѣхъ же госпиталяхъ.

Они поручаются рыцарской охранѣ его превосходительства командующаго блокадной арміей.

Оставленіе врачей и санитарнаго персонала при госпиталяхъ, а также войсковыхъ врачей при своихъ частяхъ.

6) Свободный выходъ военныхъ чиновниковъ и инженеровъ, обязанныхъ службой въ ландштурмѣ; свободный выходъ находящихся въ крѣпости семей офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ; поддержка ихъ; оставленіе имъ имущества; охрана ихъ и охрана жилищъ тѣхъ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и унтеръ-офицеровъ, которые были расположены въ Перемышлѣ.

7) Снисходительное отношеніе къ жителямъ крѣпостного района, принимая во вниманіе ихъ доброе поведеніе во время осады; охрана ихъ имущества; неотвѣтственность за прежнія политическія убѣжденія.

Неотвѣтственность и охрана всѣхъ государственныхъ, церковныхъ и общинныхъ чиновниковъ и органовъ, въ особенности также представителя общинъ,—правительственнаго комиссара ротмистра фонъ-Блажовскаго, не состоящаго на дѣйствительной службѣ.

Довольствіе жителей, большинство которыхъ не имѣетъ средствъ для пропитанія.

8) Охрана всѣхъ церковныхъ, государственныхъ и общественныхъ предметовъ и учрежденій.

9) Оставленіе документовъ, дневниковъ, протоколовъ и т. п., могущихъ служить къ оправданію или относящихся къ осадѣ и еще не уничтоженныхъ.

10) Оставленіе персонала штаба крѣпости, высшихъ штабовъ, штабовъ полковъ и иныхъ при ихъ командующихъ.

11) Издержки на содержаніе плѣннаго гарнизона крѣпости, согласно установленнымъ для русскихъ войскъ нормамъ.

12) Возможность служебныхъ сношеній между чинами гарнизона крѣпости также и во время плѣна.

Возможность сношеній для скорѣйшаго представленія къ наградамъ австрійскому верховному командованію арміями.

Генералъ Селивановъ получилъ приказаніе командующаго юго-западнымъ фронтомъ генерала Иванова не входить съ австрійцами въ обсужденіе условій и предложить имъ сдаться на волю побѣдителей. Они сдались.

Такъ сдалась неприступная крѣпость, о которой кайзеръ сказалъ:

— Занятіе Львова—временная сдача, которая легко разобьется о Перемышль.

Исторія знаетъ случаи, когда защитниковъ крѣпости, вынужденныхъ, въ концѣ-концовъ, сдаться, осаждающіе встрѣчали съ музыкой и цвѣтами, какъ героевъ.

Это бывало тогда, когда защитники были дѣйствительно герои.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ Перемышлемъ. Правда, Францъ-Іосифъ въ своихъ указахъ называетъ защитниковъ этой крѣпости героями, а комендантъ ея Кусманекъ о всей защитѣ говоритъ, какъ о подвигѣ. Но они совершенно упустили изъ виду слѣдующія выяснившіяся теперь обстоятельства.

Парламентеры, явившись въ штабъ командующаго осадной арміей генерала Селиванова, сначала просили о почетной сдачѣ. Они ставили условіемъ выпустить ихъ въ Австрію съ оружіемъ и документами. Но въ нашемъ штабѣ были тверды:

— Никакихъ условій!

Тогда австрійскіе парламентеры стали просить объ одномъ только:

Въ крѣпости составлены наградные списки офицеровъ. Ихъ необходимо послать въ Вѣну на утвержденіе. Дайте намъ возможность переслать эти списки нашему высшему военному начальству!

Вотъ о чемъ просили „герои“ Франца-Іосифа, когда рѣшался вопросъ о судьбѣ крѣпости.

И другое, еще болѣе позорное обстоятельство.

Когда думаешь о послѣднихъ усиліяхъ защиты, то невольно задаешься вопросомъ:

— Почему въ вылазкѣ 6-го марта, которая должна была рѣшить судьбу крѣпости,—почему въ этой вылазкѣ участвовало только 40 тысячъ человѣкъ?

Въ крѣпости было болѣе ста тысячъ солдатъ и офицеровъ. Почему не всѣ приняли участіе?

Можетъ-быть, это не входило въ планы Кусманека?

Теперь это обстоятельство выяснилось. Планъ Кусманека былъ ясный: сдѣлать послѣднее массовое усиліе прорваться. Имѣлась опредѣленная цѣль: захватить наши продовольственные магазины и соединиться съ австрійской арміей въ Карпатахъ. Понятно, что такую задачу долженъ былъ выполнить весь гарнизонъ, а не одна треть его.

Кусманекъ приказалъ всему гарнизону исполнить задачу прорыва. Но въ этотъ послѣдній, рѣшительный часъ, когда было ясно, что защитники должны или умереть на порогѣ крѣпости, или уйти за Карпаты и тамъ бороться съ русскими,—въ этотъ часъ двѣ трети

гарнизона отказались повиноваться приказу коменданта:

— Мы не пойдемъ!—заявили двѣ трети офицеровъ.

Что было дѣлать Кусманеку? Перестрѣлять за неповиновеніе? Но они застрѣлили бы его. Моментъ былъ такой, что надо было посмотрѣть на позорный фактъ сквозь пальцы. Кусманекъ такъ и посмотрѣлъ.

Пусть не подумаютъ, что двѣ трети офицеровъ, отказавшихся участвовать въ вылазкѣ, были славяне. Среди офицеровъ австрійской арміи славянъ очень мало. Отказавшіеся принадлежали къ тѣмъ господствующимъ народамъ Австро-Венгріи, изъ среды которыхъ вышло австрійское правительство.

Двѣ трети „героевъ“ хлопотали въ штабѣ ген. Селиванова черезъ своихъ представителей о наградныхъ спискахъ,—а одна треть офицеровъ, вѣрныхъ своему долгу, лежала въ это время на полѣ сраженія...

Понятно, что защитниковъ Перемышля никакъ нельзя было встрѣтить музыкой и цвѣтами.

Русскіе встрѣтили „героевъ“ сухо и съ усмѣшкой.

* * *

Шоссе ведетъ къ фортамъ. За версту мы увидѣли первый фортъ.

— Это—Гурка (Горка),—объяснили мнѣ.—Самый большой.

Кажется, гдѣ-то около этого форта въ сентябрѣ легли костьми наши солдаты, посланные на штурмъ.

Видъ у Гурко миролюбивый. Надъ полемъ, сажени на двѣ, возвышается холмъ съ оконцами и съ деревянной лѣстницей посерединѣ. Ничего грознаго. Ближе фортъ становится страшнѣе. Съ трехъ сторонъ его поле обвито проволочными загражденіями. По проволокѣ долженъ ходить сильнѣйшій электрическій токъ. Сзади фортъ со-

всѣмъ страшный. Онъ, прежде всего, высокій, сажень десять высоты, трехэтажный. Каждый этажъ похожъ на станціонное депо съ полукругомъ дверей. Все сдѣлано изъ желѣзо-бетона и стали. Въ форту большія угрюмыя зданія. Надъ пушками стальные щиты.

Правый бокъ форта буквально вырванъ взрывомъ. Въ серединѣ также разрушеніе. Пушки опрокинуты и раскиданы. Валяется по землѣ всякій хламъ. Стоятъ наши часовые и предупреждаютъ:

— Осторожнѣе!

Тутъ вездѣ можно налетѣть на мины и фугасы. Наши солдаты уже поплатились. Одинъ копнулъ лопатой и взлетѣлъ на воздухъ, другой дернулъ за проволоку и получилъ ожогъ лица. Говорили даже о сорока нашихъ солдатахъ, поплатившихся жизнью въ фортахъ.

Опасность отъ минъ заставила даже воспретить входъ въ форты и въ городъ. Это запрещеніе дѣйствовало весь день девятаго марта, пока наши саперы не осмотрѣли и не обезвредили мѣстность.

За фортомъ хаосъ только-что сдавшагося города. Блестятъ на солнцѣ въ безпорядкѣ раскиданныя мѣдныя пушки. Свалены въ кучи военныя повозки съ разными вещами. Раскиданы снаряды, ящики съ патронами... А далѣе... что такое?

— Мерзавцы!—слышу я около себя голосъ нашего солдата. Гляжу на него и вижу слезы на глазахъ.

Около полотна дороги, по карьеру и далѣе по полю валяются трупы лошадей. Головы ихъ въ засохшей лужѣ крови. Бока и крупы вскрыты и поражаютъ своимъ ужаснымъ кровавымъ видомъ. У многихъ лошадей вырваны внутренности.

Сотни труповъ. Лежатъ они другъ около друга: бѣлые, черные, сѣрые, коричневые... И всѣ поднимаютъ въ душѣ одно чувство: жалость.

— Господи!—слышу я голосъ того же солдата.—Ну,

мы, люди, бьемъ другъ-друга,—это такъ. Но чѣмъ виноваты несчастныя животныя?.. Мерзавцы!

Послѣдній эпитетъ относился къ австрійцамъ. Они совершили это варварство передъ сдачей. Вывели оставшихся кавалерійскихъ лошадей и перестрѣляли, чтобы не доставались русскимъ.

А 650 вагоновъ и 4 паровоза оставили намъ цѣлыми. Гдѣ логика?

И какъ можно предательски убить своего друга, какимъ является лошадь для человѣка?

По всему кровавому полю, около труповъ лошадей, ходятъ, стоятъ, сидятъ и лежатъ австрійскіе солдаты въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Тутъ за фортомъ Гурко лагерь военноплѣнныхъ.

Нѣкоторые изъ нихъ неподвижно лежатъ и смотрятъ въ голубую высь, другіе свѣжуютъ застрѣленныхъ лошадей и выбираютъ кусочки конины повкуснѣе. Иные въ этихъ цѣляхъ добираются до внутренней стороны реберъ и тамъ наскабливаютъ мяса. Тутъ же разложены костры, на которыхъ варятъ конину. А потомъ ее ѣдятъ, безъ соли и хлѣба...

Всѣ движенія австрійскихъ солдатъ лѣнивыя, усталыя. Отдаетъ ли онъ намъ честь, свѣжуетъ ли лошадь, ходитъ ли, сидитъ ли,—во всемъ признакъ остановившейся жизни. И, вѣроятно, нѣтъ другой мысли, кромѣ одной: „Гдѣ бы достать кусокъ хлѣба?“...

Отъ лагеря военноплѣнныхъ Перемышль въ двухъ верстахъ. Видны зданія и колокольни костеловъ. Справа—слобода Перекопань, вся разрушенная нашими снарядами. За ней—рѣчка Вихоръ, впадающая въ Санъ. На насыпи, около рѣчки, стоитъ разбитый въ щепы блиндированный поѣздъ. Взрывами уничтожены вагоны съ пушками и пулеметами. А паровозъ какимъ-то чудомъ сохранился.

Мы ходили кругомъ него и смотрѣли съ опаской,

не заложенъ ли гдѣ Бикфордовъ шнуръ. Что-то похожее на шнуръ торчало изъ-подъ колесъ... Мы съ испугомъ отошли отъ поѣзда.

Почти по отвѣсной лѣстницѣ пришлось спускаться къ рѣчкѣ. Мостъ взрывомъ переломленъ пополамъ и виситъ. Но настланы доски, и народъ переходитъ мутную и бурную рѣчку безъ опасности.

За Вихоромъ начинается городъ. Около первыхъ домовъ зачѣмъ-то устроены наблюдательный пунктъ на деревѣ, проволочныя загражденія и окопы. Изъ окоповъ въ амбразуру устало смотрятъ на насъ австрійскіе солдаты. И кажется, что они наводятъ на насъ ружья...

Въ сторонѣ опять страшное поле лошадиныхъ труповъ... Тутъ лошади валяются въ упряжи, въ сѣдлахъ.

* * *

Главная улица въ Перемышлѣ—улица Мицкевича. Она полна австрійскихъ солдатъ и офицеровъ. Офицеры ходятъ по тротуару, смотрятъ изъ оконъ и съ балконовъ. Всѣ они одѣты какъ на парадъ, въ щегольской формѣ. Имъ оставили холодное оружіе. Кромѣ того, у нихъ хлыстики. Пройдетъ,—оставляетъ духами слѣдъ.

Конвоя нѣтъ ни около солдатъ, ни около офицеровъ. Полная свобода. Они уходятъ за городъ, даже за форты...

Русскихъ сѣро-желтыхъ шинелей въ этомъ морѣ расписныхъ военныхъ костюмовъ очень мало. Кажется, что плѣнные мы, а не эти франты.

Голодъ въ глаза не бросается. По офицерамъ его не замѣтишь. Они розовые, на лицѣ выраженіе усмѣшечки. Лишь когда поговоришь съ солдатами, увидишь драму Перемышля. Почти всѣ солдаты желты, худы, еле передвигаютъ ноги.

Одинъ такъ охарактеризовалъ перемышльское сидѣніе:

— Ѣли конину и ждали васъ...

Другой говорилъ о неравенствѣ солдатъ-славянъ, съ одной стороны, и нѣмцевъ и мадьяръ—съ другой:

— Насъ, славянъ, морили голодомъ, а имъ жилось ничего... Мы въ окопахъ, а они—въ тылу.

Въ артиллерійскихъ казармахъ солдаты при мнѣ варили конину въ водѣ и ругали коменданта:

— Почему раньше не сдалъ крѣпости? Кому нужны наши напрасныя мученія? Все равно, вѣдь!

— А вы голодали?—спросилъ я одного солдата.

Тотъ отвѣтилъ:

— Голодали только глупые,—а умные ѣли хорошо. У офицеровъ было все, у солдатъ—ничего.

Когда не удался австрійцамъ прорывъ, и тысячи ихъ были взяты въ плѣнъ, то плѣнные говорили нашимъ солдатамъ:

— Стрѣляйте, не стрѣляйте, а мы все равно сдадимся... У насъ голодъ.

Большинство солдатъ на всѣ мои вопросы отвѣчало угрюмо и апатично:

— Скоро намъ дадутъ хлѣба?

На пальцѣ одного солдата-румына я увидалъ стальной перстень. Такіе перстни носятъ всѣ перемышльскіе солдаты и офицеры. Перстни сдѣланы изъ стаканчиковъ русской шрапнели и потому стали въ городѣ модны.

— Продайте,—говорю.

Снимаетъ кольцо съ пальца. Я даю ему русскихъ пятьдесятъ копѣекъ. Онъ махаетъ головой:

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Сколько же вамъ надо?

— Дайте кусокъ хлѣба...

Пришлось взять у нашихъ солдатъ ломоть чернаго

хлѣба и дать румыну. Онъ увидалъ хлѣбъ, вцѣпился въ него руками и побѣжалъ по улицѣ, боясь, видимо, что у него отнимутъ. Хлѣбъ ему дороже золота...

Вхожу въ „Ковярню Грана короля Штібера",—такъ написано на вывѣскѣ самаго посѣщаемаго кафе. Почти всѣ столики заняты австрійскими офицерами. Бильярды заняты ими же. Вспоминаю по этому поводу разсказъ казака: „Когда мы вошли въ Перемышль,—это было еще до выработки условій сдачи,—австрійскіе офицеры сидѣли въ кафе и играли на бильярдѣ"...

Спрашиваю блѣднаго, истомленнаго офиціанта:

— Есть кофе?

Подаетъ черный кофе.

— А молоко?

— Нѣтъ.

— А бѣлый хлѣбъ?

— Два мѣсяца не видимъ.

— А мясо?

— Есть чинка...

Принесъ на тарелкѣ нѣсколько кусковъ мяса, долженствующаго изображать ветчину. На самомъ дѣлѣ, по виду и по запаху, это—конина.

Я далъ офиціанту кусокъ ситнаго. Обрадовался бѣдняга страшно. Покраснѣлъ и убѣжалъ за перегородку.

Заняли столикъ два нашихъ генерала. Разложили на столѣ консервы. Отрѣзали большой коровай ситнаго и попросили хозяина передать австрійскимъ офицерамъ. Тотъ обошелъ столики. Каждый офицеръ отрѣзалъ себѣ по маленькому куску. Но было ясно, что нѣкоторые взяли хлѣбъ изъ вѣжливости. Они къ куску не притронулись...

На дверяхъ одного ресторана написано по-польски...

„Ресторанъ закрытъ по причинѣ недостатка съѣстныхъ припасовъ".

Интересны цѣны на съѣстные продукты:
Курица—12 руб.
Кило (около 2 фунт.) сахара—7 руб. 50 коп.
Кило соли—25 руб.
Хлѣбецъ (фунтовъ въ 5)—8 руб.
Кусокъ хлѣбца—40 коп.

Но цѣны эти существовали тогда, когда были съѣстные припасы. Въ послѣднее время ихъ нельзя было уже купить ни за какія деньги...

Конечно, богатые люди имѣли. Наши солдаты видѣли въ нѣкоторыхъ домахъ куръ. У бѣдныхъ же перестали водиться даже собаки и кошки... Наши солдаты утверждали, что ихъ съѣли мадьяры...

Плохо было австрійскимъ солдатамъ. Одна конина безъ соли не утоляла голода. Нѣкоторые умирали, такъ какъ не могли ѣсть конины.

Но еще хуже пришлось мирнымъ жителямъ. На нихъ обращали мало вниманія. Сначала имъ выдавали 14 килограммовъ муки въ мѣсяцъ на одного человѣка. Потомъ—семь. А въ послѣднее время—ничего. Я встрѣтилъ чеха, который мнѣ говорилъ:

— Уже три дня ничего не ѣлъ...

Дѣти и старики умирали отъ истощенія.

Каждую минуту всѣ ждали:

— Прорвутся изъ Вѣны и привезутъ хлѣба.

Все ожидали какихъ-то 160 боченковъ съ пищей.

Потомъ просто стали ждать... русскихъ.

* * *

Въ срединѣ города стоитъ гора. На ней—старый замокъ. Около замка небольшой паркъ съ прекраснымъ видомъ на долину Сана и на часть города. Это—мѣсто гуляній перемышлянъ. Здѣсь до войны гремѣла музыка.

Замокъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ жили русскіе

плѣнные. Въ одной стѣнѣ, окружающей дворъ замка, проломъ. Сюда упала бомба съ русскаго аэроплана и обсыпала камень и шкукатурку.

Въ нижнемъ этажѣ замка устроена кухня. Здѣсь кормили нашихъ плѣнныхъ. Всюду грязь. Настлана грязная солома. Впечатлѣніе такое, точно здѣсь не кухня, а дурно содержимая конюшня. По бокамъ столовой какіе-то темные казематы...

Со двора входъ во второй этажъ. Здѣсь былъ когда-то театръ. Остались и валяются въ безпорядкѣ декораціи. Бумажный шлемъ и королевскій жезлъ брошены въ сорный ящикъ. Въ ложахъ, партерѣ, на сценѣ—солома и кровати: здѣсь въ холодѣ спали наши плѣнные... На грязномъ дворѣ они гуляли.

Плѣнныхъ было не сорокъ тысячъ, какъ распускали слухъ австрійцы, а всего около двухъ тысячъ. Они истощены безкормицей и работой.

— На насъ поѣздили...

Заставляли ихъ много работать: копать землю, рубить дрова. Ѣсть давали мало.

— Конину, чортъ ее не ѣлъ...

Кто легко заболѣвалъ, тому австрійскій врачъ прописывалъ оригинальное лѣкарство: лишить обѣда...

Плѣнныхъ били, когда замѣчали, что они отстаютъ въ работѣ. Такой плѣнъ хуже каторги...

* * *

Перемышль—большой, чистый, культурный городъ съ трехъэтажными домами, скверами, памятниками. Онъ избѣжалъ разрушенія. Стоитъ цѣлехонекъ. Жители его не знаютъ ужасовъ бомбардировки, такъ какъ ядра русскихъ пушекъ до нихъ не долетали.

Разбита только слобода Перекопань, но она стоитъ далеко отъ города.

Жителей могли безпокоить только русскіе аэропланы. И они, дѣйствительно, безпокоили. На стѣнахъ домовъ я видѣлъ объявленіе городского комиссара д-ра Блацовскаго, запрещающее оставаться на улицахъ, когда непріятельскіе аэропланы показывались надъ городомъ.

Перемышляне были любопытны, какъ жители Парижа и Варшавы. Это—свойство человѣческой натуры. Когда въ воздухѣ парилъ аэропланъ, готовый бросить бомбу, жители заполняли тротуары, смотрѣли вверхъ, показывали на него пальцами и приглашали тѣхъ, которые оставались въ домахъ: „Подите посмотрите, это интересно!". Каждый изъ нихъ думалъ, что его не убьютъ,—убьютъ сосѣда, а не его...

Меня интересовалъ вопросъ: какой вредъ причинили русскіе аэропланы непріятельскому городу? Я разспрашивалъ жителей. Мнѣ давали разные отвѣты:

— Убили двадцать человѣкъ...

— А дома разрушали?

— Да.

Но разрушеній я не видалъ; только стекла въ нѣсколькихъ домахъ разбиты. Цифру же убитыхъ другіе сокращали до четырехъ. Одно несомнѣнно,—что моральное дѣйствіе аэроплановъ на перемышлянъ было огромное.

— У-у, что было!—разсказывали мнѣ жители и изображали на своемъ лицѣ ужасъ.

Перемышльскимъ стекламъ гораздо больше вреда причинили три взрыва санскихъ мостовъ, произведенные австрійцами въ ночь передъ сдачей. Отъ этихъ взрывовъ домовъ тридцать остались совершенно безъ стеколъ. Сила взрыва была такова, что погнулись лавочные желѣзные затворы на рынкѣ. Конечно, огромные санскіе мосты рухнули.

При мнѣ жители, которымъ надо было перейти на

другую сторону (Санъ протекаетъ среди города), карабкались съ опасностью по доскамъ, соединяющимъ разрушенныя желѣзныя части.

На берегу было много народа. Съ высокой набережной съ любопытствомъ смотрѣли внизъ австрійскіе солдаты. Около воды въ разныхъ мѣстахъ группами стояли наши солдаты и удили... австрійское оружіе.

Въ Санъ была брошена два дня назадъ масса ружей, револьверовъ, сабель патроновъ, сумокъ. Бросали, чтобы не досталось русскимъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ воды виднѣлся стволъ пушки...

Солдаты дѣлали изъ телеграфной проволоки длинныя „удочки“, съ крюками на концахъ, забрасывали ихъ какъ можно дальше и волокли по дну. На берегу лежали груды выловленыхъ винтовокъ, сумокъ и тому подобное. Винтовки почти всѣ сломаны.

— Клюетъ? — спрашиваютъ, смѣясь, другъ-друга солдаты.

— На револьверы бы напасть,—говорилъ одинъ изъ нихъ.—Ты допрашивалъ пановъ, Чубуковъ?

— Допрашивалъ.

— Ну?

— Говорятъ: „Здѣсь, около моста, ищите. Двѣ тысячи бросили“.

— Поищемъ...

Револьверы—рѣдкость. Ихъ ищутъ всѣ.

* * *

Какъ жили перемышляне во время осады?

— Все ждали своихъ изъ-за Карпатъ,—разсказывали мнѣ.

Возникали слухи:

— Близко. Идутъ.

Кто-то пускалъ эти слухи часто.

Тридцать тысячъ жителей,—болѣе богатыхъ,—выѣхали въ Будапештъ послѣ первой мобилизаціи. Остались въ Перемышлѣ двадцать одна тысяча такихъ людей, которымъ выѣхать было или нельзя, или некуда.

Городъ порѣдѣлъ, но жизнь въ немъ не останавливалась ни на минуту.

Выходили ежедневно двѣ газеты. Одна частная—„Земля Перемышльская“ („Ziemla Przemyska“), на польскомъ языкѣ.

Я былъ въ редакціи этой газеты, съ цѣлью купить комплектъ ея номеровъ за время осады. Тамъ испуганно посмотрѣли на меня:

— Нема, нема...

Послѣ долгихъ просьбъ, нашли декабрьскіе и январскіе номера.

— А послѣдніе?

— Газету закрыли австрійцы два мѣсяца назадъ.

— За что?

— За руссофильство...

По глазамъ и по смущенью вижу, что лгутъ. Дѣйствительно, въ „Землѣ Перемышльской“ были собраны всѣ инсинуаціи австрійскаго правительства по адресу русскихъ войскъ. Мы и раненыхъ добиваемъ, и пули „думъ-думъ“ у насъ въ ходу, и чего-чего не написано... За это газетъ не закрываютъ.

Но „Земля Перемышльская“ все-таки не дотянула до конца:

По недостатку бумаги...

Продержались все время осады правительственныя „Военныя Вѣдомости“. Ихъ достать негдѣ. Но я случайно разговорился о нихъ на улицѣ съ однимъ гимназистомъ, и тотъ продалъ мнѣ полный комплектъ этой газеты.

„Военныя Вѣдомости“ содержатъ приказы коменданта, указы императора и эрцгерцога и радіотеле-

граммы. Конечно, всѣ извѣстія обработаны въ нѣмецкомъ духѣ. И такъ обработаны, что мирные жители при первомъ появленіи русскихъ въ Перемышлѣ спрятались отъ страха:

— Перерѣжутъ!..

Раза три-четыре въ мѣсяцъ въ Перемышлѣ получались съ аэропланной почтой вѣнскія газеты.

Эта почта служила большимъ утѣшеніемъ въ одиночествѣ Перемышля. Но, по разсказамъ жителей, пользовались ею только военные. Частныя лица не имѣли права посылать письма съ летучей почтой:

— Впрочемъ, по протекціи было можно...

Недавно съ аэропланомъ произошелъ несчастный случай, въ силу котораго онъ долженъ былъ сбросить почту на землю.

Вѣроятно, онъ думалъ, что сбрасываетъ грузъ въ районъ австрійскихъ войскъ. На самомъ же дѣлѣ тридцать тысячъ писемъ отъ запертыхъ въ крѣпости пржемышлянъ попали въ руки русскихъ.

Много среди нихъ интересныхъ писемъ-открытокъ.

На всѣхъ надпись по-нѣмецки: „Летучая почта“. На каждомъ письмѣ штемпель: „Процензуровано“.

Во многихъ письмахъ говорится о прекрасномъ состояніи крѣпости.

„...Чувствуемъ мы себя хорошо,—говорится въ одномъ письмѣ,—особенно теперь, когда снѣговыя облака препятствуютъ летать надъ нами непріятельскимъ аэропланамъ“.

Въ городѣ до послѣдняго дня устраивались спектакли въ пользу семей убитыхъ воиновъ. Въ антрактахъ играла музыка.

Предо мной—громадная желтая афиша, извѣщающая публику о томъ, что 20-го февраля въ польскомъ театрѣ будетъ разыграна драма въ 4-хъ актахъ „Анна Каренина“.

Оказывается, нѣчто въ родѣ поддѣлки подъ произ-

веденіе нашего великаго писателя. Слова „Анна Каренина“ были написаны огромными буквами, а вверху—маленькими: „Еврейская“. Драма называлась: „Еврейская Анна Каренина“. Сочиненіе нѣкоего I. Златоревскаго. Дѣйствующія лица: Лейбъ Голкинъ, маклеръ; Бесси, его жена; Мозеле, сынъ, и т. п. Словомъ, драма изъ еврейской жизни. Играла еврейская труппа.

Въ антрактахъ—Militärmusik des K. K. L. I. R. Nr. 35.

Поляки устраивали свои спектакли. Незадолго до сдачи ихъ труппа въ „любительскомъ театрѣ“ ставила комедію „Tesc“. Въ антрактахъ также музыка—tamburizza.

Магазины и кафе были открыты. Но въ нихъ съ теченіемъ времени стало нечего покупать и нечего кушать.

Русскіе (офицеры и дамы) ходятъ теперь по этимъ умирающимъ лавкамъ и докупаютъ остатки.

Крона здѣсь стоитъ 39 коп.

— Позвольте,—возражаетъ кто-то изъ русскихъ:—приказомъ военнаго генералъ-губернатора Галиціи установлена цѣнность кроны въ 30 коп.

— Мы еще не знаемъ этого указа.

До Перемышля онъ не дошелъ.

Лавочника нельзя побѣдить. Онъ, въ концѣ-концовъ, при всякихъ условіяхъ остается побѣдителемъ...

Но гдѣ-то уже наши „разъяснили“ австрійскую крону. Встрѣтился мнѣ русскій съ пачкой бумажныхъ кронъ, улыбается отъ удовольствія, говоритъ:

— Купилъ.

— По скольку?

— По тридцать копеекъ. Наживу десятку.

— Какимъ путемъ?

— Продамъ во Львовѣ по сорокъ копеекъ.

— Кто же такой дурной купитъ?

— Покупаютъ.

Во Львовѣ есть оптимисты, которые скупаютъ австрій-

скія деньги. Они вѣрятъ, что австрійцы возьмутъ опять Галицію. Вѣрятъ, что курсъ австрійскихъ денегъ повысится.

— Одинъ нашъ намѣнялъ двѣсти рублей на кроны и поѣхалъ во Львовъ продавать...

Перемышляне начинаютъ переходить на новую русскую монету и разстаются со своими гульденами и кронами. Этимъ короткимъ моментомъ пользуются ловкіе люди.

Чтобы имѣть что-нибудь на память о Перемышлѣ, наши офицеры искали открытокъ съ видами города. Но въ лавкахъ отвѣчали:

— Нѣтъ.

— Почему такъ?

— Крѣпостное начальство давно такія открытки у насъ конфисковало...

* * *

Когда отворили ворота Перемышля, то, кажется, первые, кто оттуда вышли,—не вышли, а выбѣжали,— это были крестьяне-русины. Съ мѣшками за плечами, они шли по шоссе, сгорбившись и шатаясь отъ слабости.

Я спросилъ одного:

— Куда идешь?

— Домой, въ деревню. Еле выжилъ...

— Какъ ты попалъ въ Перемышль?

— Не по своей волѣ. Взяли тирольцы.

Австрійская армія, отступая передъ натискомъ русскихъ войскъ, забирала на своемъ пути все, что ей было нужно. Между прочимъ, она угоняла съ собой крестьянъ съ подводами. Ихъ нанимали для обоза, но наемъ этотъ былъ насильственный: кто не хотѣлъ итти, того гнали силой. Такимъ путемъ изъ галиційскихъ деревень исчезла (многіе навсегда) масса крестьянъ. Часть ихъ уже за Карпатами, а часть была въ Перемышлѣ.

Солдаты съѣли ихъ лошадей, а ихъ самихъ заставили исполнять въ крѣпости черную работу. Платили имъ 30 копеекъ въ день. Кормили впроголодь. Давали утромъ четверть фунта хлѣба или конины, а вечеромъ—бурду изъ чернаго кофе.

Нѣкоторые изъ подводчиковъ умерли отъ истощенія.

Когда я возвращался изъ Перемышля во Львовъ, то на промежуточныхъ станціяхъ видѣлъ толпы деревенскихъ женщинъ. Какъ только поѣздъ подходилъ къ станціи, бабы бросались къ вагонамъ и жадно искали кого-то въ толпѣ штатскихъ.

— Кого тебѣ?

— Мужа ищу. Форшпаномъ (двухконнымъ подводчикомъ) пошелъ въ Перемышль...

Когда не находятъ, то тутъ же плачутъ навзрыдъ.

— Семь мѣсяцевъ нѣтъ. Что я буду одна дѣлать съ дѣтьми? Хлѣба нѣтъ, бульбы нѣтъ...

Нечѣмъ помочь несчастнымъ женщинамъ. Кто вернетъ имъ мужей?...

Съ паденіемъ крѣпости пріободрились поселяне, жившіе въ ямахъ около города подъ постояннымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Они обнаружили свою хитрость,—хитрость приговореннаго къ смерти. Пошли на поле и стали копать картофель въ землѣ, вспаханной съ осени подъ хлѣбъ. Оказывается, такъ они хоронили картофель отъ австрійцевъ и отъ рускихъ. Кто можетъ подумать, что въ черной пашнѣ лежитъ картофель!

Но картофель успѣлъ промокнуть и частью сгнить. Крестьяне не брезгаютъ и гнильемъ...

* * *

Вечеромъ Перемышль представлялъ красивую картину. Зажглось электричество, засинѣли утесы дальнихъ

фортовъ. Въ лагерѣ военноплѣнныхъ загорѣлись сотни костровъ...

Вдругъ на потемнѣвшемъ горизонтѣ зажглась звѣздочка. Одна, другая, третья... Весь горизонтъ кругомъ засвѣтился фосфорическимъ зеленоватымъ свѣтомъ. Звѣздочки появлялись, быстро неслись вверхъ, потомъ падали внизъ и блѣднымъ огнемъ широко освѣщали мѣстность.

— Солдаты балуются,—сказалъ кто-то около меня. Австрійцы въ фортахъ оставили много ракетъ. Солдаты устроили фейерверкъ по случаю взятія Перемышля.

Ночь становилась темнѣе и холоднѣе. Но холодъ былъ весенній, съ предчувствіемъ яркаго утренняго солнца,

Черезъ двѣ недѣли я снова посѣтилъ Перемышль. Городъ сдѣлался обычнымъ провинціальнымъ галиційскимъ городкомъ. Соннымъ и вялымъ,—оттого, что корни его подрублены войной...

Еще въ первые дни послѣ паденія Перемышля городъ отражалъ на себѣ хаосъ только-что сданной крѣпости. Теперь все уже прибрано, приведено болѣе или менѣе въ порядокъ, и тотъ Перемышль, который интересовалъ весь міръ, пересталъ существовать. Всего одна-двѣ недѣли понадобилось на это.

Поѣзда уже ходятъ черезъ Вихорскій мостъ прямо къ городскому вокзалу. На-дняхъ возстанавливается полное движеніе черезъ Перемышль. Австрійцы своимъ безсмысленнымъ разрушеніемъ мостовъ пріостановили движеніе только на нѣсколько дней.

Ѣдемъ мимо фортовъ. Они уже пріобрѣли тотъ таинственный видъ, который имѣютъ всѣ крѣпости. Входъ постороннимъ лицамъ туда воспрещенъ. Вездѣ часовые. Начались работы по возстановленію.

Теперь выяснилось, что форты взорваны почти всѣ, но разрушенія сдѣланы частичныя.

Безобразной „лошадиной бойни“ уже нѣтъ. Трупы

всѣ зарыты, а шкуры лошадей сушатся теперь на солнцѣ.

Нѣтъ и лагеря военноплѣнныхъ. Остались отъ него только зола отъ костровъ и огромное количество коробокъ изъ-подъ консервовъ. Плѣнные почти всѣ уже въ Россіи. Въ городѣ остались только врачи и служащіе госпиталей.

Вокзалъ большой, чистый. Тамъ устроенъ хорошій русскій буфетъ.

На улицахъ „ласкаютъ взоръ“ русскіе городовые. На стѣнахъ уже много русскихъ объявленій.

Жирнымъ шрифтомъ напечатано оповѣщеніе:

„Кто изъ плѣнныхъ австрійцевъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, не явится къ 23-му марта, къ 9-ти час. утра, къ этапному коменданту (Сѣнная ул., д. № 3), тотъ будетъ преданъ полевому суду“.

Висятъ объявленія всероссійскаго земскаго союза. Это учрежденіе съ первыхъ дней въ Перемышлѣ и работаетъ здѣсь энергично.

Земскій союзъ открылъ безплатный амбулаторный пріемъ для мирныхъ жителей и безплатную раздачу лекарствъ. Онъ же рядомъ съ „Краснымъ Крестомъ“ и отрядомъ графини Шуваловой организовалъ продажу съѣстныхъ припасовъ по легитимаціоннымъ карточкамъ магистрата. Въ его лавкахъ мы видѣли толпы народа. За кроны и гульдены (по курсу 30 коп. крона) тамъ продаютъ жителямъ муку, пшено, сало, масло и т. п.

Питательные (для бѣдныхъ) пункты открыты „Краснымъ Крестомъ“. Во главѣ отряда работаетъ энергичный врачъ Коцубей.

Жители еще не привыкли къ русскимъ рублямъ, двугривеннымъ, гривенникамъ. Когда мѣняютъ свои кроны и гульдены на наши деньги, то пристально разглядываютъ монеты, кусаютъ зубами и долго что-то соображаютъ.

На рынкѣ какая-то женщина показываетъ намъ пятиалтынный и гривенникъ и говоритъ:

— Сколько это?

Говоримъ. Она вслушивается въ чуждые ей термины и, ничего не понимая, отходитъ.

Рядомъ съ объявленіями общеземскаго союза, „Краснаго Креста“ и отряда гр. Шуваловой висятъ объявленія русской власти. Она въ первые же дни позаботилась о женахъ австрійскихъ офицеровъ и пригласила ихъ для оказанія матеріальной помощи въ особыя бюро, въ которыхъ жены должны документами доказать свое родство съ офицерами австрійской арміи.

Защитники Перемышля устроились очень удобно: подъ бокомъ жили ихъ жены. Это, вѣроятно, повліяло на скорость паденія крѣпости: какому мужу пріятно угощать свою жену и дѣтей кониной? И какая жена и мать останется спокойной въ обстановкѣ голода и не потребуетъ отъ мужа скорѣйшей сдачи крѣпости?

Виситъ объявленіе русской власти, призывающее населеніе приносить свои жалобы въ случаѣ произвола служителей русской власти.

Мы долго ходили по улицамъ города. Мирные жители, боявшіеся въ первые дни выходить изъ домовъ, теперь всѣ на улицѣ. Только они одни и видны, военныхъ мало.

Открылись русскія лавки. Какое-то „Сѣверо-южное (?) товарищество“ продаетъ хлѣбъ, колбасу, консервы и т. п.

Рестораны и цукерни уже не такъ бѣдны, какъ въ первые дни послѣ паденія крѣпости. Намъ дали бѣлый хлѣбъ, супъ, телятину... Словомъ, питаніе наладилось.

Но въ бѣдныхъ семьяхъ, конечно, еще чувствуется недостатокъ пищи. Мальчикъ, продавшій намъ львовскую газету, попросилъ:

— Дайте кусокъ хлѣба!

Въ эстампныхъ лавкахъ до сихъ поръ продаютъ

положенную на ноты молитву австрійцевъ „Sancta Barbara“ (молитва святой Варварѣ), сочиненіе Гуго Шварца. Эту молитву пѣли и играли на музыкальныхъ инструментахъ осажденные перемышляне, такъ какъ вѣрили, что она отгоняетъ русскихъ отъ стѣнъ Перемышля. Святая Варвара, по молитвѣ перемышлянъ, будто бы поражаетъ русскихъ.

Теперь эту молитву раскупаютъ только русскіе...

Тамъ же русскимъ продаютъ гимнъ „непобѣдимому“ Кусманеку:

„Ура! Кусманекъ!“

Я думаю, что напоминаніе объ этомъ гимнѣ будетъ теперь непріятно и Кусманеку, и всѣмъ перемышльскимъ „непобѣдимымъ“ офицерамъ.

Намъ разсказывали, что на одной станціи раздушенные защитники Перемышля встрѣтились съ карпатскими австрійскими офицерами. Послѣдніе отвернулись отъ первыхъ...

Въ лавкахъ продаютъ кольца изъ русскихъ и австрійскихъ шрапнелей. Австрійцамъ ихъ продавали по 15-ти копѣекъ, а русскимъ—уже по 3 рубля... На то и русскіе, чтобы брать съ нихъ...

На берегу Сана необыкновенное оживленіе. Тамъ русскіе солдаты продолжаютъ удить... австрійское оружіе. Лески теперь уже болѣе усовершенствованныя. Прежде леской служила телеграфная проволока, очень упругая и неудобная. Теперь крюки прикрѣпляются къ концу бечевы. Леска забрасывается уже далеко.

При насъ выловили германскую пику. На берегу, въ кучѣ сломаныхъ винтовокъ и карабиновъ, стоитъ помятый пулеметъ. Его тоже поймали на днѣ рѣки.

Мечта всѣхъ—револьверы. Русины говорятъ, что наканунѣ сдачи австрійцы подвезли револьверы къ серединѣ моста на восемнадцати подводахъ и сбросили въ Санъ. Но уловъ револьверовъ ничтожный.

Это— любительская ловля. На дняхъ будутъ ловить оружіе уже спеціалисты. Съ нами ѣхалъ водолазный офицеръ съ командой водолазовъ...

* * *

Въ серединѣ города стоитъ гора. На ней—старый замокъ. Около замка небольшой паркъ съ прекраснымъ видомъ на долину Сана и на часть города. Это—мѣсто гуляній перемышлянъ. Здѣсь до войны гремѣла музыка.

Замокъ для насъ былъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ жили русскіе плѣнные. Въ одной стѣнѣ, окружающей дворъ замка, проломъ. Сюда упала бомба съ русскаго аэроплана и обсыпала камень и штукатурку.

Въ нижнемъ этажѣ замка устроена кухня. Здѣсь кормили нашихъ плѣнныхъ. Всюду грязь. Настлана грязная солома. Впечатлѣніе такое, точно здѣсь не кухня, а дурно содержимая конюшня. По бокамъ столовой какіе-то темные казематы...

Со двора входъ во второй этажъ. Здѣсь былъ когда-то театръ. Остались и валяются въ безпорядкѣ декораціи. Бумажный шлемъ и королевскій жезлъ брошены въ сорный ящикъ. Въ ложахъ, партерѣ, на сценѣ—солома и кровати: здѣсь въ холодѣ спали наши плѣнные... На грязномъ дворѣ они гуляли.

* * *

Разговариваемъ съ однимъ русскимъ врачомъ, который живетъ, по обязанностямъ службы, въ Перемышлѣ съ перваго дня сдачи крѣпости.

Онъ передаетъ, что недавно въ гаражѣ русскіе случайно нашли заряженую адскую машину, положенную тамъ австрійцами.

Поистинѣ на безобразія австрійцы неистощимы. Какая цѣль, какой смыслъ и какое утѣшеніе для нихъ?

Русскихъ солдатъ въ гаражѣ могло не быть. Если бы адская машина взорвалась, то поплатились бы жизнью мирные жители...

Тотъ же врачъ разсказалъ намъ со словъ австрійскихъ офицеровъ, что наканунѣ сдачи крѣпости дочь коменданта Кусманека улетѣла на аэропланѣ въ Краковъ съ важными документами...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Карпаты. Ужокъ. Несчастные русины. Старые трупы. Пѣсенки германцевъ.

Мы поднимаемся все выше и выше. Съ черной опьяненной кровью земли хотимъ уйти на небо. Между елями, которыми заросла гора, лежитъ еще снѣгъ. Изъ впадинъ пахнетъ сыростью. Но сверху, съ высоты прозрачнаго, весенне-ласковаго неба льются теплые лучи солнца. Хочется бодро и весело итти впередъ, взойти на самую вышку, вобрать въ грудь побольше воздуха и закричать что-нибудь дикое, какъ природа, но радостное. И долго кричать: „О-го-го-го-о-о-о-о-о!“ Пусть горное гулкое эхо разбудитъ людей и заставитъ ихъ вспомнить о веснѣ и о Богѣ. Но кругомъ гулъ пушечныхъ выстрѣловъ,—въ немъ тонетъ голосъ, какъ песчинка въ бушующемъ морѣ...

Наверху горы, въ деревьяхъ, стоитъ, прислонясь къ земляной стѣнѣ, маленькая халупка. Въ родѣ сторожки. Живетъ въ ней лѣсной сторожъ-русинъ, съ тремя дѣтьми и женой. Сторожить ему ничего не приходится,—о лѣсѣ ли думать, когда льется ручьемъ человѣческая кровь? Онъ пріучился думать только о хлѣбѣ. Какъ бы прокормить семью. Хлѣба давно нѣтъ, но былъ картофель. Русинъ спасъ его отъ австрійцевъ, зарывъ въ

землю. А когда пришли русскіе солдаты и стали спрашивать, нѣтъ ли картофеля, русинъ клялся, что „нима ницъ“:

— Вшистко австріяци заграбовали...

Стали искать и наткнулись на „братскую могилу“. Стоитъ могила на огородѣ, свѣже-одернована. На ней новый крестъ, а на крестѣ нацарапана надпись: „Здѣсь лежатъ герои русскіе солдаты“...

— Развѣ были здѣсь бои?

— Да еще какіе!

Не повѣрили солдаты и копнули могилу штыками. А тамъ оказался картофель. Дали русину по шеѣ, обругали и съѣли картофель. Пришелъ въ это мѣсто обозъ и расположился между деревьями. Простили русину простодушное кощунство и оставили жить въ халупѣ. Когда мы съ однимъ офицеромъ взобрались на кручу горы и зашли въ хату, тамъ стояла толчея. Въ халупѣ жили три солдата—непрошенные постояльцы. Къ нимъ приходили солдаты и курили махорку. Тутъ же бѣгали дѣти, и вѣчно что-то стирала, поднявъ подолъ платья, жена русина. Хозяинъ былъ доволенъ и веселъ,—собственно, постояльцемъ былъ онъ съ семьей, а солдаты были хозяевами, такъ какъ они кормили голодную семью.

Мы дали русину бѣлаго хлѣба, и онъ, довольный и веселый, разсказывалъ намъ, гдѣ какая гора и какое село стоитъ, какимъ путемъ пятилась отступающая австрійская армія, и сколько она повѣсила и забрала съ собой въ горы народа.

— Какъ же ты не попалъ?

— Гора спасла. Мадьяры шукали вездѣ, а сюда не дошли,—очень было грязно.

Ели не загораживали халупу. Она стояла выше ихъ. Съ крыльца былъ виденъ далекій, закрытый синей дымкой Ужокъ. Пять разъ перевалъ переходилъ изъ

рукъ въ руки. Густо политъ кровью перевалъ. Много ужасовъ видѣлъ съ вершины пограничный столбъ съ двумя дощечками, на которыхъ написано: „Венгрія“ и „Галиція“. Теперь Ужокъ въ рукахъ австрійцевъ,—мы отошли отъ него и доходили до станціи „Яблонки“, почти къ Туркѣ. Очертанія перевала еле видны съ нашихъ позицій. Но снова, въ шестой разъ наши войска неудержимой лавой идутъ къ Ужоку...

Русинъ разсказывалъ намъ въ десятый разъ кровавую эпопею войны и ея родного брата—голода, а мы, стоя на крыльцѣ халупы, прислушивались, какъ гулко въ горныхъ ущельяхъ раздаются тяжелые пушечные выстрѣлы. По Ужокской долинѣ съ обѣихъ сторонъ стоятъ великаны въ снѣговыхъ еще не стаявшихъ шапкахъ. Гдѣ-то среди нихъ крѣпко привязаны на цѣпь стальныя чудовища, которыя то-и-дѣло рвутся, гремятъ желѣзомъ и оглашаютъ воздухъ пронзительнымъ, дикимъ ревомъ.

Видны бѣлые разрывы снарядовъ, красные вѣера шрапнелей, ослѣпительный блескъ и дымъ нашихъ мортиръ.

А ночью здѣсь феерическая картина. Горы застланы лиловымъ сумракомъ, который постепенно переходитъ въ зловѣщій мракъ. Но въ темнотѣ нѣтъ покоя,—не погасла жизнь. Попрежнему бѣшенно, хотя и рѣдко, рвутся чудовища, и бурей разносится ихъ ревъ. А на вершинахъ кто-то пробуетъ электрическое освѣщеніе. Зажжетъ одну лампочку и потушитъ, потомъ зажжетъ цѣлый рядъ лампочекъ и снова потушитъ. Намъ хорошо видно мельканіе огней. Вотъ сразу загорѣлись два ряда лампочекъ и потухли. Тамъ гдѣ-то еще не кончился сегодняшній бой...

Русинъ пересталъ разсказывать. Долго онъ слушалъ баханье пушекъ, и, видимо, страхъ проникъ въ его сердце. Трогаетъ меня за локоть и шопотомъ говоритъ:

— А ваши не уйдутъ?

— Куда?

— Назадъ.

— Не знаю.

— Вы уйдете и я уйду съ вами. Мадьяры если придутъ,—зарѣжутъ... Только вы скажите, когда уйдете! Пожалѣйте!..

Снизу изъ-подъ горы послышались новые звуки. Впрочемъ, не новые: давно, съ самаго начала войны слышу ихъ. Они вездѣ, всегда,—ночью и днемъ, во всемъ районѣ военныхъ дѣйствій. Это идутъ по шоссе русскіе солдаты. Впередъ и впередъ... Скрипятъ повозки, громыхаютъ зарядные ящики, по ступицу въ грязи тащатся и стонутъ тяжелыя пушки. Но всѣ эти звуки не могутъ заглушить шаговъ солдата. Разъ-два, разъ-два... Мѣрно опускаются тяжелые сапоги на землю. Съ этимъ звукомъ я засыпалъ, съ нимъ просыпался. Онъ куда-то зоветъ, неудержимо влечетъ впередъ...

* * *

Съ кручи русинъ свелъ насъ другимъ путемъ. Онъ говорилъ, что у подножья горы, съ этого бока, стоитъ деревня, а отъ нея до Турки рукой подать. Можетъ-быть, въ деревнѣ найдемъ фурманку? Пошли и попали не то въ болото, не то въ помойную яму. Грязь невылазная, дорога среди горы разбита военнымъ обозомъ. Но главное—рѣзкій трупный запахъ. Зажалъ носъ платкомъ, и все-таки онъ проникаетъ. Словно тутъ разрыто кладбище.

Русинъ объяснилъ:

—Трупы не зарыты съ осени...

Тутъ произошелъ такой случай. По склону горы шелъ окопный бой. Была атака. Наши продвинулись впередъ и ушли на другую высоту. Дѣло было ночью.

Когда утромъ санитары пришли подбирать трупы, то оказалось, что ни труповъ, ни окоповъ не видать,—за ночь выпалъ густой снѣгъ и похоронилъ мертвецовъ. Засыпали землей, кого замѣтили. Трупы лежали подъ снѣгомъ всю зиму, а съ весной открылись и стали издавать запахъ. Санитары далеко впереди дѣлаютъ свое дѣло. Наняли русинъ закапывать мертвецовъ, но земля еще мерзлая, а голодный русинъ истощенъ и безсиленъ,—одного закопаетъ, а другого оставитъ. Да и не сыщешь мертвецовъ въ густой лѣсной гривѣ. Они лежатъ въ сору, въ грязи, подъ пепломъ черныхъ листьевъ

Деревня расположена при довольно широкой, теперь бурной и мутной, рѣкѣ Стрыѣ. Солнце такъ славно припекаетъ и зоветъ всѣхъ на воздухъ. Но деревня совсѣмъ мертвая. Нѣсколько домовъ разбито и сожжено. Остальные—съ раскрытыми крышами, съ разбитыми оконными стеклами, заставленными корытами и досками. Людей не видать. Мы вошли въ одну халупу. Бѣдность неприкрытая. Домъ топится по-черному. Сизый дымъ стоитъ столбомъ. Внизу, въ промежуткѣ между дымомъ и поломъ, на грязной дерюгѣ валяются двое ребятъ и баба.

— А мужъ гдѣ?—спрашиваемъ.

— На желѣзницу пошелъ за хлѣбомъ.

На станціи желѣзной дороги стоятъ наши пекарни. Оттуда кое-что перепадаетъ голоднымъ русинамъ. Въ деревнѣ нѣтъ давно ни картофеля, ни хлѣба. Если бы не жалостливые солдаты, всѣ бы умерли съ голоду.

Русинъ, ушедшій на желѣзницу,—рѣдкое исключеніе. Онъ какимъ-то чудомъ спасся отъ рукъ мадьяръ. Въ другихъ халупахъ нѣтъ совсѣмъ мужчинъ. Войтъ и одиннадцать крестьянъ были повѣшены австрійцами, а остальные взяты ими въ армію. Женщины съ дѣтьми только ночуютъ дома, а весь день проводятъ около

вокзала или въ Туркѣ. Выпрашиваютъ подаянія, жуютъ выброшенныя корки...

Съ русиномъ, уцѣлѣвшимъ отъ австрійцевъ, я встрѣтился около станціи. Онъ мрачно сосетъ трубку. Одѣтъ въ бѣлый тулупъ шерстью квеpху. Выглядываетъ отъ этого дикообразомъ. Началъ я съ нимъ говорить о необходимости весенней запашки, о скоромъ новомъ хлѣбѣ. Онъ какой-то странный: не понимаетъ или, можетъ-быть, забылъ, что крестьянинъ, что пришла пора сѣять хлѣбъ. Война вытравила изъ него элементарныя понятія. Какая тутъ, въ самомъ дѣлѣ, запашка, какой новый хлѣбъ, когда кругомъ одно истребленіе, и самая жизнь раздавлена? Впрочемъ, ни сѣмянъ, ни лошадей нѣтъ, и сѣять, все равно, нельзя...

Около станціи русинская толпа обратилась ко мнѣ и стоявшему около меня начальнику станціи (унтеръ-офицеру) съ мольбой:

— Скажите, когда будете уходить назадъ!

— Зачѣмъ вамъ?

— И мы съ вами уйдемъ...

Жалуются, конечно, на мадьяръ:

— Перерѣжутъ!

— Да за что же?

— Съ вами были знакомы.

* * *

Въ Турку мы прибыли, конечно, не на фурманкѣ (ни у кого въ деревнѣ не было коней), а „на своихъ на двоихъ“. Устали шлепать по жидкой грязи. Турка—совершенно мертвый городокъ. По обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ трубы съ грудой камней у основанія или стѣны съ нѣмыми впадинами оконъ. Бѣлая желѣзная крыша или прикрываетъ камни, или смятая валяется около нихъ. На уцѣлѣвшихъ домахъ русскія госпиталь-

ныя надписи и развѣвающійся красный крестъ. Среди города нѣчто въ родѣ рынка: тамъ толкутся люди, продавая тряпье и разные кусочки.

Около Турки, на самомъ берегу рѣки, стоитъ большой лѣсопильный заводъ. Владѣльца завода, конечно, нѣтъ. Онъ „утикъ“ и оставилъ русскимъ огромные запасы досокъ и бревенъ. Всю зиму наши топили печки этими досками, и все-таки запасъ оставался большой. Когда мы шли мимо завода, толпа разбирала кучу досокъ. Кто-то поглядѣлъ вверхъ и закричалъ:

— Австріякъ летитъ!

Дѣйствительно, надъ нами парилъ австрійскій аэропланъ. Простымъ глазомъ можно было видѣть черныя полосы на его крыльяхъ. За лѣсопильнымъ заводомъ былъ мостъ черезъ рѣку, а за рѣкой расположена Турка. Надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ и леталъ аэропланъ. Отовсюду повысыпалъ народъ. Гдѣ-то открыли стрѣльбу изъ винтовокъ, Но аэропланъ держался высоко, внѣ обстрѣла. Вдругъ отъ него отдѣлилась точка, которая стремительно полетѣла внизъ. Всѣ замерли. Ясно, что бомба. Куда она упадетъ? Точка быстро промелькнула и упала. Взрыва не послѣдовало.

— Въ воду,—донеслось до меня.—Эхъ, стрѣлки!..

Аэропланъ, послѣ неудачной бомбы, покружился и и улетѣлъ къ югу. Черезъ десять минутъ я былъ на вокзалѣ. Тамъ стоялъ гулъ отъ голосовъ. Нѣсколько эшелоновъ сгружалось, а два санитарныхъ поѣзда нагружались. Но никто не говорилъ объ аэропланѣ. Тутъ такъ часты его посѣщенія, что бомба стала обычнымъ явленіемъ. Къ ней привыкли...

* * *

Ужокское ущелье чрезвычайно живописно. На горахъ пятнами лежитъ снѣгъ, а внизу черная парная земля уже пускаетъ зелень. Много на пути тоннелей.

Поѣздъ съ клубомъ дыма и пара выскакиваетъ изъ одного отверстія и сейчасъ же опять погружается въ темноту другого. Внизу бьется о берегъ мутный Стрый. Всюду рощи. Бѣлые домики стоятъ въ деревьяхъ.

Въ карьерѣ полотна желѣзной дороги яркіе слѣды войны: зіяютъ ямы, вырытыя снарядами, блестятъ на солнцѣ коробки изъ-подъ консервовъ, валяются въ грязи телячьи ранцы, обоймы и т. п. Все это осталось отъ осени, зимой было покрыто снѣгомъ, а теперь обнаружилось.

За Яблонкой идутъ по горамъ рядами окопы. Тутъ недалеко уже наши позиціи. Слышна канонада. Бои носятъ упорный характеръ, потому что въ непріятельскихъ окопахъ сидятъ не австрійпы, а германцы.

Иногда непріятели бываютъ такъ близки отъ насъ, что наши солдаты слышатъ пѣсни, которыя они распѣваютъ. Недавно до слуха русскихъ долетали слова новѣйшей германской „частушки".

Нѣмцы пѣли:

Перемышль взяли вы,
А Галиція останется намъ...

— А этого не хочешь?—кричали въ отвѣтъ наши солдаты, когда имъ перевели „частушку".—Простись, колбаса, съ Галиціей!.. Какъ ушей своихъ не видать!

Изъ непріятельскихъ окоповъ иногда (впрочемъ, очень рѣдко) приползаютъ къ намъ германцы. Какъ это ни странно, но приходятъ они съ тѣмъ, чтобы сдаться нашимъ въ плѣнъ. Подчеркиваю: не австрійцы, а германцы—нѣмцы. Объ этомъ рѣдкомъ явленіи разсказывалъ мнѣ одинъ полковой командиръ. Пожалуй, никому другому я бы и не повѣрилъ.

— Да, перебѣгаютъ иногда... бываетъ,—говорилъ онъ.

— Что же они говорятъ?

— Разное. Одни просто: „Не хотимъ воевать". Это—

трусы изъ германской интеллигенціи, учителя, агрономы, призванные въ ландштурмъ. Но большинство—недовольные. „Насъ обманули,—говорятъ они.—Мы были ранены, и когда поправились, намъ обѣщали послать насъ въ тылъ, а вмѣсто этого послали прямо на передовыя позиціи, да еще не на свою территорію, а въ Австрію".

Играетъ нѣкоторую роль и недостатокъ пищи. Хотя въ этомъ отношеніи германцы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ австрійцы, такъ какъ о нихъ болѣе заботятся, но все-таки недостатокъ и у нихъ чувствуется. Горы требуютъ усиленнаго питанія, а имъ даютъ „равнинную" порцію. Иногда даже уменьшенную. Пища же у нѣмца главное.

— ...Ближе къ позиціямъ,—больше порядка. Въ тылу всегда бываетъ навалено и набросано. Здѣсь же, около батарей и окоповъ, чистота. Все на своемъ мѣстѣ, все вычищено и прибрано. Мы идемъ по шоссе и встрѣчаемъ на своемъ пути легко раненыхъ. Рану имъ перевязали въ лазаретѣ. Они оставили ружья и взяли вмѣсто нихъ палки и поплелись въ тылъ, къ желѣзной дорогѣ. Тамъ ихъ возьметъ санитарный поѣздъ.

— Когда раненъ?—спрашиваю.

— Сей минуту, ваше б-іе!

— Здорово претъ германецъ?

— И-и-и, страсть!..

Обычно я избѣгаю этихъ вопросовъ, знаю по опыту, что раненый всегда преувеличиваетъ силы врага. Онъ смотритъ черезъ призму своихъ страданій. Тѣ, кто составляютъ понятіе со словъ раненыхъ, ошибаются...

Влѣво отъ насъ—холмикъ. Спутникъ повелъ меня туда. Холмикъ внѣ ружейнаго обстрѣла, но съ него видна часть боевого района. Съ помощью бинокля я ясно вижу позиціи врага и понимаю, при какихъ условіяхъ приходится итти рускому солдату.

Наши окопы внизу, у подножья двухъ рядомъ стоящихъ высотъ. Видно, какъ надъ линіей этихъ окоповъ рвутся австрійскія шрапнели и вспыхиваютъ облачка снарядовъ. Но не въ этомъ обстрѣлѣ главная трудности, Намъ не приходится сидѣть въ окопахъ, а надо итти впередъ и впередъ. Но стоитъ только показаться изъ окоповъ, какъ мгновенно всѣ высоты, стоящія надъ линіей нашего расположенія, оживаютъ и загораются. Тамъ вездѣ, въ каждой норѣ врагъ, который встрѣчаетъ атаку проливнымъ дождемъ изъ пулеметовъ, ружей и пушекъ...Въ этой адской обстановкѣ сѣрый русскій титанъ, ничѣмъ не защищенный, кромѣ своей безумной храбрости, бѣжитъ на высоту, карабкается, падаетъ, встаетъ и опять бѣжитъ. Пока не свалится или не выбьетъ непріятеля изъ окоповъ штыкомъ.

Упорно и стойко дерется врагъ. Наши побѣды надъ нимъ—сплошное геройство.

Въ лазаретѣ спрашиваю одного солдата о его ранѣ. У него перевязаны подбородокъ и рука. Слышитъ мой вопросъ солдатъ, но молчитъ. Потомъ беретъ бумагу, перо и пишетъ мнѣ отвѣтъ. Оказывается, онъ не можетъ говорить: у него перебитъ вмѣстѣ съ челюстью языкъ.

Исторія его раны такова. Солдатъ благополучно добѣжалъ до непріятельскихъ окоповъ. Наткнулся на пулеметъ. Но занесъ штыкъ надъ наводчикомъ и готовъ былъ его заколоть. Наводчикъ, раненый, бросается на колѣни и отдается въ плѣнъ. Солдатъ опустилъ штыкъ. Въ этотъ моментъ наводчикъ берется за ручку пулемета и начинаетъ вертѣть. Солдату отрѣзало низъ челюсти и оторвало палецъ на рукѣ.

— Зажалъ я бороду лѣвой рукой,—пишетъ мнѣ солдатъ,—а правой вонзилъ нѣмцу штыкъ въ загорбокъ...

* * *

Опять шоссе. Опять знакомый ровный и мѣрный шагъ солдата. Впередъ! Я понимаю теперь, какую огромную, непобѣдимо-упорную силу скрываетъ въ себѣ этотъ тяжелый звукъ солдатскихъ сапогъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

По пути къ Козювкѣ. Сколе. Артиллерійскій бой.

Изъ Стрыя ясно видны снѣговыя вершины Карпатъ. Онѣ величественно высятся на голубомъ горизонтѣ, горятъ на солнцѣ искрами и временами алѣютъ. Но до горъ еще далеко,—добрыхъ мили четыре.

Поѣздъ нашъ идетъ съ интендантскимъ грузомъ. На платформахъ навалены мѣшки съ мукой. Бросаются въ глаза надписи на вагонахъ: на одномъ—„Elsass-Lothringen“, а на другомъ, рядомъ стоящемъ,—„Омская“. Европа и Азія имѣютъ въ нашемъ поѣздѣ своихъ представителей...

На мѣшкахъ расположились человѣкъ десять блѣдныхъ, только-что выпущенныхъ послѣ ранъ изъ стрыйскаго госпиталя солдатъ. Они возвращаются на позицію. Въ одной группѣ съ ними сидятъ и жуютъ хлѣбъ пять нижнихъ чиновъ конвойной команды. Они отвели плѣнныхъ въ Стрый и теперь ѣдутъ назадъ, въ свою часть. Тутъ же трое русинъ, лѣниво и безучастно относящихся ко всему. Они пришли въ городъ искать работы, но, не найдя ея, потянулись домой, въ разоренную карпатскую деревню. Около русинъ сидимъ я и двое офицеровъ.

Мы ѣдемъ по ровной долинѣ, которая началась у Миколаева и гдѣ-то тамъ впереди широкимъ клиномъ

врѣзалась въ Карпаты. Внизу шумитъ по камнямъ мутная горная рѣчка Стрый. По берегамъ ея густо пробилась трава. Зеленая долина нѣжится на яркомъ солнцѣ и купается въ его ласковыхъ лучахъ. Но деревья стоятъ еще голыя, красновато-лиловыя и трепетно ждутъ обновленія.

Весна въ своемъ раннемъ, нѣжномъ періодѣ. Съ ея чарующей улыбкой какъ-то не вяжется война. Въ зеленой стрыйской долинѣ весна вернула къ жизни убитыя войной человѣческія силы. Бѣлые домики деревень и фольварковъ словно проснулись послѣ кошмарнаго сна. Мертвая тишина смѣнилась звуками. Высыпали на солнце люди изъ халупъ и радуются безотчетной радостью. Грязные ребята въ дырявыхъ рубашонкахъ весело скачутъ подлѣ нашего поѣзда и кричатъ: „Панъ, дай копейку!“ Имъ не даютъ, но съ лица ихъ не сходитъ радость. Долина пестритъ цвѣтными костюмами русинъ и русинокъ. Больше послѣднихъ. На полосахъ идетъ пахота. Пашутъ на коровахъ, быкахъ и кое-гдѣ на лошадяхъ. Сѣмена крестьяне получили отъ русскаго правительства.

— А у васъ уже пашутъ?—спрашиваю я сидящаго рядомъ русина. Хочется мнѣ вызвать его на мирный разговоръ о земледѣліи.

— У насъ снѣгъ лежитъ,—отвѣчаетъ онъ, не мѣняя своей безучастной позы.—Да и полей у насъ нѣтъ,—на нихъ германъ сидитъ и шанцы копаетъ.

— Откуда вы?

— Изъ Росохача, Туркинскаго повіта. Деревню нашу германы разбили. Кого увели къ себѣ, а мы бѣжали. Вашъ офицеръ сказалъ: „Ступайте взадъ, солдаты накормятъ“...

— Куда же вы теперь возвращаетесь?

— Брата и мать шукать. Пропали. Какъ германъ началъ пушками по деревнѣ бить, мы вмѣстѣ съ

матерью изъ халупы выбѣжали. А потомъ всѣ растерялись,—темно было...

Такъ же лѣниво и безучастно онъ повѣдалъ намъ, что около Росохачева на дняхъ „наши“ взяли въ плѣнъ 150 германцевъ.

— Окружили въ окопахъ?

— Нѣтъ. Германы сами сдались. Вышли изъ окоповъ, винтовки побросали, руки подняли вверхъ. Кричатъ: „Не хотимъ воевать!“ Они три дня безъ хлѣба сидѣли,—подвоза къ нимъ не было. Пригнали ихъ въ Сколе. Комендантъ далъ имъ хлѣба, чая,—всего. Ну, повеселѣли германы...

— Это бываетъ,—авторитетно отозвался конвойный. —А только вообще германцевъ кормятъ хорошо. Мы ихъ каждый день водимъ. Рожи у нихъ красныя, отъ жиру лопаются...

— И такъ легко въ плѣнъ германцы не сдаются,— сказалъ офицеръ.—Это не австрійцы.

— У австрійцевъ, вѣрно, харчъ плохой,—продолжалъ конвойный.—Хлѣба четыре фунта на семь денъ даютъ. Тутъ воевать-то подумаешь! А мы плѣннымъ по два фунта на день отваливаемъ. Выходитъ, въ плѣну-то слаще...

Солдатъ, только-что вышедшій изъ госпиталя, повернулъ къ намъ свое лицо.

— Въ Стрыѣ евреи говорятъ, что въ маѣ замиреніе выйдетъ,—сказалъ онъ, понижая голосъ.—А евреи все знаютъ...

— Почему въ маѣ?

— По тому случаю,—шопотомъ отвѣтилъ онъ, точно сообщалъ величайшую тайну,—что хлѣба у австрійцевъ нима ницъ. А безъ хлѣба какая война?! Перемышль, вонъ, сдали. Теперь всю Австрію сдадутъ..

— Больно ты прыткій,—сказалъ другой солдатъ.

— Чудаки плѣнные австрійцы,—вспомнилъ что-то

смѣшное конвойный и засмѣялся:—казаковъ шибко боятся. Увидятъ,—и всѣ, какъ овцы, въ кучу собьются и голову внизъ, молчатъ...

— А много вы водили плѣнныхъ германцевъ?

— Въ каждой партіи обязательно бываетъ пять-шесть человѣкъ. А за послѣдніе три дня не было ни одного. Австрійцы говорятъ, что нѣмцевъ угнали отъ Козювки. На Краковъ они быдто подались... а можетъ, и еще куда...

Въ самомъ началѣ стрыйской долины войны незамѣтно. Нѣтъ яркихъ слѣдовъ ея. Окопы рѣдки. Совсѣмъ не видать разбитыхъ и сожженыхъ домовъ. Лишь коегдѣ халупы стоятъ безъ стеколъ. Въ этихъ счастливыхъ мѣстахъ обѣ арміи шли „мирно“. Около одной деревни я замѣтилъ „дачную“ картинку. Поѣздъ шелъ мимо зеленой лужайки. На лужайкѣ сидѣли двѣ барышни и читали книжки, закрывшись отъ солнца красными зонтиками. Это—въ двадцати верстахъ отъ боя!..

— Откуда такія нарядныя?—спрашиваю конвойнаго.

— Расейскія...

Карпаты начинаютъ къ намъ сразу и быстро приближаться. Окружаютъ, коварные, съ обѣихъ сторонъ. Заманили насъ въ западню и теперь думаютъ задушить въ ущельѣ. За станціей „Лубенцы“ окопы попадаются чаще. Около полотна дороги расположено укрѣпленіе съ проволочными загражденіями. Мелькаютъ сѣрые кресты на братскихъ могилахъ. Деревни полны солдатами. Часто попадаются сѣрыя колонны плѣнныхъ. Тянутся куда-то безконечные военные обозы вперемежку съ подводами русинъ, которые ѣдутъ изъ разоренныхъ деревень.

Въ Вышнемъ-Синеводскѣ Карпаты висятъ надъ нами отвѣсными скалами и готовы раздавить. Въ этомъ злополучномъ мѣстечкѣ въ октябрѣ мадьяры повѣсили одиннадцать русинскихъ крестьянъ и въ злобѣ бросили тѣла ихъ въ топкое мѣсто, запретивъ, подъ угрозой смерти,

предавать погребенію. Хотя Синеводскъ уже мѣсяцевъ пять въ русскихъ рукахъ, но русины были такъ запуганы мадьярами и такъ вѣрили въ ихъ возвращеніе, что тѣла всю зиму пролежали въ болотѣ, и только на-дняхъ, и то русскими властями, трупы замученныхъ русинъ были извлечены и преданы землѣ.

Ближе къ Сколе мѣстность принимаетъ очаровательный видъ. Поля кончились и не вернутся. Мы—въ горахъ. Властные Карпаты согласились, и то поневолѣ, дать мѣсто только одной рѣчкѣ—безпокойному, юркому Стрыю. Да человѣкъ отвоевалъ у нихъ по берегу узенькую полоску подъ шоссе и подъ желѣзную дорогу. Все остальное пространство безраздѣльно занято горами. Онѣ сжали ущелье въ своихъ могучихъ тискахъ.

Весь низъ Карпатъ одѣтъ въ сплошную чешую елей. Деревья наклонились надъ рѣчкой. На верхахъ лѣсъ рѣже, съ плѣшинами. Фонъ горъ изумрудно-зеленый, освѣщенный ослѣпительнымъ солнцемъ. Лишь на самой макушкѣ бѣлыя пятна. Тамъ изящныя, нѣжныя елочки осуждены стоять по колѣно въ вѣчномъ угрюмомъ снѣгу. За послѣднія семь лѣтъ,—какъ говорятъ жители, —верхи Карпатъ уже не освобождаются отъ снѣга.

Поѣздъ идетъ черезъ тоннель и, наконецъ, выбывается изъ ущелья. Двѣ зеленыя громады раздвинулись и дали мѣсто небольшой круглой долинѣ, которой люди воспользовались, чтобы построить городокъ Сколе. Вдали, на взгорьѣ, изъ зеленой чащи выглядываютъ два красивыхъ дома дачной архитектуры.

Они больше всего сказали мнѣ о мирѣ и отдыхѣ. Не доѣзжая до города, по берегу Стрыя расположенъ большой лѣсопильный заводъ съ огромнымъ запасомъ досокъ и бревенъ. Такихъ заводовъ по Стрыю нѣсколько. Всѣ они, оказывается, принадлежатъ одному богатѣйшему венгерскому еврею. Онъ же, говорятъ, является

владѣльцемъ и бо́льшей части здѣшнихъ лѣсовъ. Въ мирное время весной онъ сплавлялъ дерева по бурному Стрыю на сотни милліоновъ кронъ. Всю зиму съ его лѣсопильныхъ заводовъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, возили на позиціи доски и бревна для нашихъ окоповъ, бараковъ, офицерскихъ палатокъ и просто для отопленія...

Сколе—маленькій городокъ, затерявшійся въ Карпатахъ. Онъ цѣлъ, его пощадили снаряды, но жизни въ немъ осталась капля. На вокзалѣ и на путяхъ движеніе, обычное для узлового пункта, куда подвозятъ раненыхъ съ позицій, и откуда слышна артиллерійская стрѣльба. Пушки бахаютъ въ пятнадцати верстахъ, а гулъ ихъ слышенъ такъ ярко, точно бой идетъ вонъ за той зеленой горой. Карпаты шутятъ милыя шутки: усиливаютъ звуки, чтобы устрашить человѣка.

— Гдѣ стрѣляютъ?— спросилъ я у кого-то.

— У Козювки.

Ласковая сестра милосердія юго-западной организаціи угощаетъ меня чаемъ на перевязочномъ пунктѣ и говоритъ:

— Вы, вѣроятно, поѣдете въ Козювку?

Стоитъ санитарный поѣздъ, полный ранеными. Задаю вопросъ:

— Гдѣ получили раны?

— За Козювкой.

Молоденькая сестра проситъ загорѣлаго офицера непремѣнно показать ей:

— Козювку.

Начальникъ станціи формируетъ поѣздъ и говоритъ:

— Сейчасъ на Козювку, а ужъ потомъ на Стрый.

На запасномъ пути стоятъ четыре платформы съ пушками и солдатами. На платформахъ расположилось человѣкъ пятьдесятъ русинъ. На яркомъ солнцѣ рѣзко выдѣляются ярко-красные платья и платки дѣвушекъ.

Къ платформамъ время-отъ-времени подходятъ солдаты, вынимаютъ изъ-подъ шинели хлѣбъ и отдаютъ русинамъ, говоря: „На всю братію!"... Точно милостыню на паперти подаютъ.

— Откуда вы?—спрашиваю.

— Они, ваше благородіе, изъ Козювки,—отвѣчаетъ за нихъ солдатъ.—Разнесчастные люди... Выгнали ихъ оттуда..

— За работой ѣдемъ,—угрюмо сказалъ русинъ.

— Почему ихъ выгнали?—обращаюсь къ солдату.

— Тамъ идетъ стрѣльба, ваше благородіе, а они мѣшаются.

Русины—жители села Козювки. Болѣе двухъ мѣсяцевъ изо дня въ день, не переставая, идутъ бои около села и въ селѣ, но жители все время оставались тамъ.

— Такъ и жили подъ снарядами?

— Что же дѣлать!

— Село цѣло?

— Все разбито.

Жители старались приспособиться къ обстрѣлу. Когда германцы стрѣляли по Козювкѣ изъ-за хребта высоты 992, не имѣя на вершинѣ этого хребта наблюдательнаго пункта, направляющаго стрѣльбу, то снаряды ложились въ одну часть деревни, и тогда жители переселились въ другую часть. Когда же подъ обстрѣломъ оказались обѣ половины села, жители день проводили за деревней, въ ямахъ, шалашахъ или въ халупахъ сосѣднихъ селъ и фольварковъ, а на ночь, когда стихала стрѣльба, приходили въ родную Козювку. Уходить далеко отъ нашихъ солдатъ имъ было нельзя: солдаты ихъ кормили, только около солдатъ они существовали. Поэтому большею частью они толклись около нашихъ военныхъ обозовъ, жили съ солдатами въ однѣхъ землянкахъ, ѣли изъ одного котла.

— Придутъ бабы, голосятъ: „Дай, Христа ради,

хлѣба!"—разсказывалъ мнѣ солдатъ.—Ну, мы похлебаемъ, а имъ даемъ остатки. Люди, вѣдь.

— Подъ снаряды никто не попадалъ?—спрашиваю я русинъ.

— Сколько перебили народа! У меня жену и дочь убили. Шли за водой,—снарядъ упалъ и разорвалъ ихъ на части, похоронить было нечего. Собиралъ,—ничего не собралъ.

— Убили моего отца,—сообщила одна дѣвушка.

— У меня погибъ сынъ.

— Многіе остались тамъ.

Русины до сихъ поръ жили бы около своей Козювки. Снаряды ихъ не пугали. Но случилось другое. Солдаты стали замѣчать, что по халупамъ села ходятъ какіе-то неизвѣстные люди въ костюмахъ русинъ. Въ церкви нашли вдругъ телефонъ. Въ землянкахъ и баракахъ около нашихъ обозовъ наталкивались на людей, одѣтыхъ въ солдатскую шинель, но не знающихъ своего полка...

Узнать, которые мирные жители и которые немирные, было нельзя.

Тогда козювкинцевъ выселили. Они ѣдутъ теперь куда-то „искать работы".

Дѣйствительно, „разнесчастные люди".

Словомъ, въ Сколе, на вокзалѣ, все было полно Козювкой. Это село склоняли во всѣхъ падежахъ.

Козювка соединена со Сколе подъѣзднымъ путемъ. Венгерскій еврей, владѣлецъ лѣсопильныхъ заводовъ, построилъ этотъ путь для своихъ коммерческихъ цѣлей. Дорога идетъ по глухому ущелью. Зеленые великаны давятъ своею тяжестью на наши игрушечные вагончики, наполненные мукой. Иногда становится страшно: нависшія скалы того и гляди обрушатся, и отъ насъ не останется даже слѣда, „похоронить будетъ нечего". Но поѣздокъ не боится, безстрашно несется черезъ горныя

рѣчки, юлитъ подъ носомъ у великановъ и даже вызывающе свиститъ имъ въ старыя, сѣдыя уши.

Баханье пушекъ становится все явственнѣе, громче. Подъ конецъ гулъ не стихаетъ совершенно,—только или усиливается, или ослабѣваетъ. „Уууу-уууу!“—несется по ущелью сплошное эхо. Не успѣетъ звукъ замереть, какъ слѣдомъ прилетаетъ другой, третій... Сталкиваются другъ съ другомъ, борются, падаютъ, поднимаются... „Уууууу!“... Земля дрожитъ, и кажется, что гдѣ-то отрываются камни и летятъ въ пропасть вмѣстѣ съ людьми. И кто-то кричитъ послѣднимъ крикомъ. Страшно въ глухомъ ущельѣ...

Поѣздъ замедляетъ движеніе, и мы упираемся въ зеленую стѣну. Полотно въ этомъ мѣстѣ не прерывается, а только дѣлаетъ загибъ, обходъ скалы, но мы остаемся на мѣстѣ. Двигаться дальше нельзя.

Взбираемся вверхъ по камнямъ. Передъ нами картина артиллерійскаго боя. За загибомъ полотно продолжается и доходитъ до бѣлыхъ домиковъ. Туда же направляется и шоссе.

— Что тамъ такое?—спрашиваю я.

— Это—Козювка!

* * *

— Маршъ! Маршъ!—командуетъ мнѣ спутникъ.— Еще одно усиліе!

Я плохо слышу его: гулъ артиллерійской стрѣльбы разрастается, а разрывы снарядовъ бьютъ молоткомъ въ уши. По камнямъ, осыпающимся подъ ногами, мы взобрались на гору, поросшую ельникомъ, и увидали верстахъ въ трехъ отъ себя бѣлые домики Козювки. Путь до нея находится подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ обстрѣломъ.

Въ кого они стрѣляютъ?—задалъ я себѣ вопросъ. Дорога была совершенно безлюдна.

Съ сѣраго камня, надъ которымъ заботливо и любовно наклонилась стройная ель, простымъ глазомъ видно, какъ время-отъ-времени на бѣлое шоссе садилось темно-желтое облако разорвавшагося снаряда. Словно огромная, распустившая крылья, птица. Снарядъ рвалъ вокругъ себя все на части, безжалостно вырывалъ куски изъ земли и, сдѣлавъ это жестокое дѣло, закрывалъ скорѣе это безобразіе столбомъ сѣрой пыли. Видно, какъ страшно изуродовано ямами шоссе. Снаряды ложились „въ ниточку" и ямы шли рядами, какъ открытыя могилы на благоустроенномъ кладбищѣ.

Въ кого же, все-таки, они стрѣляютъ,—неотвязно вертѣлся вопросъ. Я видѣлъ, что всѣ, которые пріѣхали со мной изъ Сколе, направились на наши позиціи другими, безопасными дорогами. Въ кого же?

— Дуютъ по собственной тѣни,—сказалъ, смѣясь, мой спутникъ.—Нѣтъ, просто не хотятъ, чтобы мы ходили по этой дорогѣ...

— Если такъ обстрѣливаютъ путь къ Козювкѣ, то какъ же стрѣляютъ по самой Козювкѣ?—говорю я ему.—Она ближе къ германцамъ. Они должны ее стереть съ лица земли.

— Къ тому же, она совершенно открыта съ ихъ наблюдательнаго пункта,—подтвердилъ спутникъ.—И все-таки туда они бахаютъ меньше, чѣмъ въ путь... Для нихъ Козювка не страшна... Видите, вонъ, зеленую гору, прямо надъ селомъ. Если присмотритесь, то замѣтите тамъ двѣ возвышенности: первая высота—946 метровъ, а вторая, дальше стоящая,—992 метра. Видите?

Я отлично видѣлъ обѣ горы. Девяностодвухметровая, какъ зовутъ сокращенно извѣстную высоту 992, широкая, лысая, съ отлогими скатами.

— На ней и находится наблюдательный пунктъ противника,—разсказывалъ спутникъ.—Прямо виситъ надъ Козювкой!

Село растянулось по ущелью версты на двѣ и уперлось въ горы. Само по себѣ оно не играетъ крупной стратегической роли и является какъ бы безплатнымъ приложеніемъ къ высотѣ 992. Чья высота, того и Козювка. Но германцы, овладѣвъ высотой, не сумѣли оставить за собой Козювки...

Двухмѣсячный жестокій бой у Козювки шелъ, собственно, изъ-за обладанія высотой 992. Гора эта была покрыта трупами и легендами...

* * *

Не ищите Козювку на картѣ. Тамъ ея нѣтъ. Есть село Козіово. А Козевка, или, какъ ее зовутъ солдаты, Козювка,—вольная передѣлка. Иногда русскіе называютъ село иначе, совсѣмъ ужъ неудобопроизносимо. Много пущено здѣсь чистыхъ, какъ деготь, русскихъ словъ, отъ которыхъ краснѣютъ Карпаты. Но любопытно, что въ слово Козювка солдаты вкладываютъ какое-то, непонятное для меня, презрѣніе.

— Вотъ ужъ истинно Козювка!—говорилъ мнѣ одинъ солдатъ.—Когда подъѣзжаешь къ ней, такъ за версту въ носъ шибаетъ.

— Отчего?

— Провоняла вся. Убивать—убивали, а хоронить забывали.... Козювка!..

— Когда тутъ, землякъ, хоронить,—вмѣшался другой солдатъ.—Мы, какъ грѣшники, два мѣсяца въ аду сидѣли. День и ночь бой. И какъ только выкарабкались! Дѣти, видно, за насъ молились!

Гдѣ человѣка застала смерть, тамъ онъ и лежитъ. По склонамъ высотъ масса труповъ. Они разбросаны по селу: среди улицы, въ окопахъ, въ халупахъ. Подойти къ мертвымъ нельзя: съ обѣихъ сторонъ безпрерывная, день и ночь, стрѣльба. Невозможно носа

высунуть. Воздухъ, въ концѣ-концовъ, такъ загнилъ, что дышать стало тяжело. Германцы долго терпѣли, но однажды прислали парламентеровъ къ русскимъ:

— Давайте прервемъ бой и похоронимъ мертвыхъ!— предложили они.

Но нашъ прапорщикъ, командовавшій ротой, нашелъ для себя невыгоднымъ прекращеніе боя въ ту минуту и отказался отъ предложенія.

— Вотъ набьемъ вамъ морду,—передали его слова по своему,—а потомъ похоронимъ и ихъ и васъ!

— Но трупы заражаютъ воздухъ?

— На то война. Мы принюхались.

Парламентеры ушли. Одинъ изъ нихъ, познанскій полякъ, не захотѣлъ возвращаться къ германцамъ и остался у насъ въ плѣну.

Козювка мученица. Она разлагается и стонетъ отъ выстрѣловъ. Когда германцы не владѣли еще гребнемъ высоты 992, то пушки ихъ, стоявшія въ лощинахъ, по ту сторону горы, стрѣляли наобумъ, приблизительно и все-таки попадали въ несчастную Козювку. Теперь село совершенно открыто для германскихъ орудій. Въ Козювкѣ бываютъ части нашихъ войскъ, около села и въ селѣ наши окопы, поэтому стрѣльба продолжается съ большимъ ожесточеніемъ. Много домовъ разрушено. Когда-то живое село стало теперь кладбищемъ...

Германская артиллерія очень мѣтка. У того, кто попадетъ въ Козювку, за плечами становится смерть съ косой...

— Это не австрійцы,—говорятъ наши солдаты, отчасти гордые тѣмъ, что противъ нихъ выставили германскихъ гвардейскихъ стрѣлковъ и гранадеровъ.

— Врагъ сурьезный!

Офицеръ, прожившій въ Козювкѣ нѣсколько времени, показалъ мнѣ свой мѣшокъ для сна:

— Воспоминаніе Козювки!

Одѣяло, простыни, подушка были въ рваныхъ дырахъ. Кромѣ этого мѣшка у офицера ничего не осталось, все имущество погибло въ огнѣ снаряда.

— Насъ было четверо въ халупѣ: трое офицеровъ и вольноопредѣляющійся,—разсказывалъ онъ,—насъ позвали на улицу. Въ тотъ моментъ, когда мы отошли отъ дома, снарядъ ударилъ въ халупу и не оставилъ въ ней ничего. Все превращено въ мелкіе кусочки. Мнѣ еще со времени японской компаніи всегда сопутствовалъ образокъ св. Серафима Саровскаго. Я нашелъ въ развалинахъ только ликъ святого, все остальное стерто въ порошокъ. Еле отыскалъ на улицѣ кошелекъ съ деньгами...

— День въ Козювкѣ проходитъ безмолвно, уныло. Всякое движеніе или совсѣмъ замираетъ, или происходитъ за прикрытіемъ. Ни шороха, ни тѣни. Всѣ, кого застали въ селѣ, отсиживаются въ халупахъ и безпокойно слушаютъ, какъ воютъ надъ ихъ головами и рвутся съ трескомъ снаряды. Каждый думаетъ: который мой? Ночью передышка и передвиженіе. Сердце должно бы успокоиться. Но на высотѣ 992 съ наступленіемъ сумерокъ загорается прожекторъ, который заливаетъ своимъ свѣтомъ все ущелье, шаритъ по горамъ, щупаетъ въ кустарникѣ, освѣщаетъ внезапно халупы. Этотъ прожекторъ своего рода memento mori. Скверно попасть въ его зловѣщій, молочно-зеленый вѣеръ! Нѣмцы пристрѣлялись къ мѣстности. А стрѣляютъ они даже по одиночкамъ.

Все-таки ночью въ Козювкѣ движеніе. Надо сказать, что одинъ конецъ села, ближе къ высотѣ 992, до ручья, находится въ обложеніи германцевъ. Тамъ стоятъ ихъ сторожевыя охраненія. А за ручьемъ, шагахъ въ 40, идетъ уже наша территорія. Но ночью германцы заходятъ къ намъ, а мы къ нимъ. Тѣ и другіе бродятъ по халупамъ. Ищутъ столкновеній. Когда встрѣчаются, то происходитъ перестрѣлка, которая часто поднимаетъ

на ноги всю линію. У солдатъ много разсказовъ о такихъ нечаянныхъ встрѣчахъ. Чаще всего эти встрѣчи оканчиваются тѣмъ, что на землѣ остаются одинъ—два трупа. Иногда, пострѣлявъ, противники разбѣгаются въ свои стороны безъ урона, или доставъ „языка“. А однажды произошелъ такой случай. Русскіе сидѣли въ халупѣ безъ винтовокъ, такъ какъ почему-то не ждали противника. Вдругъ входятъ германцы съ ружьями. Наши уже прощались съ Россіей; но нѣмцы, увидавъ безоружнаго врага, не пожелали воспользоваться своимъ превосходствомъ, сѣли съ русскими за столъ, дружески бесѣдовали, угощали виномъ и затѣмъ ушли, не тронувъ и не взявъ никого въ плѣнъ.

— Что съ ними случилось?—удивлялись наши солдаты, привыкшіе къ варварству противника.

* * *

Высота 992 называется „горой смерти“. Такъ назвалъ ее одинъ офицеръ, съ которымъ я бесѣдовалъ. А солдатъ, раненый на этой высотѣ, съ мукой въ лицѣ говорилъ:—„Лучше умереть, чѣмъ жить тамъ“...

Высота попадетъ на страницы военной исторіи. Ея бои по силѣ упорства и жестокости относятся къ замѣчательнымъ боямъ.

992 получила свое важное стретегическое значеніе не потому, что она выше другихъ. Недалеко отъ нея стоитъ высота 1020, находящаяся въ рукахъ русскихъ, но она не играетъ такой роли. 992 удобна для военныхъ операцій, такъ какъ она безлѣсна, тогда какъ всѣ сосѣднія горы обросли елями и букомъ. Кучи деревьевъ, которыя кое-гдѣ росли на 992, снесены снарядами. Безлѣсную гору можно успѣшнѣе защищать: съ нея удобно стрѣлять и легко можно замѣтить атаку противника. Но, главное, съ горы 992 от-

крываются въ обѣ стороны дали. Когда русскіе владѣли хребтомъ ея, то видѣли германцевъ, ихъ шоссе, Бѣлый мостъ, словомъ, тылъ противника. Солдаты говорили, что они съ хребта видѣли окрестность на 35 верстъ и могли стрѣлять по всякому движенію непріятеля, въ предѣлахъ достигаемости снаряда. Германцы, занявъ высоту, сдѣлали неуязвимымъ свой тылъ.

992—ключъ къ перевалу черезъ Карпаты. За этой высотой уже нѣтъ такихъ выгодныхъ позицій. Даже высота 901 (по направленію къ Тухлѣ), на которой идутъ сейчасъ бои, не имѣетъ такого важнаго значенія. 992—ключъ и къ стрыйской долинѣ... Германцы, понимая важность позиціи, укрѣпили ее, загородивъ проволочными загражденіями, волчьими ямами и засѣками.

Жизнь на 992 была сплошнымъ боемъ. Каждый квадратный аршинъ земли тамъ густо политъ человѣческой кровью. Гора изрыта окопами. Они идутъ въ разныхъ направленіяхъ. Германскіе заходили почти въ тылъ русскимъ и наоборотъ. Такъ все тамъ переплелось. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были минные подкопы, взорванные нами подъ германскими траншеями. Въ этихъ пунктахъ гора словно треснула, разорвалась пополамъ, и фонтанъ живой человѣческой крови, смѣшавшись съ потоками грязи, до сыта напоилъ страдалицу-землю. По десятку разъ стороны брали разные пункты и сдавали. Атаки и контръ-атаки чередовались непрерывно подъ адскій грохотъ пушекъ. Каждую колонну, пришедшую для укомплектованія, германцы напаивали виномъ и бросали въ атаку, чтобы быстрѣе пріучить солдатъ къ огню. Часть этого свѣжаго войска умирала, но зато оставшіеся въ живыхъ, понюхавъ крови, пороха и вина, приближались къ звѣрскому состоянію. Противники день и ночь подкапывались другъ подъ друга и доходили иногда до разстоянія 30—40 шаговъ. Тогда перестрѣлка почти прекращалась въ

силу невозможности стрѣлять: пальца нельзя высунуть. Слушали, разговаривали другъ съ другомъ, бранились и забрасывали противника ручными гранатами. Потомъ наступала томительная предсмертная тишина, въ которой чудились кровавые призраки и слышались хрипы умирающихъ. Обѣ стороны готовились къ чему-то страшному, и каждая знала, что противникъ тоже готовится. Съ дрожью въ сердцѣ ловили шорохи и глазами, въ которыхъ застылъ страхъ, всматривались въ темноту. Наконецъ, въ темную ночь какая-нибудь сторона выбѣгала изъ окоповъ,—германцы всегда пьяные, съ озвѣрѣвшими, остекливши мися глазами, въ одной курткѣ, не смотря на холодъ,—и противники начинали колоть другъ-друга штыками и рѣзать пулеметами. Когда горы заваливались трупами, но зато расширялось разстояніе между окопами, обѣ стороны дышали свободнѣе и начинали обычную перестрѣлку.

Тяжкими усиліями и многими жертвами русскіе купили себѣ хребетъ высоты. Все кругомъ было залито кровью, рослые германскіе гвардейцы лежали по-братски рядомъ съ нашими пѣхотинцами и смотрѣли недоумѣвающими глазами на небо... Легче стало бороться съ противникомъ: русскіе стрѣляли въ германцевъ сверху внизъ, а пьяныя, бѣшеныя атаки ихъ разбивали сверху пулеметнымъ огнемъ. Тогда германцы закопались и русскимъ пулямъ стало труднѣе достать противника. Наши выдумали способъ, какъ выкурить врага изъ норы. Скатывали въ окопы германцевъ бочки съ динамитомъ и камнями. Бочки взрывались и разносили все вокругъ себя. Но нѣмецъ, какъ извѣстно, выдумалъ даже обезьяну, поэтому быстро сообразилъ, какъ предохранить себя отъ бочекъ. Подъ огнемъ нашихъ винтовокъ и пулеметовъ онъ вырылъ ночью впереди себя ложные окопы, всегда пустые, и наши смертоносныя бочки, попадая туда, не приносили уже вреда противнику.

Русскіе долго владѣли хребтомъ. Только на Пасху произошло событіе, кореннымъ образомъ измѣнившее расположеніе позицій.

На первый день праздника произошло братаніе русскихъ и германцевъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ противники не стрѣляли другъ въ друга, выходили изъ окоповъ, сходились и мирно бесѣдовали. Весна, солнце и тяготѣніе человѣка къ жизни превратили враговъ въ друзей. На высотѣ 992, давно не видавшей не только дружбы, но даже простой тишины, оказались возможными человѣческія отношенія. Только мертвые, продолжавшіе смотрѣть на небо удивленными глазами, нарушали впечатлѣніе. Въ мирной обстановкѣ казалось, что пушки уже не будутъ ревѣть, а пулеметы и ружья больше не станутъ стрѣлять людей. Но уже къ вечеру загрохотали пушки, защелкали затворы ружей и затараторили пулеметы. Недавніе друзья жадно искали другъ друга глазами, чтобы всадить пулю въ лобъ..

28-го марта германцы атаковали хребетъ высоты. Къ нимъ подошла свѣжая колонна въ 1,000 человѣкъ для укомплектованія. Они по обыкновенію напоили ее ромомъ и коньякомъ и послали пьяной въ атаку. Нападеніе не было неожиданнымъ для русскихъ. Атаки на высотѣ были непрерывныя и русскіе всегда были готовы встрѣтить врага. Но страшное утомленіе и кѣмъ-то брошенный слухъ, что „нѣмцы обходятъ", заставили нашу линію отступить и отдать хребетъ. Для нѣмцевъ эта побѣда была такъ неожиданна, что они побоялись ею воспользоваться во всей широтѣ. Сойдя съ высотъ въ Козювку, они прошли только половину села, до костела, и остановились. Отступленіе русскихъ показалось имъ подозрительнымъ, а зеленые молчаливые великаны, обступившіе ущелье, хранили, думалось имъ, какую-то зловѣщую тайну... Скоро наши войска попятили германцевъ изъ Козювки, прогнавъ за ручей.

* * *

Меня разбудилъ пушечный выстрѣлъ. Ущелье вздрогнуло и заколебалось. Гулкое горное эхо не успѣло замолкнуть, какъ раздался второй выстрѣлъ, третій, четвертый... Ущелье загрохотало и загудѣло.

— Раненько сегодня начали!—слышу я голосъ спутника.

Онъ тоже проснулся отъ выстрѣла и держалъ въ рукахъ часы:

— Всего пять!

Зато вчера рано кончили. Все было свѣтло; вдругъ сразу спустились сверху сумерки, словно кто-то закрылъ крышкой подземелье. И, какъ по командѣ, умерли звуки. Но намъ съ высоты мракъ ущелья долго казался загадочнымъ. Не вѣрили мы тишинѣ и все слушали, не выдастъ ли ущелье своей тайны. Иногда казалось, что все тамъ спитъ, умаявшись за день. Нѣтъ ни отваги, ни смертной муки, ни геройства, ни ужаса, ни надеждъ, ни страха,—все вытравилъ блаженный сонъ. И теплая парная земля, только-что освободившаяся изъ тюрьмы зимы, чуть-чуть стонетъ отъ радости, улыбаясь людскому покою. Но порой ущелье наполнялось тѣнями и шорохами, и тогда казалось, что тамъ, притаившись, передвигается непріятельская армія...

— Эхъ, спали бы, спали,—философствовалъ мой спутникъ, надѣвая сапоги,—вмѣсто того, чтобы стрѣлять другъ въ друга!.. Какъ имъ не надоѣло! Изо дня въ день одно и то же.

Мы одѣлись и вышли. Кругомъ—никого. Тамъ, за горой, началась грохочущая страшная жизнь, а здѣсь, въ районѣ обозовъ, люди еще досыпали свой утренній, сладкій сонъ.

Вчера, когда мы пробирались лѣсомъ на высоту, видѣли издали наши окопы и солдатъ въ облакахъ сѣ-

раго дыма, прильнувшихъ къ ружьямъ. Теперь, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, окопы стали замѣтнѣе. Ясно видны спины солдатъ въ позѣ приготовленія къ стрѣльбѣ. Но линіи дыма еще не видно. Кое-гдѣ лишь вспыхиваютъ одиночныя,—вѣроятно, дежурныя,—винтовки.

Намъ посовѣтовали зайти за выступъ горы, чтобы не подвергаться опасности.

— Сейчасъ начнется ружейная стрѣльба, и можетъ прилетѣть шальная пуля!..

Мы зашли и потеряли окопы изъ виду.

Лѣсъ тутъ густой. Мы идемъ по узенькой тропинкѣ, которая вьется вверхъ. Внизу тропинка сухая, даже пыльная, но черезъ полчаса на высотѣ она стала вдругъ мокнуть и по мѣрѣ подъема превращалась въ грязную ложбинку, по которой текли черные ручьи.

— Игра природы!—промолвилъ мой спутникъ, шлепая по водѣ.

— Мы вчера съ батальоннымъ прошли всю линію, —сказалъ солдатъ, котораго мы догнали по пути: — линія всего двѣ версты, а шли мы шесть часовъ.

— Почему такъ?

— Крутизна, грязь и снѣгъ...

— Снѣгъ? Развѣ и на вершинѣ окопы?

— А то какъ же!

Гора, на которую мы взбираемся, очень высокая. Больше тысячи метровъ. Но она похожа на старушку въ кринолинѣ, и поэтому грандіозность ея снизу, когда подойдешь къ ней вплотную, не замѣтна. Только по ногамъ своимъ чувствуешь, какъ крута и высока гора. Окопы наши идутъ зигзагами по склону горы, начинаясь у подошвы, восходя почти къ хребту, на которомъ лежитъ снѣжный пластъ, и спускаясь гдѣ-то на другой сторонѣ къ подошвѣ. Конечно, о началѣ и концѣ окоповъ можно говоритъ только условно,—ни начала, ни конца нѣтъ. Линія такъ тѣсна, густа, что зайцу проскочить негдѣ.

— Внизу наши совсѣмъ раздѣвши,—разсказывалъ солдатъ.—Жара смертная! А какъ пришли мы въ третью роту наверхъ,—тамъ въ окопахъ снѣгъ лежитъ, и солдаты въ шинеляхъ мерзнутъ! Диву дались,—какъ Богомъ устроено!

Въ серединѣ же окоповъ, на полгорѣ, грязь, слякоть, —словомъ, всѣ четыре времени года на двухъ верстахъ. Выбирай любое!

Крѣпко стынутъ солдаты наверху. Костра разложить нельзя,—привлечешь огонь. Тогда они украдкой, если большого дѣла не предстояло, прибѣгали одинъ-два къ счастливцамъ-товарищамъ внизъ погрѣться. А нижніе отъ жары лѣзли вверхъ, въ тѣнь, подъ ели.

Мы шли все медленнѣе и медленнѣе. Весну и лѣто уже прошли и находились въ полосѣ скверной, гнилой осени. Тропинка въ одномъ мѣстѣ наклонилась влѣво, и мы съ одной лѣсной поляны опять увидали наши окопы. Совсѣмъ близко, внизу, подъ горой. Надъ желтыми спинами солдатъ уже курился дымъ. Шла ожесточенная перестрѣлка. Ущелье попрежнему грохотало и гудѣло. Наши мортиры стояли гдѣ-то сзади насъ. Время отъ-времени тамъ раздавались и перекатывались въ горахъ удары пушечнаго грома.

Солдатъ указалъ намъ на ближніе окопы:

— Страсть какъ вязко въ этой мѣстности!

Онъ вчера проходилъ здѣсь и знаетъ. Солдаты стояли въ окопахъ, согнувшись въ дугу. Окопы полны воды и жидкой грязи. Горные снѣговые ручьи, сбѣгая внизъ, просачиваются и задерживаются въ окопахъ. Солдату нельзя ни лечь, ни сѣсть.

— Какъ же ночью?

— А такъ... Стоятъ... Австрійцы тоже стоятъ. У нихъ не лучше. Что же будешь дѣлать? Въ воду не ляжешь...

Въ такихъ окопахъ солдату гораздо хуже, чѣмъ на вершинѣ, въ полосѣ снѣга.

Тропинка опять вильнула вправо и оставила насъ наединѣ съ елями. Сверху спускались люди. Много людей. Вели плѣнныхъ и на полянкѣ, около насъ, остановились отдохнуть. Австрійцы, въ разбитыхъ желтыхъ штиблетахъ и рваныхъ шинеляхъ, расположились по грязному пригорку: кто легъ, кто сѣлъ. Они смотрѣли на насъ измо-жденными, усталыми взглядами и, казалось, просили хлѣба.

— Давно ихъ взяли?—спросилъ я конвоира-солдата.

— Которыхъ сегодня, на зорькѣ, а которыхъ учерась.

— Вчера полроты сдалось,—послышался сзади солдата твердый, не солдатскій голосъ.—Да теперь будутъ сдаваться!

Смотрю на погоны,—прапорщикъ. Немолодой. Съ Георгіевскимъ крестомъ. Онъ былъ такъ грязенъ, что я сначала не узналъ въ немъ офицера. Глина комками прилипла къ его шинели. Видимо, онъ лежалъ въ сыромъ окопѣ.

— Почему будутъ сдаваться?—подошелъ я къ нему ближе.

— Германцы куда-то скрылись... У Тухлы и ближе къ Туркѣ остались, стоятъ, а у насъ, въ районѣ Козювки, словно ихъ чортъ помеломъ вымелъ. Дня три не беремъ ихнихъ плѣнныхъ. Австрійцы говорятъ, что нѣмцевъ посадили въ вагоны и куда-то увезли. И какъ только увезли, у насъ плѣнныхъ австрійцевъ прибавилось. Третьяго дня пришелъ къ намъ ихъ солдатъ и спрашиваетъ: „Берете? Сейчасъ приведу пятьдесятъ человѣкъ!“ Мы шуткой отвѣтили: „Вакансіи есть, пріемъ продолжается“. Привелъ.

— Что же они говорятъ?

— Не столько говорятъ, сколько ѣдятъ. Голодные. А какъ утолятъ голодъ, начинаютъ жаловаться на германцевъ. Тѣ бьютъ ихъ и посылаютъ передъ собой въ опасныя мѣста. У людей на умѣ одна сдача, а ихъ

ведутъ въ бой! Тяжелое положеніе! Вотъ эти вывернулись,—счастливчики!

„Счастливчики“ голодными, волчьими взглядами смотрѣли на насъ.

— А намъ австріяки разсказывали,—вставилъ свое слово конвоиръ, воспользовавшись паузой:—какъ только мы сойдемъ съ горъ въ равнину, сейчасъ по всей Австріи бунты пойдутъ. Сговорились, будто, они межъ собой. И войнѣ тогда конецъ...

— Да, конецъ...—Иронически сказалъ прапорщикъ.— А куда германцы ушли? Если бы знать!..

Онъ тревожно посмотрѣлъ вдаль, гдѣ до горизонта шли зеленые горные бугры.

— Я вамъ сказалъ, что австрійцы жалуются на германцевъ,—началъ онъ опять, обращаясь ко мнѣ.—А германцы,—такъ тѣ прямо ругаютъ австрійцевъ. Между ними „сымпатія“. На дняхъ мы взяли въ плѣнъ двухъ германскихъ офицеровъ. Они говорили: „Хуже австрійской арміи не сыщешь въ мірѣ. Никакого дѣла съ австрійцами совмѣстно предпринять нельзя. Непремѣнно подведутъ. Опоздаютъ, замедлятъ или просто въ плѣнъ, какъ поросята, сдадутся. Мы теперь,—говорили германцы,—всѣ большія дѣла одни проводимъ: австрійцевъ не допускаемъ“...

— Ну, не всѣ и австрійцы сдаются!

— Конечно, не всѣ. Было за горой у насъ такое дѣло. Двѣ роты вздумали прорвать нашу линію. Слабой она имъ показалась. Мы ихъ, рабовъ Божіихъ, окружили и загнали въ овражекъ. Трое ихъ офицеровъ бились до послѣдняго, и когда пробиться не смогли, то на глазахъ у насъ застрѣлились.

— Венгерцы?

— Нѣтъ, тирольцы. Отчаянный народъ! А венгерцы сдаются... Научились сдаваться. Ослабли!..

— Тоже какъ когда, ваше благородіе!—сказалъ кон-

воиръ.—У насъ, въ шестой ротѣ, вылазка была противъ венгерцевъ. Выгнали ихъ, а которыхъ перекололи. Офицеръ ихній пьянъ-распьянъ лежитъ въ окопѣ и, кто ни подойдетъ, бахаетъ въ него изъ револьвера, да и только. Нашъ командиръ кричитъ ему по-ихнему: „Сдавайся! Мы окружили". А онъ, язви его въ душу, и въ него стрѣляетъ. Опять кричитъ ему командиръ: „Сдавайся!" А онъ глаза налилъ, ничего не слышитъ и только щелкаетъ. Пришлось прикончить. Взводный Ефремовъ черезъ крышу окопа пришилъ его штыкомъ къ землѣ. Отъ него, отъ курицына сына, отъ мертваго за двѣ сажени винищемъ пахло. И боченокъ съ ромомъ около нашли недопитый...

— А что вы скажете,—обращаюсь я къ прапорщику,—насчетъ пьянства германцевъ. Они пьяные смѣлѣе идутъ въ атаку, имъ море по колѣно... Вы дали бы вина своей ротѣ передъ атакой?

— Никогда,—отвѣтилъ онъ убѣжденно.—Я участвую во второй кампаніи и могу сравнивать. Пьяный солдатъ въ бою—мертвая сила. Въ этомъ я убѣдился. Напоить солдата—все равно, что завязать ему глаза. Правда, онъ легко выскакиваетъ изъ окопа и претъ, не слыша пуль. Въ этомъ есть нѣкоторый плюсъ. Но сейчасъ же начинаются и минусы. И ихъ такъ много, что отъ плюса слѣда не остается. Пьяный солдатъ не слышитъ команды, не можетъ оріентироваться и приспособиться къ огню, не остановится, когда надо, не учитываетъ опасности, въ случаѣ замѣшательства легко повертываетъ и такъ же стремительно,—не остановишь,—бѣжитъ назадъ, какъ и впередъ. Долго держаться на взятыхъ позиціяхъ не можетъ, такъ какъ наступаетъ реакція, и онъ слабнетъ, становится трусливымъ. Словомъ, пьяный солдатъ, это—бревно, которое покатили съ горы...

— Зачѣмъ же германцы напаиваютъ своихъ солдатъ?

— Думаютъ: „Авось, случайно побѣдимъ!". Увѣренности въ побѣдѣ нѣтъ, а воевать надо, и побѣдить хочется. Доводить живого человѣка до степени бревна могутъ только люди, отчаявшіеся въ побѣдѣ и спустившіеся на самую низшую ступень человѣческаго развитія, когда въ человѣкѣ видятъ слѣпой механизмъ. Вся война съ Германіей—одна сплошная иллюстрація того, какъ некультурно можетъ воевать „культурная нація"...

Разговаривая, мы незамѣтно отошли отъ группы солдатъ. У нихъ образовался свой разговоръ, у насъ шелъ свой. Прапорщикъ замолчалъ. Потомъ вдругъ улыбнулся, наклонился ко мнѣ и сказалъ, смѣясь:

— Солдату бы я не далъ, а самъ бы выпилъ одну рюмку!..

— Вполнѣ понятно.

— Только одну. И знаете, чѣмъ бы закусилъ? Молодой редиской. Теперь ея пора. Третьяго дня у насъ была атака. Минуты были страшныя, хотя и привычныя. Сижу я въ окопѣ, гляжу на непріятельскія позиціи, и лѣзетъ мнѣ въ голову одна картина: молодая редиска съ зелеными листьями на столѣ... съ масломъ... Ах!.. Я хочу забыть: начинаю считать, сколько людей поведу въ атаку, а редиска неотвязно стоитъ предо мной, блестя свѣже-вымытой зеленью. Такъ, вѣдь, и въ бой пошелъ съ редиской! Хорошо, что не умеръ съ редиской. Какія глупыя вещи приходятъ на умъ въ самый страшный моментъ!..

Колонна плѣнныхъ тронулась въ путь. За ней пошелъ и прапорщикъ. Онъ направлялся въ околотокъ полѣчить ломоту въ ногахъ. А мы пошли выше. И тамъ, уже въ полосѣ зимы, нашли выдавшійся край утеса и сѣли на немъ. Отсюда съ высоты было видно все междугорье, въ которомъ шелъ бой.

Людей не видать, движенья никакого. Наши и не-

пріятельскіе окопы видны съ высоты въ видѣ ленты. Только дымъ отъ винтовочныхъ выстрѣловъ говорилъ, что тамъ сидятъ люди. Разрывы снарядовъ были бѣлые, дымчатые и красные. Но на ярко-зеленомъ фонѣ цвѣта стирались. Зато звуковъ было много. Только звуки и говорили о боѣ. Старушка въ кринолинѣ вздрагивала и трепетала отъ грома...

Картина была такъ однообразна, что я невольно перевелъ глаза на красивые верхи Карпатъ. Снѣга ихъ алѣли на солнцѣ. Мнѣ вспомнился Эльбрусъ. Мысль унесла далеко-далеко...

— А знаете, какой былъ случай?—слышу я голосъ моего спутника.

— Въ Тамбовѣ?—пошутилъ я.

— Не въ Тамбовѣ, а вотъ здѣсь. Лежали такъ двое на утесѣ и глядѣли на бой. Одинъ другому что-то сказалъ. Онъ повторилъ, а тотъ молчитъ. Взглянулъ, а у него черепъ пробитъ пулей. Поглядѣлъ на бой,—называется!..

Я мысленно обругалъ его за этотъ разсказъ и инстинктивно отодвинулся вглубь.

Скоро мы сошли съ утеса и пошли по знакомой тропинкѣ внизъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Военные эпизоды.

Мальчики-добровольцы.

Мы ждали отхода поѣзда, который долженъ былъ увезти насъ изъ Львова „въ Россію“. Въ это время на перронѣ вокзала появились двѣ съежившіяся фигурки гимназистовъ. Ихъ велъ къ нашему поѣзду рослый жандармъ.

— Кто это?—спрашиваемъ у жандарма.

— Бѣглецы. Мы каждый день человѣка по три такихъ отсылаемъ въ Россію...

Онъ грубо взялъ мальчиковъ за рукава, подвелъ къ оберъ-кондуктору и сказалъ:

— Этихъ—въ Кіевъ.

На землѣ лежитъ снѣгъ, а мальчики были одѣты въ лѣтнія гимназическія пальто, при чемъ одинъ давно выросъ изъ своего пальто. На головѣ у нихъ были солдатскія фуражки.

— Откуда вы взяли эти фуражки?—спрашиваю.

— Съ солдатами помѣнялись. Имъ дали свои гимназическія.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ шестнадцать, а ему пятнадцать.

Они—ученики одной кіевской гимназіи. Убѣжали изъ родительскаго дома „драться съ австрійцами".

— А гимназія?

— Гимназія подождетъ. Сначала побѣдимъ, а потомъ будемъ учиться.

Мы удивлялись, какъ могли они пробраться въ Бродахъ черезъ „границу". Тамъ тщательно осматриваютъ пассажировъ и провѣряютъ пропуски. Между тѣмъ, гимназисты безъ пропусковъ, безъ паспортовъ, безъ денегъ, въ гимназическомъ платьѣ проѣхали эту заставу.

Они объяснили:

— Подъ скамейкой лежали. Зайцами проѣхали.

Мальчики разсказали, что у нихъ въ гимназіи образовался „добровольческій кружекъ", который поставилъ своею задачей способствовать побѣгу своихъ членовъ на театръ военныхъ дѣйствій. Имъ товарищи дали по финскому ножу и по два рубля пятьдесятъ копеекъ денегъ на дорогу.

— Насъ приняли въ роту,—сказалъ одинъ мальчикъ.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно. Офицеръ принялъ. Мы уже уѣзжали на передовыя позиціи и шли къ вагону въ толпѣ солдатъ. Да жандармъ увидалъ...

А жандармъ послѣ мнѣ говорилъ:

— Никто ихъ никуда не принималъ. Самовольно хотѣли пробраться на позиціи въ солдатскомъ вагонѣ.

Во Львовѣ они жили гдѣ-то въ пустомъ сараѣ, мерзли и голодали. И все просили солдатъ:

— Возьмите на передовыя!

Тѣ имъ обѣщали и кормили кое-когда солдатскимъ хлѣбомъ.

— Какъ же вы рѣшили ѣхать въ такомъ легонькомъ костюмѣ?

— Это только до позицій. А тамъ мы убили бы двухъ австрійцевъ и сняли бы съ нихъ полушубки.

— А чѣмъ бы убили? Винтовки у васъ нѣтъ?

— Финскіе ножи есть.

Мы смѣемся.

— Лучше поѣзжайте къ папенькѣ,—шутитъ одинъ офицеръ.

При словѣ „папенька“ мальчики опускаютъ головы. Но глаза ихъ воровато бѣгаютъ по нашимъ ногамъ. И весь видъ ихъ напоминаетъ неопытныхъ воришекъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія.

— А вы ѣли сегодня?—спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ еще.

— Деньги есть?

— Ни копѣйки.

— Ахъ, вы! Возьмите вотъ рубль и ступайте въ буфетъ, купите бутербродовъ и выпейте чаю. Поѣздъ простоитъ еще двадцать минутъ.

— Да не удерите!—смѣется кто-то имъ вдогонку.

Мальчики взяли рубль и стремглавъ побѣжали къ тоннелю.

— Вы напрасно имъ дали,—сказалъ жандармъ.

—Деньги у нихъ есть. Утромъ какой-то офицеръ подарилъ имъ пять рублей.

Пробилъ второй звонокъ. Гимназисты не возвращались. Обезпокоенный жандармъ побѣжалъ въ буфетъ. Черезъ три минуты онъ вернулся одинъ и сказалъ:

— Удрали, подлецы!..

* * *

Мѣсяцемъ раньше этого случая мнѣ также пришлось ѣхать изъ Львова „въ Россію". И также я встрѣтился съ двумя бѣглецами-добровольцами.

Ѣхало нѣсколько офицеровъ, легко раненыхъ, и человѣкъ пять—за теплой одеждой для полка. Въ маленькомъ австрійскомъ вагонѣ было тѣсно. Одинъ офицеръ хотѣлъ положить свой чемоданъ на полку. Полка была, повидимому, пуста, но чемоданъ все-таки не устанавливался,—что-то мѣшало ему. Заглянули на полку, а тамъ ворочался какой-то человѣкъ.

— Это—казакъ Васька,—объяснилъ сидѣвшій со мной рядомъ человѣкъ въ формѣ казака, съ юношескимъ лицомъ.

— Кто такой Васька?

— Доброволецъ. Мы—оба добровольцы.

Ваську заставили слѣзть съ полки. Когда онъ, грязный, заспаный, предсталъ передъ нами, мы не могли удержаться отъ смѣха. Васька былъ низенькаго роста мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, курносый, съ „бабьимъ" лицомъ, усыпаннымъ веснушками. Говорилъ онъ хриплымъ языкомъ взрослаго пропойцы, внушительно кашлялъ и хмуро смотрѣлъ на всѣхъ исподлобья. Его товарищу—восемнадцать лѣтъ, но онъ не старше своихъ лѣтъ, и улыбка часто посѣщаетъ его лицо.

— Три ночи не спамши,—прохрипѣлъ Васька, слѣзая съ полки.

— Что же ты по ночамъ дѣлалъ?—спросилъ его офицеръ.

— Извѣстно что... служба.

Васька сѣлъ рядомъ со мной и первымъ дѣломъ спросилъ у товарища:

— Махра есть?

— Кури сигары!

— Ну тебя къ чорту съ твоими сигарами! Давай махру!

Тотъ полѣзъ за табакомъ въ мѣшокъ.

— Ты и махру куришь?—спросилъ кто-то.

— У насъ въ сотнѣ работать не будутъ безъ махорки...

— И водку пьешь?

— А что ее не пить-то! Какъ всѣ, такъ и я. На то служба...

Все это онъ говорилъ серьезно. Когда мы хохотали, на его лицѣ не появлялось даже тѣни улыбки.

Васька и его товарищъ—казаки изъ Новочеркасска. Оба—ученики реальнаго училища. Они убѣжали изъ дома и „догнали свой полкъ“ еще въ Россіи. Убѣжали, въ чемъ ходили въ школу. Старшій, реалистъ—въ легонькой шинели, а Васька—въ одной курткѣ. Въ томъ же видѣ они ѣхали сейчасъ. Васька дрожалъ отъ холода.

Кто-то имъ сказалъ, что въ полку имъ дадутъ обмундировку, ружье, пику и лошадь.

— Ничего не дали,—разсказывали дѣти.—А взять было негдѣ. Въ дѣлѣ мы не были.

Ихъ прикомандировали къ обозу. И вотъ на телѣгѣ, въ самомъ невоинственномъ видѣ, они проѣхали Галицію. Въ дорогѣ исполняли порученія казаковъ—развести костеръ, почистить лошадь, сбѣгать въ деревню за чѣмъ-нибудь. Сотню ихъ оставили во Львовѣ, и малыши принимали участіе въ обыскахъ и расправлялись съ подозрительными людьми... Это было ихъ единственное „дѣло“.

Васька хвалился:

— Я у одного нашелъ карту Галиціи и Буковины!..

Мальчикъ, благодаря своей комической внѣшности, былъ предметомъ шутокъ казаковъ. Они сдѣлали ему нашивки вахмистера, украсили грудь какимъ-то австрійскимъ орденомъ, найденнымъ въ оставленной квартирѣ. Васька носилъ орденъ и нашивки съ важностью.

— А оружія у васъ такъ и не было?— спросили мы

— Безъ оружія казаку нельзя. Вотъ оно!

Мы только теперь замѣтили, что у Васьки сбоку волочится шашка.

— Австрійская. Съ генерала снята,—сказалъ мальчикъ.—Уже крещена. Со мной въ дѣлѣ побывала.

А на другомъ его боку болтался австрійскій штыкъ.

— Зачѣмъ же вы назадъ ѣдете?—спросили мы бѣглецовъ.

— Прогнали насъ,—мрачно сказалъ Васька.

— За что?

— Теплой одежды нѣтъ,—объяснилъ старшій реалистъ.—Есаулъ поэтому распорядился насъ отправить домой.

— А деньги у васъ есть?

— Нѣтъ.

Въ мѣшкѣ у нихъ былъ коровай хлѣба, мѣшечекъ съ махоркой и коробка съ австрійскими сигарами, которую они, судя по всему, гдѣ-то стащили.

— Какъ же вы проѣдете на родину?

По русскимъ дорогамъ ихъ безъ билета не повезутъ. Пути два дня,—надо чѣмъ нибудь питаться.

Въ отвѣтъ на это Васька какъ-то особенно надулся, сталъ еще болѣе мраченъ и выпалилъ:

— По дорогѣ грабежемъ будемъ промышлять.

— Чѣ-ѣ-ѣмъ?

— Грабежомъ...

Громкій хохотъ всего вагона не произвелъ на Ваську

никакого впечатлѣнія. Онъ попрежнему сидѣлъ мрачный и сосалъ „цыгарку“.

Утромъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ такой сцены. Добровольцы стояли на площадкѣ вагона одни, и старшій говорилъ Васькѣ:

— Опять чести не отдаешь? Изобью морду!..

Отвѣта не послѣдовало. Видимо, Васька безъ возраженія отдалъ честь своему товарищу. Я потомъ спросилъ старшаго добровольца:

— Развѣ Васька обязанъ тебѣ отдавать честь?

— А какъ же? Такъ мы условились, когда убѣжали изъ дома.

Въ Радзивилловѣ я засталъ Ваську въ несвойственномъ ему положеніи. Этотъ комикъ плакалъ.

— О чемъ ты?

— Шашку и кинжалъ жандармъ отнялъ.

Я предупреждалъ его, что по Россіи имъ вооруженнымъ не проѣхать, но Васька не вѣрилъ и важно говорилъ:

— Правъ не имѣютъ...

* * *

Раненые лежали въ зданіи вокзала на соломѣ. Тутъ было всего человѣкъ двѣсти, русскихъ и австрійцевъ.

Прямо около двери разметался молодой, безусый солдатъ. Пуля пробила ему грудь выше праваго соска. Смотрю на плечевой знакъ: вольноопредѣляющійся.

— Доброволецъ,—пояснилъ офицеръ, съ которымъ я вошелъ въ вокзалъ.

Лицо совсѣмъ дѣтское и блѣдное отъ потери крови. Онъ пролежалъ цѣлый день въ окопахъ безъ помощи, пока не прекратился огонь. Только ночью санитары принесли его въ полевой госпиталь.

— Ему восемнадцать лѣтъ,—сказалъ кто-то.

— Безполезная рана и, если умретъ, безполезная смерть,—сказалъ офицеръ.

— Почему?—удивился я.

— Дѣтямъ не мѣсто на войнѣ. Имъ надо учиться, воспитывать себя въ хорошемъ патріотическомъ направленіи и готовить свое тѣло и духъ къ будущимъ войнамъ. А мы калѣчимъ этихъ будущихъ воиновъ сейчасъ. Неужели не странно, что Россія, которая можетъ выставить шестнадцать милліоновъ солдатъ, имѣетъ въ рядахъ своихъ войскъ дѣтей? Попадетъ такой малецъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ, и тамъ воспользуются имъ, чтобы показать войскамъ: „Смотрите, какъ истощена Россія! Дѣтей посылаютъ на войну!“

— Но среди этихъ мальчиковъ много героевъ?!

— Безусловно. Только это соображеніе не имѣетъ цѣны. На прошлой недѣлѣ я велъ свою роту по открытому полю къ австрійскимъ окопамъ. Насъ обдавали свинцомъ изъ пулеметовъ, но солдаты все-таки шли. Развѣ они не герои? Геройство одного мальчика ничего не прибавляетъ къ общему солдатскому геройству. Не будь этого мальчика въ ротѣ, рота такъ же геройски сдѣлала бы свое дѣло.

— Но мальчики все-таки оказываютъ помощь солдатамъ.

— Прекрасно обошлись бы и безъ нихъ. Наоборотъ, они создаютъ неудобства. Они мѣшаютъ. Къ нимъ нельзя относиться, какъ къ солдатамъ, потому что силы взрослаго и подростка неодинаковы. Невольно щадишь мальчика, жалѣешь, боишься за него и безпокоишься о немъ. А это усложняетъ дѣло и создаетъ затрудненія. Мы, какъ кроты, живемъ въ окопахъ, и часто подъ соломой у насъ бываетъ вода. Простужусь я, простудится солдатъ,—ничего, мы на то идемъ; но простудится такой ребенокъ,—на душѣ тяжело, словно своего родного сына простудилъ. И солдатъ это прекрасно чувствуетъ... Каждый изъ насъ оставилъ въ Россіи дѣтей!

Онъ разсказалъ мнѣ такой случай. Въ ротѣ одного капитана былъ мальчикъ-доброволецъ. Капитанъ жалѣлъ его, какъ родного сына, и не пускалъ въ опасныя мѣста. Однажды онъ повелъ свою роту выбивать австрійцевъ изъ деревни и оставилъ взводъ, въ которомъ былъ доброволецъ, въ резервѣ. Но вышло такъ, что шальная пуля смертельно ранила добровольца, лежавшаго въ окопѣ, далеко отъ мѣста перестрѣлки, а въ ротѣ, бывшей въ огнѣ, по счастливой случайности, никто не былъ ни раненъ, ни убитъ. Это такъ подѣйствовало на капитана, что онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ въ заключеніе офицеръ,—оставьте насъ сражаться однихъ и этими дѣтьми не напоминайте намъ объ оставленныхъ семьяхъ. На войнѣ нѣтъ мѣста чувствамъ и чувствительности!..

Женщины.

Полковой санитаръ Петръ Александровъ.

У него темные, вдумчивые глаза, легкій румянецъ, звонкій, металлическій голосъ; нѣтъ ни бороды, ни усовъ. Онъ очень друженъ съ другимъ санитаромъ—Александромъ Петровымъ. Когда говоритъ съ нимъ, глаза дѣлаются нѣжнѣе, а голосъ выдаетъ участіе и любовь.

Петръ Александровъ кормитъ раненыхъ. Это—его обязанность. Когда въ лазаретъ приносятъ грязнаго, измерзшаго, облитаго своей кровью солдата, молодой санитаръ моетъ его, переодѣваетъ въ чистую рубаху, если она есть, и кормитъ. Дѣлаетъ это быстро и такъ мягко, словно онъ не полковой санитаръ, а мать.

Всѣ въ полку знаютъ Петра Александрова и его исторію.

Когда была объявлена мобилизація, нѣкто Петровъ, служащій въ городской думѣ, былъ призванъ санитаромъ въ дѣйствующую армію. Дѣтей у него не было,—одна

жена. Но и разлука съ женой заставляла его глубоко страдать. Жена Петрова была изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя вкладываютъ въ любимаго человѣка всю свою личную жизнь безъ остатка. Когда Петрову надо было уѣзжать въ армію, она спокойно и твердо сказала:

— Поѣду съ тобой.

— Но это невозможно!

— Я добьюсь разрѣшенія.

Петровъ уѣхалъ, а жена его пошла въ штабъ военнаго округа. Оттуда—въ штабъ корпуса и въ штабъ дивизіи. Вездѣ откровенно разсказывала, что жить вдали отъ мужа она не можетъ.

— Примите меня санитаромъ въ тотъ полкъ, гдѣ мужъ.

Ее выслушивали, удивлялись, недоумѣвали и не знали, какъ рѣшить вопросъ. Конечно, женщинамъ въ арміи не мѣсто, но она такъ умоляетъ, что отказать нельзя. Придумали канцелярскій маневръ:

— Мы ничего не имѣемъ противъ, но... пусть рѣшитъ вопросъ полковой командиръ.

Однажды въ N—ій полкъ, стоявшій на позиціяхъ, явилась женщина. Она съ трудомъ пробралась сквозь тысячи заставъ и препятствій. Однихъ просила, другихъ умоляла, третьимъ показывала какіе-то документы изъ штаба корпуса. Ѣхала въ товарномъ вагонѣ съ интендантскимъ грузомъ, съ войсковымъ эшелономъ въ санитарной теплушкѣ. Много вытерпѣла оскорбленій и грубостей, часто плакала, но шла впередъ.

— Я—жена полкового санитара Александра Петрова, —отрекомендовалась она командиру.

— Что же вамъ надо?

— Прошу разрѣшенія поступить санитаромъ.

— Это невозможно.

Женщина собрала всѣ свои доводы, всѣ слова и всѣ слезы. Командиръ былъ тронутъ.

— Какъ же я васъ приму въ такомъ костюмѣ? Санитаровъ въ юбкѣ не бываетъ.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Только примите!

На другой день женщина явилась къ полковому командиру преображенная. Она не задумалась обрѣзать свою косу. Остриглась наголо. Одѣлась въ солдатскую форму.

— Молодецъ!—похвалилъ камандиръ.

— Радъ стараться, ваше высокородіе! — сдѣлалъ подъ-козырекъ санитаръ.

— Отнынѣ ты будешь Петромъ Александровымъ!— сказалъ камандиръ.

Пробовалъ новый санитаръ таскать раненыхъ съ поля сраженія. Оказалось не подъ силу. Тогда ему дали занятіе—кормить раненыхъ, только что подобранныхъ на полѣ битвы.

Она кормитъ ихъ и сейчасъ.

Случается, что обласканный заботами Петра Александрова раненый солдатъ говоритъ ей суровый комплиментъ:

— Посмотрю я на тебя,—ровно ты баба! И руки у тебя бабьи, и обличье!..

Петръ Александровъ конфузится, а санитары хохочутъ.

* * *

Прапорщикъ N велъ маршевую роту изъ Россіи въ дѣйствующую армію. Нѣсколько солдатъ отстали въ дорогѣ и догоняли эшелонъ. Каждый вечеръ унтеръ-офицеръ докладывалъ прапорщику:

— Ваше благородіе, Ивановъ нагналъ, а Горшковъ и Калининъ остались на станціи. Побѣжали за кипяткомъ, а поѣздъ тронулся.

— Ну, нагонятъ...

И каждый день цифра маршевой роты колебалась.

То 1,198, то 1,197, то 1,196. Но когда во Львовѣ нагнали роту всѣ, въ ней вмѣсто тысячи двухсотъ человѣкъ оказалось тысяча двѣсти одинъ.

— Какимъ образомъ? Считать не умѣешь,—сказалъ прапорщикъ унтеру.—Ну, да это все равно. Не было бы недостачи, а излишекъ даже хорошо.

Онъ былъ увѣренъ, что унтеръ ошибся.

Маршевую роту разбили по полкамъ, и она потонула въ массѣ.

Въ предгорьѣ Карпатъ, около Стрыя, шелъ бой. Наши атаковали гору, на которой укрѣпился непріятель. Пришлось выбивать противника штыками. Когда приблизились къ окопамъ на пятьсотъ шаговъ, непріятель открылъ пулеметный огонь.

Ночью, когда бой затихъ, санитары принесли на перевязочный пунктъ солдата, раненаго въ пахъ. Солдатъ былъ блѣденъ отъ потери крови. Онъ испуганно озирался и недовѣрчиво оглядывалъ санитаровъ, помогавшихъ при перевязкѣ. Когда дошла очередь до него, солдатъ сказалъ доктору:

— Ваше благородіе, я желаю, чтобы меня осмотрѣла сестра!

Докторъ удивился:

— Почему?

— Такъ, желаю.

Обыкновенно солдаты неохотно раздѣваются при сестрахъ, а тутъ солдатъ проситъ раздѣться только при сестрѣ! Его отнесли за перегородку. Черезъ пять минутъ оттуда вышла смущенная сестра и что-то прошептала доктору на ухо.

— Странно!—поднялъ брови докторъ.

Онъ прошелъ къ солдату.

— Какъ вы, сударыня, попали на войну?—спросилъ онъ его.

— Замѣшалась въ толпѣ солдатъ.

— А пріемы солдатскіе гдѣ выучили?

— Дома. Шутя отъ отца выучилась. Родные думали: балуется дѣвка. А я всерьезъ. Выучилась маршировкѣ, остриглась, переодѣлась и ушла. Отечеству захотѣла послужить. А въ сестры меня не приняли по необразованію. Въ пяти бояхъ побывала.

— Какъ же вы жили среди солдатъ?

— Никто изъ нихъ не зналъ и не подозрѣвалъ. Привыкла...

Она оказалась мѣщанкой пригородной слободы. Ее отправили лѣчиться домой.

* * *

Ранили поручика N. Онъ пролежалъ въ госпиталѣ двѣ недѣли и эвакуировался въ Россію.

Черезъ три дня въ полкъ, въ которомъ служилъ поручикъ, явился съ эшелономъ молодой красивый солдатъ, очень похожій на женщину.

— Мнѣ нуженъ поручикъ N.—сказалъ онъ одному офицеру.

— N раненъ...

— Я знаю.

— ... и эвакуировался въ Россію.

— Какая неудача!

— Ты кто ему?

— Я... его невѣста.

Собрались офицеры полюбоваться на солдата-женщину. Многіе узнали ее. Дѣйствительно, она была невѣстой поручика N.

— Что васъ заставило переодѣться?

— Нужда. Трудно проѣхать къ вамъ. Когда я узнала, что женихъ мой раненъ и, несомнѣнно, нуждается въ моемъ уходѣ, я бросилась къ военному начальству. Прошу: „Дайте пропускъ!“ — „А вы кто ему будете?“

—„Невѣста“.—„Нѣтъ, не можемъ дать. Даемъ матерямъ и женамъ, и то не всегда“. Что было дѣлать? Я пустилась на хитрость. Переодѣлась солдатомъ. Доѣхала кое-какъ съ эшелономъ. Солдаты узнали, что я женщина. Стали смѣяться, я краснѣю. Съ моимъ лицомъ трудно утаиться. Пришлось бѣжать. Перешла въ другой эшелонъ. Тамъ тоже скоро узнали. Я—въ третій. Такъ-кое-какъ, проводя ночи безъ сна, добралась я до полка

Офицеры выхлопотали ей обратный пропускъ, и она уѣхала домой къ жениху.

Эпизоды.

1.

Бой въ полномъ разгарѣ. Жужжатъ, какъ шмели, пули. Трещатъ пулеметы. Рвется надъ головами шрапнель. Гдѣ-то кричатъ „ура“. Все огромное предгорье застлано орудійнымъ дымомъ.

Около одной горы было сравнительно спокойно. Тутъ шло саперное сраженіе. Русскіе и австрійцы докопались до того, что стрѣлять стало невозможно. Разстояніе всего тридцать шаговъ. Высунуть пальца нельзя. Сначала русскіе кидали въ австрійцевъ ручными гранатами, а потомъ и это занятіе почему-то бросили. Стояли тихо и копали вдоль и поперекъ, подбираясь къ противнику. Стали ясно слышны голоса австрійцевъ.

Однажды изъ непріятельскихъ окоповъ донесся крикъ:

— Эй, русскіе! Идите къ намъ въ гости!

— Стрѣлять будете? — отвѣчаютъ наши.

— Даемъ слово не стрѣлять.

— Хорошо, придемъ!..

— Ребята, кто хочетъ къ австрійцамъ въ гости итти У нихъ водка есть.

Отозвались пятеро и крикнули австрійцамъ:

— Идемъ!

Тѣ посовѣтовали:

— Ползите осторожнѣе, чтобы артиллерія не замѣтила.

Поползли солдаты. Проползли счастливо и свалились къ австрійцамъ въ окопы. Тѣ радостно встрѣтили ихъ, познакомились, пожали руки и стали ихъ угощать. А бой идетъ: жужжатъ пули, рвется шрапнель... Просидѣли солдаты полчаса, напились, наѣлись и встали:

— Покорно благодаримъ!

Уходя, они сказали австрійцамъ:

— Теперь вы впятеромъ къ намъ въ гости.

Австрійцы согласились, но поставили условіемъ, чтобы одинъ изъ русскихъ остался у нихъ заложникомъ.

— Значитъ, вы намъ не вѣрите?

— Вамъ вѣримъ, а своимъ нѣтъ,—уйдутъ и не придутъ.

Солдаты согласились оставить заложника. Но никому изъ нихъ не хотѣлось оставаться. Тогда жребіемъ рѣшили споръ. Остался Потаповъ.

Поползли пятеро австрійцевъ къ русскимъ въ гости. Наши встрѣтили ихъ. Посидѣли, поговорили. За разговоромъ прошло полчаса. Надо австрійцамъ уже домой уходить, а они и не думаютъ. Сидятъ и разговариваютъ. Ужъ надоѣли русскимъ.

Наконецъ, встали и объявили:

— Мы назадъ не пойдемъ!

— Какъ такъ? А заложникъ?

— Заложникъ одинъ, а насъ пятеро.

— Онъ одинъ дороже васъ пятерыхъ.

Поспорили и поссорились:

— Никакихъ правовъ не имѣете,—говорили наши солдаты:—пришли въ гости, а хотите оставаться совсѣмъ! Гдѣ же это видано? Хороши гости!

У австрійцевъ свои резоны:

— Нечего намъ тамъ дѣлать. Мы—славяне, ваши

братья. Наконецъ, въ окопахъ мы, все равно, не удержимся. Берите насъ въ плѣнъ!

Кто-то предложилъ гнать безцеремонныхъ гостей. Но исполнить этого было нельзя. Какъ ихъ прогонишь, когда они упираются? Борьбой привлечешь артиллерійскі огонь.

— Чортъ съ вами, оставайтесь!

Крикнули заложнику:

— Прощай, братъ Потаповъ! Жалко намъ тебя, но ничего сдѣлать не можемъ!

— Почему такъ?

— Австріяки подвели, не хотятъ итти назадъ!

— А вы ихъ прикладами!

— Нельзя!

Потаповъ долженъ былъ остаться въ плѣну.

Къ утру русскіе бросились въ атаку и ходившіе другъ къ другу въ гости люди дрались, какъ звѣри.

2.

Шелъ ночной бой. Тьму освѣщали только молніи артиллерійскихъ снарядовъ.

Одна позиція переходила изъ рукъ въ руки.

Русскіе то занимали ее, то теряли подъ напоромъ превосходныхъ силъ германцевъ и австрійцевъ.

Работали штыки. Люди въ темнотѣ распарывали другъ-другу груди, сплетались другъ съ другомъ въ одинъ комокъ, рвали зубами противника и падали внизъ, увлеченные общимъ потокомъ. Въ яростной борьбѣ проходила ночь. Никто не хотѣлъ уступить мѣста противнику.

Наконецъ, наступило затишье. Въ это время къ позиціи подъѣхала солдатская кухня. Тыловое начальство захотѣло обрадовать солдатъ горячимъ обѣдомъ. Кашеваръ (или солдатъ съ кухни) подскакалъ къ позиціи и громко закричалъ на нѣмецкомъ языкѣ:

— Обѣдъ! Обѣдъ! Подставляйте чашки!

Изъ окоповъ вышли люди съ чашками. Кашеваръ наливалъ имъ горячій сытный бульонъ и весело хохоталъ, разсказывая что-то забавное о „русскихъ свиньяхъ“ и иронизируя надъ солдатской прожорливостью. Солдаты были молчаливы. Никто не проронилъ ни слова.

Когда они поѣли, кашеваръ весело сѣлъ на передокъ и ударилъ лошадь.

Но она не сдвинулась съ мѣста.

— Что тамъ такое?

Лошадь держали подъ-уздцы.

— Ну, не шалите!..

Къ кашевару подошли два солдата, и онъ, къ ужасу своему, увидалъ русскихъ и понялъ, что онъ на русской позиціи.

Накормилъ русскихъ, думая, что кормитъ своихъ!

— Поѣзжай въ штабъ дивизіи—приказали ему и дали двухъ конвойныхъ

Онъ уныло поплелся съ солдатской кухней въ русскій лагерь.

Оказалось, что когда бульонъ варился, позиція принадлежала противнику. А когда онъ поспѣлъ, позиція перешла уже въ русскія руки. Кашеваръ въ темнотѣ не разобрался въ положеніи.

Русскіе отдыхали, когда онъ подъѣхалъ къ нимъ и обрадовалъ крикомъ:

— Обѣдъ! Обѣдъ!

Мигомъ сообразили, въ чемъ дѣло. Несмотря на страшную усталость, захотѣли пошутить.

— Ребята! Молчите и ѣшьте!

Молчали и ѣли.

И съѣли нѣмецкій обѣдъ.

3.

Въ бояхъ подъ Краковомъ произошелъ такой случай. Однимъ изъ звеньевъ длинной цѣпи русскихъ око-

повъ была чешская гуситская дружина. Она долго стрѣляла въ противника изъ-за прикрытія и, наконецъ, сошлась съ нимъ въ рукопашномъ бою. Въ пылу борьбы, обѣ стороны не замѣтили, какъ сгрудились и шли почти сомкнутымъ строемъ. Образовались двѣ толпы, идущія другъ на друга.

Когда сошлись, то всѣ увидали, что шедшій въ первомъ ряду гуситской дружины чехъ вдругъ громко вскрикнулъ, бросилъ винтовку на землю и съ распростертыми объятіями кинулся къ противнику. То же самое сдѣлалъ и австріецъ, шедшій въ первомъ ряду.

Онъ закричалъ:

— Братъ мой! Братъ мой!

Они сжали другъ-друга въ объятіяхъ и стали издавать громкіе радостные крики.

Это привлекло вниманіе обѣихъ колоннъ. Наступила минута недоумѣнія. У всѣхъ безсильно повисли ружья.

Этой минутой воспользовались задніе ряды русской колонны. Они зашли съ фланговъ и окружили противника кольцомъ. Австрійцы принуждены были сдаться безъ боя.

Русскій чехъ встрѣтилъ своего родного брата въ австрійскомъ войскѣ.

Когда плѣнныхъ уводили, чехъ долго не могъ разстаться съ братомъ. Онъ шелъ съ нимъ обнявшись, цѣловалъ, гладилъ по головѣ и со слезами, растроганнымъ голосомъ говорилъ всѣмъ:

— Это— мой братъ! Я-было убилъ своего брата! О, Господи, Господи!..

4.

Батальону русской пѣхоты было отдано приказаніе ночью атаковать и занять непріятельскіе окопы. Подробностей расположенія окоповъ не было дано, и баталь-

онному командиру,—пожилому, закаленному въ бояхъ капитану,—пришлось вести батальонъ наудачу, безъ развѣдки. Ночь темная, сырая. Батальонъ осторожно пробирается, имѣя по обѣимъ сторонамъ дозоры. Наконецъ, онъ достигаетъ непріятельскихъ окоповъ, и какъ разъ тѣхъ самыхъ, которые надо было занять. Приготовились къ атакѣ. Но что за странность! Въ окопахъ нѣтъ признака жизни. Явилось сомнѣніе: тѣ ли окопы? Въ темнотѣ легко заблудиться и попасть на старые оставленные окопы. Нѣтъ, тѣ самые, изъ которыхъ весь день палили по русскимъ. Окопы эти были три часа назадъ полны австрійцами. Гдѣ же они теперь? Для бѣгства у противника не было основаній.

Русскіе заняли окопы. Приказаніе было исполнено. Спать батальону было уже нельзя, а ночи осеннія,—длинныя, скучныя. Командиръ рѣшилъ использовать время и узнать, куда дѣвались австрійцы. Онъ послалъ отрядъ въ сосѣднюю деревню. Солдаты безъ труда проникли въ деревушку. Она была оставлена жителями. Лишь нѣсколько человѣкъ, не успѣвшихъ убѣжать, ютились въ земляной ямѣ. Они выходили по ночамъ и искали пищи. На одинъ изъ такихъ бродячихъ призраковъ наткнулись русскіе солдаты. Схватили „пана“ спрашиваютъ:

— Гдѣ австрійцы?

Тотъ сказалъ:

— Въ халупахъ (избахъ).

— Что они тамъ дѣлаютъ?

— Спятъ.

Оказывается, австріцы на ночь бросили окопы и ушли спать въ тепло. Они дѣлали это не разъ, пользуясь тѣмъ, что русскіе никакъ не могли предположить объ оставленіи противникомъ окоповъ. Утромъ, выспавшись, австрійцы возвращались и начинали съ свѣжими силами стрѣльбу. Уходя на ночь въ деревню, они, конечно, оставляли караулъ. Но въ этотъ разъ австрійцы были такъ измучены,

что караулъ ихъ заснулъ и былъ „снятъ“ русскими безъ шума.

Капитанъ, послав отрядъ въ деревню, вышелъ за окопы и услыхалъ топотъ лошадиныхъ ногъ. Въ темнотѣ выросъ силуэтъ всадника. „Казакъ,—подумалъ капитанъ, —съ приказомъ“. И закричалъ ему:

— Сюда, сюда!

„Казакъ“ летѣлъ въ карьеръ прямо на окопы. За нимъ мчались еще двое всадниковъ. „Нѣтъ, это не казакъ“,—понялъ капитанъ. Всадники, оказавшіеся венгерцами, подъѣхали къ окопамъ и сообразили, что попались, но не растерялись. Одинъ изъ нихъ, видимо, офицеръ, мигомъ вздыбилъ коня и громко скомандовалъ:

— Впередъ!

Они бросились къ окопамъ, нашли знакомый переѣздъ черезъ нихъ и помчались. Но капитанъ скомандовалъ: „пли!“ Въ догонку кавалеристамъ посыпались пули. Одинъ изъ нихъ былъ сраженъ и упалъ. Остальные двое не бросили товарища, а вернулись и подъ градомъ пуль увезли его. Когда всадники скрылись, капитанъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя нашелъ своего унтеръ-офицера съ раскроеннымъ черепомъ.

За убійство унтеръ-офицера русскіе жестоко отомстили. Когда отрядъ, вернувшійся изъ деревни, донесъ о мирномъ снѣ австрійцевъ, капитанъ приказалъ „потревожить“ противника. Разбуженные выстрѣлами, австрійцы въ паникѣ выскакивали изъ халупъ. Часть ихъ погибла отъ русскихъ пуль, а часть сдалась. Ихъ отвезли „досыпать“ въ Россію.

5.

Въ Карпатахъ кипѣлъ бой. Жужжали пули, сверкали яркія звѣзды шрапнелей. Высоты, какъ всегда, были заняты австрійцами, которые избороздили верхи холмовъ

окопами и засыпали пулями русскихъ. Но наши, хотя и открытые для противника, упорно двигались по долинѣ впередъ, лѣзли на крутизну и кровью поливали каждый свой шагъ.

Лавина нашихъ войскъ была неудержима. Русскіе уже выбили австрійцевъ съ первыхъ холмовъ и стали окружать ихъ съ лѣваго фланга. Пораженіе австрійцевъ было неминуемо, но они бились до послѣдняго заряда, устилая окопы своими трупами. Когда наша дивизія зашла противнику въ тылъ, на одномъ непріятельскомъ холмѣ вдругъ появился австрійскій офицеръ съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ.

— Сдается!—увидали его ближайшія части нашей пѣхоты и прекратили огонь. Изъ-за холма тоже перестали стрѣлять.

Офицеръ шелъ къ русскимъ. Къ нему вышли.

— Что вамъ угодно?—спрашиваютъ.

— Я—командиръ трехъ ротъ. Мнѣ надо видѣть вашего полковника.

— Вы хотите сдаться?

— Я долженъ сначала переговорить съ вашимъ полковымъ командиромъ.

Просьба была необычайна. Къ офицеру вышелъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ. Между ними произошелъ такой разговоръ:

— Скажите,—спросилъ австріецъ,—взята ли вами вонъ та гора?

И указалъ на синѣвшую вдали гору.

— Почему вы это спрашиваете?

— Отъ этого зависитъ, сдамъ я вамъ свои три роты или нѣтъ.

Гора, на которую указалъ офицеръ, служила опорной базой для австрійцевъ. Если она перешла въ руки русскихъ, то сраженіе тѣмъ самымъ оканчивалось. Потерять эту гору для австрійцевъ было равнозначаще полному

пораженію. Русскіе, проникнувъ между горъ, разобщили части австрійскихъ войскъ и окружили эти три роты. Командиръ поэтому не могъ узнать, въ чьихъ рукахъ командующая высота, и обратился за свѣдѣніями къ... противнику.

— Высота въ нашихъ рукахъ,—отвѣтили ему.

Его завѣрили въ этомъ честнымъ словомъ и показали телефонограмму съ извѣстіемъ о взятіи горы. Тогда австріецъ сдалъ русскимъ свой отрядъ, сказавъ:

— Сопротивленіе безсмысленно...

6.

— Сражаться съ австрійцами и побѣждать ихъ не такъ ужъ легко, какъ вы думаете,—говорилъ мнѣ одинъ офицеръ.

Онъ провелъ японскую кампанію и прошелъ боемъ черезъ всю Галицію, отъ Проскурова до Ярослава.

— Они часто сдаются?—говорю я.

— Сдаются, но когда!..

— Правда, у насъ въ полку былъ такой случай,—продолжалъ онъ.—Унтеръ-офицеръ попалъ къ австрійцамъ въ плѣнъ. Мы съ нимъ уже простились, какъ вдругъ къ вечеру видимъ, что онъ бѣжитъ къ нашимъ окопамъ, а за нимъ человѣкъ пятнадцать австрійцевъ... А австрійская артиллерія жаритъ по нимъ шрапнелями. Мы уже взвели курки, а унтеръ-офицеръ кричитъ: „Не стрѣляйте!“ Видимъ, что австрійцы безъ оружія и вовсе не гонятся за унтеромъ, а бѣгутъ вмѣстѣ съ нимъ. Подбѣжали они всѣ къ намъ. Унтеръ первымъ дѣломъ ко мнѣ, взялъ подъ козырекъ и рапортуетъ:

— Честь имѣю донести вашему высокоблагородію, что я взялъ въ плѣнъ пятнадцать австріяковъ...

— Молодецъ,—говорю.

Разсказываетъ онъ чудеса. Не повѣрилъ бы, если

бы фактъ не былъ налицо. Привели они его къ себѣ въ окопы и оставили. Шелъ горячій бой, и имъ было не до него. Унтеръ слышитъ, что ближайшіе австріяки говорятъ между собой по-хохлацки. Русскіе, значитъ! Онъ къ нимъ съ рѣчью:—„Хлопцы! Что же вы до чего дошли, на своихъ руки поднимаете?“ Они стрѣляютъ, а сами съ нимъ разговариваютъ. Подъ конецъ убѣдилъ онъ ихъ бѣжать съ нимъ. Выдался благопріятный моментъ, они и дали стрекача. Имъ въ догонку стрѣляли, да не попали...

— Но такіе случаи рѣдки,—продолжалъ офицеръ. — Это—исключеніе. А общая картина такова, что сдаются австрійцы только тогда, когда надъ грудью ихъ занесенъ штыкъ, и уйти отъ этого штыка никуда нельзя. Разскажу о боѣ, въ которомъ мнѣ прострѣлили ногу. Намъ приказали выбить штыками австрійцевъ изъ окоповъ. А разстояніе между нами было шаговъ семьсотъ. Выскочили мы изъ своихъ окоповъ, разсыпались и побѣжали къ нимъ. Бѣжимъ и людей теряемъ... Они въ насъ изъ винтовокъ и изъ пулеметовъ жарятъ. Прямо свинцовый дождь! А мы безъ выстрѣла... Подбѣжали, и ужъ рѣденько стало въ нашихъ рядахъ. Закричали „ура“ и къ нимъ въ окопы со штыками. А они, поганцы, настрѣлявшись до сыта, бросили винтовки, вынули бѣлые флажки и смирнехонько стоятъ, словно невинные агнцы. Точно стрѣляли въ насъ не они, наложили намъ гору труповъ тоже не они. И такая насъ злость тогда взяла... Взялъ бы и проткнулъ ихъ „невинныя“ морды... А нельзя... Всѣ семьсотъ шаговъ только и пылали наши сердца местью. И не пришлось отомстить!..

7.

Въ Карпатахъ около одного изъ проходовъ шелъ бой. Двѣ линіи окоповъ—наша и непріятельская—вились

зигзагами по подошвамъ двухъ огромныхъ, стоящихъ другъ противъ друга, горъ и сползали внизъ, куда-то въ туманную даль. Между окопами на пространствѣ семисотъ шаговъ была равнина, по которой пролегала дорога. На равнинѣ свистали пули и рвались гранаты.

Въ самый разгаръ боя русскіе замѣтили всадника, который появился откуда-то снизу, словно выскочилъ изъ земли. Онъ былъ черный, мохнатый и какъ будто съ крыльями. Наши солдаты приняли его за дьявола, только одинъ дьяволъ можетъ безнаказанно показываться между окопами во время жаркой перестрѣлки, потому-что пули передъ нимъ безсильны.

Всадникъ летѣлъ сломя голову по равнинѣ на своемъ конѣ-птицѣ и безпокойно оглядывался по сторонамъ, какъ будто кого-то искалъ. Пули свистали около него, но онъ безстрашно мчался имъ на встрѣчу во весь карьеръ.

Русскіе видѣли, что таинственный всадникъ повернулъ коня къ непріятельской позиціи. Промчался вдоль австрійскихъ окоповъ, что-то крикнулъ австрійцамъ и махнулъ имъ рукой. Но изъ окоповъ по немъ дали залпъ и открыли частую стрѣльбу. Тогда всадникъ круто повернулъ лошадь къ русскимъ и, пригнувшись къ лукѣ, стрѣлой помчался впередъ.

Всадникъ подлетѣлъ къ нашимъ окопамъ и гортаннымъ, восточнымъ выговоромъ спросилъ по русски:

— Какой народъ?

Глаза его дико горѣли. Пули жужжали около него какъ рой потревоженныхъ шмелей.

—Русскіе,— отвѣчали ему изъ окоповъ.

Онъ взвилъ коня на дыбы, перескочилъ черезъ головы солдатъ и мгновенно пропалъ изъ глазъ за выступомъ горы, словно провалился сквозь землю. Только дьяволъ можетъ такъ появляться и изчезать.

Командиръ роты не могъ удержаться, чтобы откро-

венно не расхохотаться. Глядя на него, стали оглядываться и солдаты. „Дьяволъ“ вблизи оказался знакомымъ человѣкомъ. Онъ былъ одѣтъ въ костюмъ кавказскаго горца, а его крылья оказались простой буркой.

Всадникъ былъ чеченецъ изъ кавказской дивизіи. Дикій, безстрашный и храбрый, какъ всѣ солдаты этой дивизіи. Онъ куда-то ѣхалъ, заблудился и попалъ между окоповъ.

Когда зажужжали около него пули, чеченецъ, вмѣсто того, чтобы осмыслить положеніе, найти русскую сторону и, сойдя съ коня, добраться ползкомъ до безопаснаго мѣста, началъ метаться: пришпорилъ коня и помчался вдоль линіи окоповъ искать своихъ. Подъѣхалъ къ австрійцамъ и спросилъ:

— Какой народъ?

Когда они залпомъ отвѣтили ему на вопросъ, онъ полетѣлъ къ русскимъ и тамъ предложилъ свой вопросъ.

Пули сдѣлали хорошо, что пожалѣли удальца.

8.

Непріятель, чувствуя силу горцевъ, выставилъ противъ кавказской дивизіи лучшихъ стрѣлковъ—тирольцевъ, а въ окопы посадилъ германскую пѣхоту.

Конечно, германцы и на австрійскомъ фронтѣ ведутъ войну также не честно, какъ и на своей границѣ. Одинъ изъ излюбленныхъ нѣмецкихъ пріемовъ—выкинуть бѣлый флагъ и встрѣтить офицера выстрѣломъ.

Эту подлость они вздумали примѣнить къ кавказцамъ.

Когда горцы, бившіеся въ спѣшенномъ строю, увидали флагъ, офицеръ прекратилъ огонь и довѣрчиво пошелъ къ непріятельскимъ окопамъ. Онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флага, какъ вдругъ германцы, предательски дали по немъ залпъ въ упоръ.

Офицеръ упалъ.

Тогда свершилось нѣчто страшное.

Нужно сказать, что часть офицеровъ кавказской дивизіи горцы же. Онъ офицеръ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мулла. Горецъ никого не знаетъ, кромѣ этого непосредственнаго своего начальника, священника и отца. Съ нимъ онъ пріѣхалъ съ далекой родины, за него онъ мститъ самой жестокой местью и готовъ отдать свою жизнь.

Офицеръ, предательски убитый, былъ именно изъ тѣхъ родныхъ кавказцу людей.

Когда онъ упалъ, произошло что-то стихійное, какъ налетъ бури. Горцы, словно разъяренные львы, съ дикимъ воемъ выскочили изъ своихъ окоповъ и, не смотря на убійственный огонь, спотыкаясь и падая на трупы товарищей, добѣжали до непріятельскихъ окоповъ, бросились на германцевъ съ кинжалами и буквально изрѣзали ихъ на куски. Страшно было смотрѣть на искаженныя злобой лица, слушать вой горцевъ и видѣть, какъ въ окопѣ катается комъ изъ человѣческихъ тѣлъ...

Когда была совершена кровавая месть, горцы подняли тѣло своего офицера, подобрали павшихъ товарищей и подъ огнемъ германцевъ, сидѣвшихъ въ другихъ окопахъ, удалились къ себѣ.

9.

Условія горныхъ боевъ таковы, что артиллерія часто не видитъ своей пѣхоты, а пѣхота не видитъ артиллеріи. Каждая изъ нихъ только предполагаетъ, что пѣхотные окопы впереди, а артиллерія гдѣ-нибудь за горой сзади.

Но случается, что пѣхота въ разгарѣ боя вынуждена измѣнить свое расположеніе. Она или уходитъ незамѣтно взадъ и, сама того не подозрѣвая, оставляетъ артиллерію на добычу насѣдающей непріятельской пѣхотѣ, или бросается впередъ и попадаетъ подъ выстрѣлы своей собственной артиллеріи...

Конечно, существуютъ телефоны для разныхъ извѣщеній и предупрежденій частей, но война не бухгалтерія, и бываютъ случаи, что о телефонѣ въ пылу или забываютъ или просто теряютъ возможность имъ пользоваться.

Былъ такой случай. Наша батарея стояла въ открытомъ мѣстѣ и стрѣляла, ничего по обыкновенію не видя, кромѣ горы. Въ разгарѣ боя пѣхота по тактическимъ соображеніямъ начала отступать. Съ наблюдательнаго артиллерійскаго пункта это отступленіе не было замѣтно. Батарея продолжала спокойно стрѣлять.

Вдругъ изъ-за гребня горы показались австрійцы. Старшій офицеръ, видя гибель батареи, не растерялся. Скомандовалъ:—Картечью!..

И приказалъ всѣмъ номерамъ кричать „ура“.

Почему онъ распорядился кричать „ура“, онъ, вѣроятно, самъ не объяснилъ бы. Въ страшную минуту приходитъ какая-нибудь мысль и за эту первую мысль человѣкъ ухватывается, какъ погибающій за соломинку. Мысль эта оказалась счастливой.

Австрійцы были сбиты съ толку. Картечный огонь и громкое „ура“ заставили ихъ на минуту остановиться, прислушаться, выяснить положеніе. А на войнѣ моментъ рѣшаетъ дѣло. Когда они поняли, что не трудно обойти батарею съ фланга и взять ее голыми руками, нашъ офицеръ уже успѣлъ скомандовать:

— Передки на батарею!

Ѣздовые подъѣхали къ пушкамъ, мигомъ сняли ихъ съ позиціи и на глазахъ австрійцевъ увезли галопомъ, продолжая кричать во всю мочь „ура“. Эти крики услыхала наша пѣхота и, отступая, тоже начала кричать „ура“.

Получилась странная картина. Люди отступали и кричали побѣдное „ура“.

10.

Аналогичный случай произошелъ въ другомъ мѣстѣ. Наша пѣхота, отступая, оставила батарею впереди себя. Австрійцы, благодаря отступленію нашихъ, продвинулись впередъ, прошли не замѣчая мимо батареи и очутились у нея въ тылу.

Офицеръ, командовавшій батареей, понялъ, что батареѣ грозитъ неминуемая гибель. Надо было ее отстаивать. Тогда онъ повернулъ орудіе назадъ, зарядилъ картечью и началъ осыпать ею австрійцевъ въ тылъ.

Но, накладывая гору труповъ враговъ, онъ видѣлъ, что поражаетъ тѣмъ же огнемъ и своихъ. Это было ужасно, но выхода изъ этого ужаснаго положенія не было. Наши стояли на одной линіи съ австрійцами. Оставалось только одно—замолчать и сдаться. Но офицеръ преслѣдовалъ задачу—спасти батарею и продолжалъ стрѣлять....

Батарею онъ, дѣйствительно, спасъ, сдѣлавъ брешь въ рядахъ австрійцевъ.

11.

Я познакомился въ пути съ прапорщикомъ, у котораго на груди висѣлъ георгіевскій крестъ.

— За что получили?—спрашиваю.

— Такъ, за одно смѣшное дѣло.

— Что вы говорите?

— Вѣрно. Именно, за смѣшное.

Онъ разсказалъ слѣдующее.

Его рота получила приказъ выбить штыковымъ ударомъ австрійцевъ изъ окоповъ. Онъ скомандовалъ и бросился первый съ винтовкой въ рукахъ.

— Помню, я что-то кричалъ. Кричали и солдаты. Только ночью мы атакуемъ молча. А во время дневной атаки, по большей части, кричимъ, сами того не замѣчая. Иной безсмысленно оретъ: „ахъ, вы! Бей ихъ! Держи! Лови!“ Другой просто тянетъ: „о-о-о-о-о!“, третій: „а-а-а-а а-а!“

И тому подобное. Я увѣренъ, что если бы послѣ атаки показать каждому изъ насъ стенограмму его крика, всякій сталъ бы увѣрять: „я этого не могъ кричать“. Въ эту страшную минуту, когда въ роту пересыхаетъ и хочется пить, человѣкъ боится остаться одинъ съ самимъ собой, съ своими мыслями. Онъ всѣ душевныя проявленія выливаетъ наружу въ безсознательномъ крикѣ. Крикомъ онъ инстинктивно себя бодритъ, имъ заполняетъ томительный промежутокъ между началомъ перебѣжки и штыковымъ боемъ, но, главное, въ крикѣ онъ чувствуетъ своего сосѣда, и самъ съ нимъ сливается...

Прапорщикъ пробѣжалъ среди убійственнаго огня шаговъ сто.

Пробѣжалъ ничего не слыша и ничего не видя. И вдругъ почувствовалъ, что онъ одинъ.

— Когда бѣжишь въ группѣ, такъ чувствуешь сосѣда. Не видишь, не слышишь, но чувствуешь.

Оказывается, рота не выдержала страшнаго огня и легла на землю, пробѣжавъ шаговъ пятьдесятъ.

Прапорщикъ остался на виду. По немъ стрѣляли, но пули щадили его. Онъ слышалъ уже страшное та-та-та пулемета. Вотъ-вотъ пулевая кишка обдастъ его своими смертоносными брызгами.

Австрійцы замѣтили что русскій офицеръ одинъ. Шесть смѣльчаковъ выбѣжали изъ ихъ окоповъ и съ винтовками въ рукахъ направились къ офицеру, видимо, думая взять его въ плѣнъ. Въ этотъ напряженный моментъ произошло одно смѣшное событіе.

Прапорщикъ видѣлъ, что къ нему подходятъ враги. Надо было защищаться. Но вмѣсто защиты у него вдругъ выскальзываетъ изъ рукъ ружье и падаетъ на землю. Какъ это случилось, онъ не отдаетъ себѣ отчета. Защищаться стало нечѣмъ.

Австрійцы изумились, когда увидали, что офицеръ безоруженъ. Можетъ быть, они подумали, что прапорщикъ самъ бросилъ винтовку. Это на нихъ подѣйствовало

разслабляюще. У одного тоже выпала изъ рукъ винтовка, а другіе просто растерялись.

У прапорщика осталось въ сознаніи одно: надо защищаться. Но чѣмъ? Тогда онъ бросился съ сжатыми кулаками на перваго австрійца и ударилъ его по лицу. Тотъ не ожидалъ, что русскій пуститъ въ ходъ такое мирное-оружіе, опѣшилъ и отшатнулся въ сторону.

Прапорщикъ подбѣжалъ ко второму австрійцу и его ударилъ кулакомъ. Тотъ же результатъ. Къ третьему... Обошелъ всѣхъ шестерыхъ и запечатлѣлъ на ихъ лицахъ свой кулакъ.

— Наши солдаты увидали, какъ ихъ ротный расправлялся съ растерявшимися непріятелями, ободрились, встали съ земли и окружили шестерыхъ австрійцевъ. Подъ огнемъ пулемета они увели ихъ въ плѣнъ, а потомъ съ крикомъ подбѣжали къ австрійскимъ окопамъ и выбили непріятеля.

— Все это, конечно, было дѣломъ одной минуты. И только этой молніеносностью объясняется, что прапорщикъ однимъ кулакомъ натворилъ столько чудесъ.

12.

Во время карпатскаго прорыва австрійцевъ съ однимъ полевымъ госпиталемъ произошелъ такой случай.

Ему было дано приказаніе спѣшно свернуться и переѣхать въ другой пунктъ. Но въ госпиталѣ лежали раненые—быстро свернуться было невозможно. Началась суматоха. Пока запрягли лошадей, перенесли раненыхъ въ фуры, положили на воза хозяйственныя принадлежности—прошло нѣсколько часовъ. Прискакалъ австрійскій разъѣздъ, состоящій изъ 68 человѣкъ, и объявилъ госпиталю, что онъ въ плѣну.

— Вашъ револьверъ!—обратился офицеръ къ врачу.

У того револьвера съ собой не оказалась. Въ суматохѣ забылъ надѣть. Бросились искать въ повозкахъ.

Гдѣ-то нашли, отдали и этимъ успокоили австрійскаго офицера. Онъ отдалъ приказаніе госпиталю:

— Поѣзжайте туда.

И указалъ на австрійскую сторону.

Но тронуться было трудно. Разъѣздъ, когда подъѣзжалъ къ госпиталю, сдѣлалъ по немъ нѣсколько выстрѣловъ, хотя видѣлъ флагъ Краснаго Креста, и убилъ пять лошадей, запряженныхъ въ повозки. Надо убитыхъ замѣнить новыми лошадьми, а ихъ не было. Пока выпрягали, складывали имущество на другія фуры, австрійскій разъѣздъ стоялъ и нетерпѣливо ждалъ.

Въ это время изъ-за горы показался казакъ. Недоѣзжая до госпиталя шаговъ двѣсти, онъ закричалъ врачу:

— Ваше б—іе, скорѣе трогайтесь, австрійцы близко!

— Не могу—отвѣтилъ врачъ.

— Почему?

— Я въ плѣну.

— Въ плѣну-у-у-у?—удивился казакъ.—Ну такъ я сейчасъ вамъ эскадронъ пришлю на выручку!..

Австрійскій офицеръ спросилъ врача:

— Кто это?

— Казакъ.

Офицеръ насторожился.

— Что онъ сказалъ?

— Обѣщалъ эскадронъ прислать,—перевелъ ему врачъ по-нѣмецки.

Австрійцы заволновались. Въ это время изъ-за горы выѣхалъ мохнатый всадникъ съ одной пикой. Потомъ на нѣкоторомъ разстояніи показался другой такой же всадникъ. Далѣе—третій, четвертый...

— Эскадронъ!—закричали австрійцы и побросали оружіе.

Казаки окружили разъѣздъ и взяли его въ плѣнъ. Австрійцы сочли побѣдителей, и оказалось, что ихъ всего шесть человѣкъ. Они намѣренно растянулись на большое

пространство, когда выѣзжали изъ-за горы. Эскадрона никакого не было—казаки обманули.

Но было уже поздно. Оружіе лежало на землѣ. Шесть страшныхъ мохначей держали винтовки у плеча...

13.

На Санѣ я слышалъ любопытный военный эпизодъ.

Наши солдаты сидѣли въ одномъ изъ окоповъ и перестрѣливались черезъ рѣку съ австрійцами. Впереди ихъ былъ бугоръ земли, служившій имъ нѣкоторой защитой.

Австрійская артиллерія стрѣляла тяжелыми орудіями, пристрѣливаясь къ тому мѣсту окоповъ, которое лежало за бугромъ.

Вдругъ послѣ взрыва снаряда на нашихъ солдатъ обрушилось что-то тяжелое и страшное. Въ окопы полетѣли камни, песокъ, земля и.... какіе-то черные, смрадные куски. Тѣ, кого не задавила эта лавина, съ ужасомъ увидали, что около нихъ валяются части разложившихся человѣческихъ труповъ. Руки, ноги, головы. Зеленыя и землистыя отъ времени,—издавали удушающій запахъ.

Никакихъ труповъ впереди окоповъ солдаты не видали. Откуда же они? Словно австрійцы зарядили пушку мертвецами и выстрѣлили.

— Божье наказаніе!..

Впечатлѣніе было ужасное. Офицеръ, разсказывавшій мнѣ объ этомъ, говорилъ:

— Въ этотъ моментъ можно было посѣдѣть...

Но прошло первое оглушающее мгновеніе, и черезъ минуту всѣ поняли, что ничего особеннаго не случилось. Это не „Божій громъ“, а одна изъ „милыхъ“ шутокъ войны. Бугоръ, за защитой котораго сидѣли наши солдаты, былъ братской могилой. Снарядъ попалъ въ нее разрылъ, исковеркалъ и разбросалъ трупы по окопамъ.

Бѣдные мученики войны! Имъ и послѣ смерти нѣтъ покоя отъ снарядовъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава первая. Насадители порядка. Взорванная станція. По разореной странѣ. Австріячка 5

Глава вторая. Львовъ и львовская жизнь въ первые дни по завоеваніи города. Львовъ въ послѣдніе дни русскаго владѣнія 19

Глава третья. Подъ Ярославомъ. У Сана. „Гуси“ 44

Глава четвертая. Одичавшій городъ 53

Глава пятая. По Галиціи на фурѣ. Страхи и надежды. Фольваркъ Бадени. Покинутые госпитали. Разсказъ раненаго 61

Глава шестая. Въ поискахъ трупа 84

Глава седьмая. Въ теплушкѣ 92

Глава восьмая. Городъ подъ огнемъ (Тарновъ) 96

Глава девятая. Около Тарнова. На наблюдательномъ пунктѣ. Въ обстрѣлѣ. Въ окопахъ 118

Глава десятая. Отступленіе русскихъ. Станиславовъ въ рукахъ австрійцевъ. Бѣженцы. Плѣнные. Евреи. Станиславовъ снова русскій 154

Глава одиннадцатая. У крѣпости Перемышль до ея паденія. Въ Перемышлѣ послѣ взятія крѣпости русскими. Историческія мѣста. Какъ произошла сдача крѣпости. Лошадиное кладбище. Какъ жили во время осады. Въ мирномъ Перемышлѣ 175

Глава двѣнадцатая. Карпаты. Ужокъ. Несчастные русины. Старые трупы. Пѣсенка германцевъ 214

Глава тринадцатая. По пути къ Козювкѣ. Сколе. Артиллерійскій бой 224

Глава четырнадцатая. Военные эпизоды 248

КНИГИ А. С. ПАНКРАТОВА:

Ищущіе Бога (очерки религіоз. исканій) кн. I-ая. 1 р.
Ищущіе Бога. Кн. II-ая. 1 р.
Безъ хлѣба. Очерки голода. 1 р.
Милліоны въ землѣ. Путешествіе на Ухту. 50 к.
У великихъ могилъ. 50 к.
Потомки Ивана Сусанина. 20 к.
Встрѣчные люди. 1 р.
Разсказы. Т. I. 1 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Ищущіе Бога. кн. III-я.

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ: Москва, 1-я Брестская, д. Волкова, кв. 50, А. С. Панкратову.

Складъ изданія настоящей книги при книжныхъ складахъ К. Ф. Некрасова: Москва, Цвѣтной бульваръ, 12; Петроградъ, Суворовскій просп., 29, кв. 25.

Цѣна 1 р. 50 к.